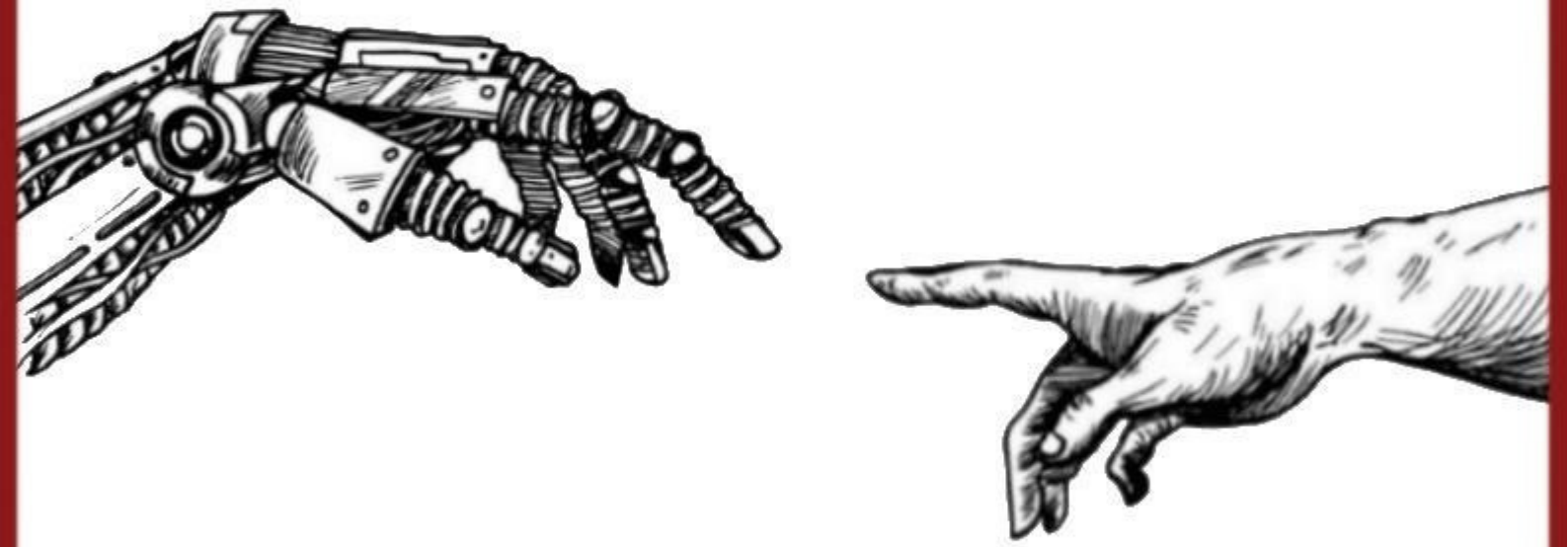
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК



VERITAS IN MEDIO EST

ТОМ 5
НОМЕР 2(15)
2025

ISSN:
3034-378X

Институт психологии Российской академии наук

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН 2025. ТОМ 5. № 2(15)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Лебедев Александр Николаевич

Заместители главного редактора:
Гордякова О.В. (Москва), Панфилова А.С. (Москва)

Члены редакционной коллегии:
Акопов Г.В. (Самара), Аксеновская Л.Н. (Саратов), Александров Ю.И. (Москва), Аллахвердов В.М. (Санкт-Петербург), Богданчиков С.А. (Москва), Волченков Д. (США, Техас), Гагарина М.А. (Москва), Демидов А.А. (Москва), Знаков В.В. (Москва), Корнилова Т.В. (Москва), Мазилов В.А. (Ярославль), Махнач А.В. (Москва), Нестик Т.А. (Москва), Панов В.И. (Москва), Прохоров А.О. (Казань), Сергиенко Е.А. (Москва), Скотникова И.Г. (Москва), Ушаков Д.В. (Москва), Харламенкова Н.Е. (Москва), Хащенко В.А. (Москва), Холодная М.А. (Москва), Юревич А.В. (Москва)

Институт психология РАН: 129366, г. Москва, ул. Ярославская д. 13, корп. 1.
Электронная почта: scientificnotesipras@yandex.ru
Полнотекстовая электронная версия журнала публикуется на сайте
https://scientific-letters.ru

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН
2025. Том 5. № 2(15)

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

От главного редактора …… 2

СОЦИАЛЬНАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Волченков Д., Лебедев А.Н.
Дискурсивная поляризация и возрастно-гендерные ценности: комбинированный анализ реакций на инициативу «Министерство счастья» …… 3

Новоселов В.М.
Мотивация суицидального поведения лиц пожилого и старческого возраста …… 16

Царицына П.М.
Теоретико-методологические подходы в исследовании психологических особенностей политических элит …… 23

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Степанов И.Л.
Сравнение особенностей психологической защиты заложников с наличием стокгольмского синдрома и депрессивных пациентов …… 32

Кузнецова Е.А.
Психологическая ригидность как фактор тяжести переживания психотравмирующей ситуации …… 41

Наумчук Н.С.
Феноменология репрезентации собственного рождения у взрослых женщин …… 51

Арестова О.Н.
Диагностика посттравматического стрессового расстройства на ранних стадиях развития с помощью анализа когнитивных искажений по методике пиктограмм …… 60

Кияненко И.К.
Применение практик осознанности в терапии посттравматического стрессового расстройства (по материалам зарубежных исследований) …… 67

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели журнала «Ученые записки ИПРАН», предлагаем вашему вниманию второй номер журнала за 2025 год. Здесь в основном опубликованы статьи новых авторов, причем большинство из них — это молодые люди. Исключение составляют две публикации. Первая выполнена нашим постоянным автором и членом редколлегии журнала профессором Техасского технологического университета (г. Лаббок, США) Д. Волченковым, которая написана по материалам исследования, проведенного научной группой ИПРАН в период 2023–2025 гг. при поддержке Российского научного фонда (РНФ). В работе представлены результаты, которые были получены с применением искусственного интеллекта, что демонстрирует возможности новых технологий для исследований, выполняемых в рамках социальной и политической психологии. Материал является хорошим примером международного сотрудничества, учитывая, что американские партнеры внесли свой вклад без какой-либо финансовой поддержки с российской стороны.

Также в разделе по социальной, экономической и политической психологии читателям предлагаются еще две статьи. В одной из них наш постоянный автор председатель секции геронтологии МОИП при МГУ им. М.В. Ломоносова Новоселов В.М. ставит проблему суицида людей преклонного и старческого возраста. Эта проблема в психологии рассматривается крайне редко, но является актуальной для благополучия многих современных семей как в нашей стране, так и за ее пределами. В работе аспирантки кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ П.М. Царицыной дан анализ различных подходов к изучению психологии политических элит, что сегодня в связи с политическими процессами, происходящими в современном мире, составляет важное направление в социальной и политической психологии.

Рубрика «Междисциплинарные исследования когнитивных процессов» открывается статьей нашего нового автора, руководителя отделения расстройств аффективного спектра ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, доктора медицинских наук И.Л. Степанова. В статье рассматривается феномен стокгольмского синдрома. Автор проводит сравнительный анализ с характеристиками депрессивного расстройства и предлагает интерпретировать стокгольмский синдром как вариант психологической защиты.

Следующие статьи в этом номере выполнены по материалам прошедшей в ИПРАН в мае 2025 года Всероссийской научной конференции «Посттравматический стресс: методология, теория, практика». Так, в статье доцента кафедры психологии личности факультета психологии СПбГУ к.пс.н. Е.А. Кузнецовой на основе эмпирического материала рассматриваются понятия психологической гибкости и ригидности, что крайне важно для оценки тяжести переживания психотравмирующей ситуации и лечения ПТСР в условиях психотерапевтической практики.

В работе преподавателя Института Практической Психологии и Психоанализа Н.С. Наумчук представлено феноменологическое описание репрезентации собственного рождения у женщин, что создает новые возможности для применения результатов исследования в психологическом семейном консультировании.

Статья доцента кафедры общей психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова к.пс.н. О.Н. Арестовой посвящена проблеме диагностики развития ПТСР на ранней стадии, предлагаются специально модифицированные для диагностики смыслового конфликта когнитивно-ориентированные методики. Подчеркнем, что все публикуемые в номере работы демонстрируют тесную связь современной фундаментальной и прикладной науки с широкой общественной практикой.

Завершается номер обзором научных публикаций по материалам зарубежных исследований, рассматривающих применение практик осознанности в ПТСР, подготовленным аспирантом Научно-учебной лаборатории психологии салютогенной среды Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» И.К. Кияненко.

Необходимо отметить, что многие статьи в журнале формируются на основе выступлений наших авторов на заседаниях постоянно действующего Академического дискуссионного клуба ИПРАН, что позволяет привлечь внимание как ученых психологов, так и практиков к актуальным проблемам современной науки. Ждем ваших выступлений в дискуссионном клубе и статей в журнале «Ученые записки ИПРАН».

С уважением, гл. ред. журнала,
д.пс.н. Лебедев Ал.Н.

СОЦИАЛЬНАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ДИСКУРСИВНАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ И ВОЗРАСТНО-ГЕНДЕРНЫЕ ЦЕННОСТИ: КОМБИНИРОВАННЫЙ АНАЛИЗ РЕАКЦИЙ НА ИНИЦИАТИВУ «МИНИСТЕРСТВО СЧАСТЬЯ»

© Волченков Д.
доктор физико-математических наук, профессор Техасского Технологического университета (Texas Tech University), Лаббок, Техас, США,
dimitri.volchenkov@ttu.edu

© Лебедев А.Н.
доктор психологических наук, гл.н.с. Института психологии РАН, Москва, Россия,
lebedevan@ipran.ru; ORCID: 0000–0003–1030–9709

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 23–18–00422, https://rscf.ru/project/23–18–00422.

Статья представляет результаты двухэтапного психолингвистического эксперимента, в ходе которого гендерно сбалансированная группа российских респондентов 307, а затем 200 человек разных возрастных когорт оценивали 50 основных и 10 дополнительных высказываний о создании «Министерства счастья». Комбинация описательной статистики, t-SNE-проекции, кластеризации k-means, информационно-теоретических метрик и семантического кодирования GPT-4 позволила выявить четыре устойчивых кластера ценностей и показать, что поляризационный импульс формируется молодыми критиками, тогда как старшие когорты выполняют буферную функцию институциональной лояльности. Гендерно-возрастной анализ дополнительного текста выявил радикально-критическую позицию мужчин среднего возраста и конформную ориентацию женщин на культурную стабильность. Индекс лояльности у поколения зрелого социализма превышает молодёжный в среднем на 17 баллов, что подтверждает гипотезу о смене коллективистских установок индивидуалистическими. Результаты демонстрируют потенциал интеграции вычислительной социологии и теории групповой динамики для ранней диагностики общественных расколов.

Ключевые слова: групповая поляризация; лояльность; кластерный анализ; информационная энтропия; социальные установки; возрастно-гендерные различия

Введение

Поляризация общественного мнения остаётся ключевой угрозой для устойчивого развития современных обществ (Inglehart, Welzel, 2005). В отечественной литературе акцент традиционно делается на ситуациях прямого взаимодействия, однако модель групповой поляризации Сержа Московиси (Moscovici, 1980) предсказывает, что даже пассивное наблюдение за дискуссией способно радикализировать установки. Цифровые медиа усиливают этот эффект, делая латентные ценностные различия видимыми и масштабируемыми. Тем не менее эмпирические работы, сочетающие количественную валидацию и качественную интерпретацию дискурсивных процессов, пока единичны.

Цель настоящего исследования — выявить, как возрастно-гендерная структура аудитории модифицирует траекторию поляризации при восприятии политически окрашенной инициативы. Мы выбираем кейс предложения о «Министерстве счастья» — сравнительно нейтральной, но символически насыщенной темы, позволяющей отделить содержательное несогласие от реакций на источник власти. Методический дизайн объединяет статистический анализ оценок, машинное снижение размерности и кластеризацию, а также

Дискурсивная поляризация и возрастно-гендерные ценности: комбинированный анализ реакций на инициативу «Министерство счастья» // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №2(15). С. 3-15.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_02

семантическое шкалирование с помощью языковой модели GPT-4 (Achiam et al., 2024). Дополнительное введение информационно-теоретических мер предоставляет динамический взгляд на процесс кумулятивной лояльности.

Показано, что межпоколенческие различия в индексе лояльности согласуются с гипотезой индивидуализации ценностей (Beck, Beck-Gernsheim, 2002), а гендерные эффекты воспроизводят моральные основы care / authority (Haidt, 2012). Тем самым работа расширяет теоретический аппарат поляризационных исследований и демонстрирует, как вычислительные инструменты способны выявлять зарождение конфликтных линий задолго до того, как они станут доступны широкой общественности.

Метод

Эксперимент был спроектирован в два последовательных этапа с целью эмпирически проследить, как дискуссия порождает поляризацию и перераспределение лояльности в массированной онлайн-аудитории. На первом этапе 307 добровольцев из шести регионов России изучали запись дискуссии, где несколько спикеров обменивались аргументами по поводу идеи создания в России новой управленческой структуры, а именно «Министерства счастья» (которая была предложена Председателем Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации В.И. Матвиенко в 2023 году). Из полной расшифровки обсуждения команда трёх независимых экспертов отобрала 50 реплик, обеспечив баланс лояльных, нейтральных и критических суждений; длина текста и эмоциональная окраска реплик не коррелировали (ρ=0,07, p>0,1), что исключило конфузию с длиной сообщения (Petty, Cacioppo, 1986). Каждая реплика демонстрировалась на экране в течение 15 с; затем участник выбирал вариант «согласен / затрудняюсь / не согласен» и переходил к следующему фрагменту. Порядок предъявления был псевдослучайным с латинским квадратом 4×4, чтобы нивелировать эффект утомления.

Во второй фазе была сформирована старшая подвыборка из 200 респондентов (возраста 40+). Им показывали дополнительный блок из десяти реплик, подготовленный после первичного анализа, чтобы уточнить гендерно-возрастные различия. Задание выполнялось асинхронно; авторизация осуществлялась по одноразовому токену, что гарантировало уникальность записей IP и timestamp. Время раздумья фиксировалось (M=9,8 с, SD=3,1), позволяя косвенно контролировать поверхностную или систематическую переработку информации (Cacioppo, Petty, 1986).

Перед началом обеих фаз участники проходили инструктаж и тренировочный пример, удостоверяясь, что понимают кодировку ответов. Демографический опросник собирал пол, возраст, уровень образования и политическую самоидентификацию. Для минимизации групповых артефактов процедура была индивидуальной: никто не видел чужих реакций, а порядок реплик персонально перемешивался, что исключало прямое соответствие политическим установкам — условие, критически важное для испытания модели групповой поляризации Московиси (Moscovici, 1980). Добровольность участия подтверждалась электронным информированным согласием; персональные данные хранились в обезличенном виде согласно GDPR.

Таким образом, дизайн совместил требования внутренней валидности — строго контролируемую последовательность стимулов, исключение межличностного влияния, рандомизацию порядка — и внешней валидности, обеспеченной многообразием регионов и возрастных групп. Подробная лог-структура (time-stamp, sequence-ID, response-latency) создаёт базу для воспроизводимого машинного анализа, а двухэтапная схема позволяет сопоставить первичную ценностную стратификацию с реакциями старших когорт на политически чувствительные реплики.

Результаты исследования и их анализ

Данные эксперимента составляли матрицу из пятидесяти основных и десяти дополнительных высказываний, оценённых в два этапа 307-ю, а затем 200-ми взрослыми респондентами. Каждая реакция («согласен», «нейтрально», «не согласен») была закодирована числами +1, 0, –1 и дополнена метаданными пола и возраста, что позволило проводить стратифицированный анализ. Первичная обработка включала вычисление долей ответов, медиан и межквартильных размахов, а также корреляционный анализ: коэффициент Пирсона показал слабую положительную связь между длиной реплики и вероятностью её позитивной оценки (ρ=0,22), что соответствует эффекту избыточной аргументации.

Для обнаружения латентной структуры реакций многомерные векторы ответов проектировались в двумерное пространство методом стохастического вложения соседей с t-распределением, t-SNE, со значением параметра perplexity — 30; алгоритм минимизировал дивергенцию Кульбака–Лейблера между распределениями парных расстояний (Cunningham, Ghahramani, 2015; Wattenberg

Discursive polarization and age-gender value structures: a combined analysis of reactions to the "ministry of happiness" initiative. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 3-15.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_02

et al., 2016). На полученной проекции применялся k-means с инициализацией k-means++, число кластеров k=4 выбиралось по «локтевому правилу»: итоговыми группами стали «Критически настроенные», «Прагматичные скептики», «Защитники стабильности» и «Приспособленцы перемен».

Для семантического кодирования реплик использовалась коммерческая версия GPT-4, которая присваивала каждой реплике баллы по четырем парам полярных шкал — Оптимизм — Скептицизм, Доверие — Недоверие, Патриотизм — Критика и Акцент на пользе — Акцент на проблемах — в диапазоне от +3 до –3 (Achiam et al., 2024). Суммирование четырех показателей давало интегральный индекс лояльности, сравнивавшийся между кластерами и возрастно-гендерными подгруппами.

Информационно-теоретический модуль оценивал условную энтропию $H_t(r|s)$ для измерения неопределённости ответа при заданном типе высказывания и взаимную информацию $I_t(r, s)$, отражающую степень зависимости реакции от содержания (Shannon, 1948). Дополнительно вычислялась энтропия согласия между парами респондентов внутри кластеров, что позволило количественно зафиксировать степень внутри-групповой когерентности.

Гендерно-возрастные различия изучались на подвыборке 200 взрослых. Для мужчин 44–51 лет индекс поляризации Esteban — Ray достиг 0,46, тогда как у женщин той же когорты составил 0,29, что согласуется с концепцией «отложенного радикализма» у мужчин среднего возраста (Burawoy, Krotov, 1994) и ориентацией женщин на защиту культурных норм «care/purity» (Gilligan, 1982; Haidt, 2012). Старшая группа 57–75 лет демонстрировала сочетание институциональной лояльности и прагматичного скепсиса, подтверждая модель «лояльного, но критического» гражданина (Norris, 2011).

Визуализация результатов включала каскадные диаграммы динамики интегрального индекса лояльности, box-plots распределений оценок и радар-графики сравнений кластеров по четырём семантическим осям. Графические элементы создавались в matplotlib; seaborn применялся для коробчатых диаграмм. Надёжность шкал проверялась коэффициентом Кронбаха α=0,81, а валидность кластерного решения — перекрёстной проверкой Silhouette score.

Ограничениями анализа выступают возможная социальная желательность ответов и систематическое смещение, связанное с использованием GPT-4 в роли семантического кодировщика. Тем не менее комбинированный инструментарий статистики, машинного обучения и информационной теории позволил получить многоплановое представление о ценностной стратификации и механизмах поляризации в современной российской аудитории.

Первичный анализ обработки данных показал устойчивую связь между структурными и семантическими характеристиками высказываний и реакциями респондентов. Длина высказывания положительно коррелировала с долей положительных оценок (ρ=0,22) и отрицательно — с долей отрицательных (ρ= –0,15), что указывает на предпочтение более развёрнутых, аргументированных реплик. Хотя эффект умеренный, он статистически значим и подтверждает феномен избыточной аргументации: длинные реплики чаще воспринимаются как рациональные и заслуживающие согласия (Petty, Cacioppo, 1986; Chaiken, Maheswaran, 1994). Корреляция с нейтральными оценками отсутствует (ρ=0,05), что свидетельствует об общей устойчивости восприятия по отношению к формальным параметрам.

Кластеризация зрителей выявила три оценочных группы: положительно ориентированная (30%), нейтральная (50%) и критически настроенная (20%). Такая структура согласуется с моделью групповой поляризации С. Московиси, в рамках которой активное меньшинство и зависимое большинство формируются стихийно в больших выборках (Moscovici, 1980). Динамика оценок обнаруживает сдвиг в сторону нейтральности и негатива во второй половине дискуссии; ключевой поворот произошёл после высказывания № 22 («Официальная информация всегда надежнее. Она же проверенная»), вызвавшего отрицательные реакции даже у ранее позитивно настроенных респондентов. Это указывает на наличие устойчивой установки недоверия к институциональным медиаресурсам, особенно среди младших когорт. Примерно 50% респондентов демонстрировали стабильность в оценках, 30% изменили ориентацию с позитивной на нейтральную или негативную, а ещё 20% оценивали хаотично.

Содержательный анализ показал, что наибольшее отторжение вызывали реплики, связанные с официальной информацией и телевидением, тогда как обсуждение социальных тем, бедности, общественного блага, вызывало более благожелательные или сдержанные оценки. Эмоциональная окраска также играла значительную роль: позитивные высказывания вызывали согласие преимущественно в первой половине беседы, но постепенно теряли эффект. Негативные, особенно циничные и антисистемные, стабильно вызывали резкую критику. Распределение по типам высказываний представлено в таблице 1.

Дискурсивная поляризация и возрастно-гендерные ценности: комбинированный анализ реакций на инициативу «Министерство счастья» // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №2(15). С. 3-15.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_02

Таблица 1. Распределение оценок по типам высказываний

Тип высказывания	Доля от общего числа высказываний	Доля положительных оценок	Доля нейтральных оценок	Доля отрицательных оценок
Позитивные	10 %	60 %	20 %	20 %
Негативные	40 %	10 %	20 %	70 %
Нейтральные	50 %	23 %	47 %	30 %

Даже в условиях индивидуального восприятия без прямого участия в дискуссии воспроизводятся механизмы идеологической поляризации, включая селективную фильтрацию сообщений в зависимости от предустановленных когнитивных схем (Stroud, 2008; Taber, Lodge, 2006). Эффект длины, аффективной окраски и тематической чувствительности лишь модулирует глубинные установки, особенно в отношении власти и медиа (Zaller, 1992). Таким образом, данные подтверждают применимость модели С. Московиси к наблюдению за процессом дискурсивной поляризации в среде сторонних участников.

Динамика оценочных предпочтений: временные тренды и корреляционная структура

Семантический анализ «лояльных» и «нелояльных» высказываний: четыре измерения лояльности. Для семантического анализа высказываний, отобранных экспертами, использовалась коммерческая версия GPTChat 4.0. Анализ выявил четыре устойчивые смысловые оппозиции, по которым различаются лояльные и нелояльные высказывания: Оптимизм — Скептицизм, Доверие — Недоверие, Патриотизм — Критическое восприятие, Акцент на пользе — Акцент на проблемах.

Лояльные высказывания демонстрируют поддержку предложенной инициативе, доверие к власти и патриотическую риторику, ориентированную на общественную пользу. В них отсутствует скепсис и преобладает акцент на социально значимых улучшениях. Нелояльные высказывания, напротив, выражают критицизм, сомнение в мотивах власти и концентрируются на проблемах, неопределённости и негативных последствиях. Каждое высказывание было оценено по четырём шкалам: от +3 (максимально лояльная позиция) до –3 (максимально критическая). Оценки отражают уровень выраженности оптимизма, доверия, патриотизма и фокуса на пользе. Примеры приведены ниже.

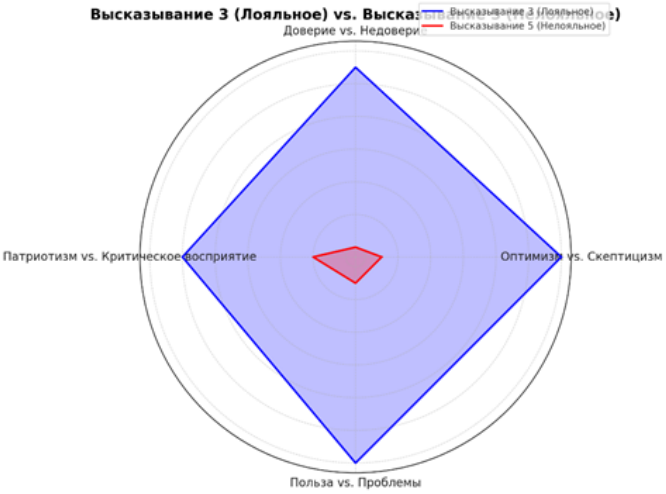


Рис. 1. Диаграммы лояльности для высказываний 3 (лояльного) и 5 (нелояльного)

На диаграмме видно различие между высказыванием 3 («Я думаю, что если создается государственная организация, то она обязана будет отчитываться перед обществом… Думаю, что такое министерство обязательно будет способствовать улучшению жизни») и высказыванием 5

Discursive polarization and age-gender value structures: a combined analysis of reactions to the "ministry of happiness" initiative. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 3-15.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_02

(«А я вот не думаю, что оно с бедностью будет бороться… Он идет воевать или обслуживать богатых людей»). Первое выражает высокую степень оптимизма (+3), доверия (+2), патриотизма (+2) и акцента на пользе (+3), тогда как второе демонстрирует скепсис (–3), недоверие (–3), антипатриотическую интерпретацию (–3) и полную концентрацию на проблемах (–3).

Динамика общего показателя лояльности в ходе основной беседы

Кластерный анализ реакций участников на высказывания. Для анализа индивидуальных реакций на высказывания был применён метод стохастического вложения ближайших соседей с t-распределением (t-SNE), разработанный Ван дер Маатен и Хинтон (Van der Maaten, Hinton, 2008). Метод предназначен для проекции многомерных данных в двумерное пространство с сохранением локальной топологии и позволяет визуализировать латентную структуру сходства между участниками на основе их поведенческих профилей. Метод широко используется в социо-поведенческих исследованиях и машинном обучении для визуального анализа структур в данных (Cunningham, Ghahramani, 2015). При интерпретации t-SNE-графиков важно учитывать, что масштаб и расстояния не являются метриками, а важны лишь локальные отношения и плотность точек, что требует осторожности при чтении таких визуализаций (Wattenberg et al., 2016).

Алгоритм t-SNE состоит из трёх этапов: (1) вычисление условных вероятностей похожести в исходном пространстве, моделируемых с помощью гауссовских ядер; (2) определение аналогичных вероятностей в целевом пространстве низкой размерности, используя распределение Стьюдента с одной степенью свободы; (3) минимизация расхождения Кульбака–Лейблера между двумя распределениями вероятностей. Результатом оптимизации является двумерное (или tptx-мерное) представление, отражающее локальные отношения и плотностные структуры исходных многомерных данных (Van der Maaten, Hinton, 2008; Wattenberg et al., 2016).

Для количественного выявления кластеров в проецированном пространстве был применен алгоритм k-средних (k-means), минимизирующий суммарное внутрикластерное квадратичное отклонение от центроидов. На множестве из 307 участников эксперимента, оценивших 50 высказываний основной дискуссии, оптимальным числом кластеров было установлено $k=4$. Результирующие группы оказались ярко структурированы по возрасту, что позволяет трактовать их как возрастные когорты с когнитивно-социальной однородностью.

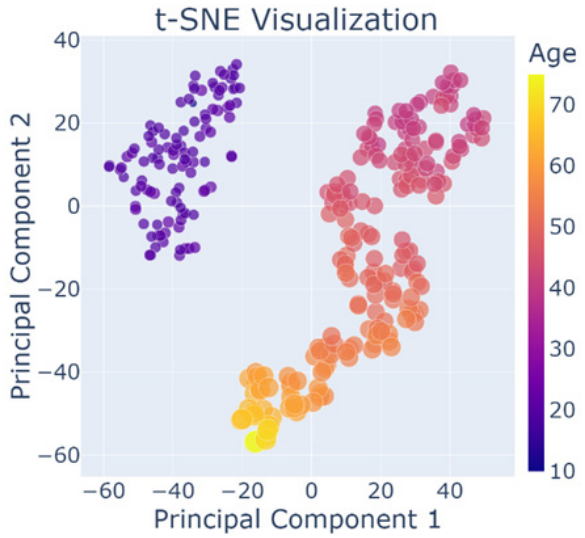


Рис. 2. Результаты двумерной визуализации t-SNE методом всей группы из 307 участников эксперимента в соответствии с их реакцией на 50 высказываний, цветом обозначен возраст

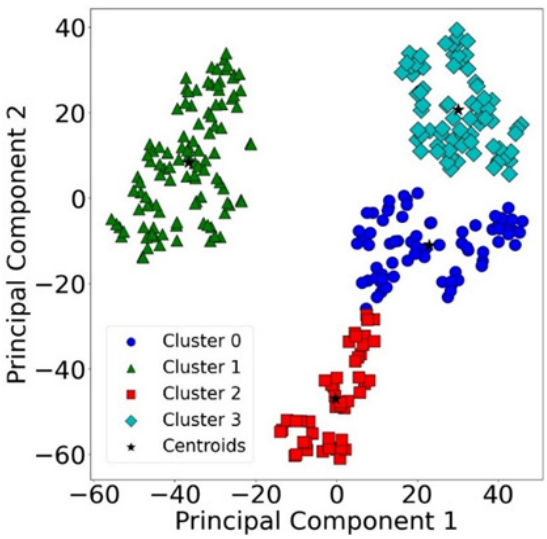


Рис. 3. Результат кластеризации данных эксперимента с 307 участниками методом k-средних

Дискурсивная поляризация и возрастно-гендерные ценности: комбинированный анализ реакций на инициативу «Министерство счастья» // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №2(15). С. 3-15.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_02

Возрастной анализ показал, что:

- Кластер 0 включает респондентов в возрасте от 44 до 56 лет, то есть тех, кто находился в позднем подростковом или раннем взрослом возрасте (12–24 года) во время распада СССР;
- Кластер 1 почти полностью состоит из молодых участников 18–22 лет, не имеющих личного опыта советского периода;
- Кластер 2 соответствует самой старшей возрастной группе (52–75 лет), чьи участники были взрослыми людьми (20–43 года) в момент системного перелома;
- Кластер 3 охватывает промежуточную когорту (40–47 лет), которые были детьми или подростками (8–15 лет) в момент распада.

Такое распределение указывает на то, что различия в восприятии и оценке высказываний тесно связаны с поколенческим опытом и когнитивной социализацией в разные исторические периоды. Форма кластеров и их компактность указывают на внутреннюю когерентность установок в пределах каждой возрастной группы, что делает возрастную стратификацию важным параметром интерпретации паттернов суждений в рамках дискурсивного эксперимента.

Дополнительно был проведён отдельный кластерный анализ для подгруппы старших респондентов (возраст 40+, N=200), оценивших дополнительный набор из десяти тематических высказываний. Результаты вновь выявили четыре кластера, интерпретируемые по возрастным когортам: (A) 44–51 год, (B) 57–75 лет, (C) 40–45 лет, (D) 50–56 лет. Несмотря на частичное перекрытие, внутренняя однородность оценок в пределах каждого кластера подтверждает устойчивую связь возрастного контекста с эмоционально-смысловой интерпретацией предложенных дискурсивных стимулов.

Таблица 2. Возрастная структура участников в четырёх кластерах основной беседы

Кластер	Возрастная когорта	Возраст на момент распада СССР
Кластер 0	44–56 лет	12–24 года
Кластер 1	18–22 лет	—
Кластер 2	52–75 лет	20–43 года
Кластер 3	40–47 лет	8–15 лет

Таблица 3. Возрастная структура четырёх кластеров старших участников

Кластер старших участников	Возрастная когорта
Кластер A	44–51 лет
Кластер B	57–75 лет
Кластер C	40–45 лет
Кластер D	50–56 лет

Теоретико-информационный анализ: согласованность и поляризация. Теоретико-информационный анализ позволяет количественно описать динамику когнитивной согласованности и поляризации мнений внутри различных возрастных кластеров в ходе дискурсивного эксперимента. Ключевыми информационными характеристиками, отражающими эти процессы, выступают взаимная информация $I_t(r; s)$ между характером высказывания S и реакцией респондента r, а также условная энтропия реакций $H_t(r|s)$. Первая величина, взаимная информация, измеряет степень зависимости между типом высказывания S («лояльное» или «нелояльное») и реакцией участника r (одобрение, нейтралитет, несогласие). Она принимает наибольшие значения, когда реакция однозначно определяется типом высказывания, и стремится к нулю при отсутствии зависимости. Таким образом, высокая взаимная информация указывает на устойчивое, когерентное восприятие, при котором участники реагируют предсказуемо и единообразно.

Discursive polarization and age-gender value structures: a combined analysis of reactions to the "ministry of happiness" initiative. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 3-15.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_02

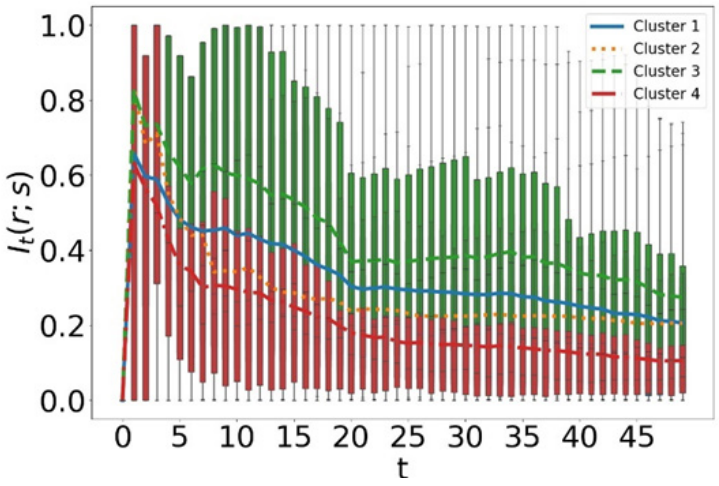


Рис. 4. Взаимная информация $I_t(r, s)$ по возрастным кластерам.

Величина $H_t(r|s)$, напротив, описывает уровень неопределённости в реакциях при известном характере высказывания: чем выше значение энтропии, тем менее определённой становится реакция респондентов, и тем слабее влияние высказывания на поведенческий ответ. В динамике этих величин отражается процесс снижения согласованности и роста дивергенции мнений: на ранних этапах обсуждения $I_t(r, s)$ высока, а $H_t(r|s)$ мала, но по мере насыщения дискуссии взаимная информация падает, а энтропия возрастает, особенно в младших возрастных кластерах. Этот эффект интерпретируется как переход от коллективного восприятия к индивидуализированным стратегиям оценки.

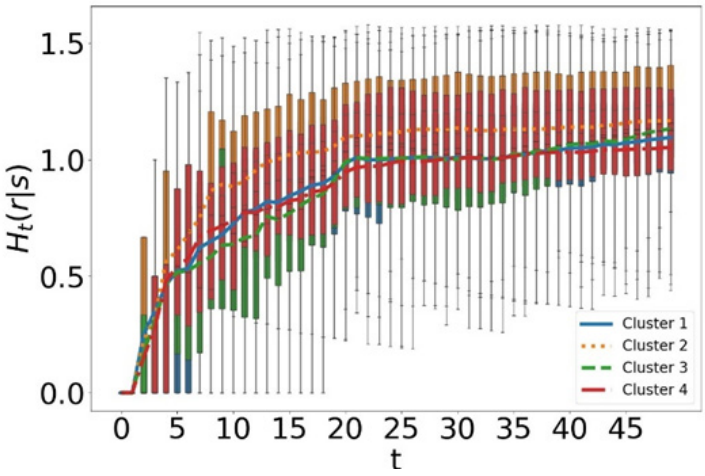


Рис. 5. Условная энтропия $H_t(r|s)$ по возрастным кластерам.

Для представления значений обеих величин на рис. 4–5 в каждом временном срезе использованы коробчатые диаграммы (box plots) — метод визуализации, позволяющий одновременно показать медиану, интерквартильный размах и выбросы в распределении значений по участникам или парам участников одного кластера. Такой способ графического представления оправдан, поскольку интересует не только средняя тенденция, но и разброс, т.е. степень гетерогенности восприятия в пределах одного социального кластера. На Рисунке 4 изображены значения взаимной информации $I_t(r, s)$ по кластерам, а на Рисунке 5 — соответствующие значения условной энтропии $H_t(r|s)$. Графики ясно демонстрируют, что наиболее высокая согласованность наблюдается в старшем кластере, а наибольшая дивергенция и рост неопределённости характерны для младших когорт, особенно после перехода от общих тезисов к провокативным утверждениям.

Дискурсивная поляризация и возрастно-гендерные ценности: комбинированный анализ реакций на инициативу «Министерство счастья» // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №2(15). С. 3-15.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_02

Качественный и количественный анализ мнений и установок участников

Методологическая рамка исследования опирается на интеграцию количественных показателей (доли согласных, несогласных и нейтральных реакций) и качественных интерпретаций, раскрывающих глубинные ценности, уровни конформизма и эмоционально-когнитивные паттерны (Inglehart, Welzel, 2005; Schwartz, 2012). Смысловое кодирование ответов осуществлялось с использованием коммерческой версии GPT-4.0, что позволило обнаружить тонкие оттенки оценок и скрытые когнитивные схемы (OpenAI, 2024).

Стартовая фаза дискуссии была отмечена высокой категоричностью суждений; однако к середине разговора выраженность крайних позиций снизилась, а доля нейтральных реакций выросла, отражая когнитивную адаптацию и усложнение оценки темы (Festinger, 1957). На этом фоне идентифицировано шесть устойчивых типов установок:

1. Критически настроенные скептики — воспринимают инициативу как популистскую, сомневаются в искренности мотивов власти (Mudde, 2004).
2. Поддерживающие патриоты — трактуют предложение как проявление заботы государства, демонстрируют институциональную лояльность (Kosterman, Feshbach, 1989).
3. Социально ориентированные реалисты — оценивают инициативу через призму полезности для снижения неравенства и усиления справедливости (Rawls, 1971).
4. Нейтральные наблюдатели — избегают определённых оценок, демонстрируя когнитивную осторожность (Cacioppo, Petty, 1984).
5. Противоречивые критики — склонны к амбивалентности и смене позиции по ходу обсуждения (Lavine, 2001).
6. Пассивные скептики — выражают апатию и общее недоверие без детальной аргументации (Rosenberg, 1965).

Нулевой кластер (44–56 лет) социализировался в позднесоветскую эпоху; для него характерны умеренная поддержка инициативы «Министерства счастья» и акцент на стабильность. Высокая доля нейтральных ответов сигнализирует о рефлексивном и осторожном отношении к нововведениям. Патриотизм носит институциональный и конструктивный характер, сочетающий лояльность с умеренной критикой (Kosterman, Feshbach, 1989).

Первый кластер (18–22 года) — наиболее амбивалентная группа: сочетает поддержку и критику, ориентируясь на ценности социальной справедливости и прозрачности власти (Twenge, 2014). Критический патриотизм молодёжи проявляется в готовности участвовать в общественных инициативах при одновременном скепсисе к институциональным обещаниям (Parker et al., 2019).

Второй кластер (52–75 лет) сформировался во времена зрелого социализма; он демонстрирует наивысший уровень институциональной лояльности и стремление к сохранению статус-кво. Критика выражается мягко и направлена на уточнение, а не на опровержение (Schwartz, 2012).

Третий кластер (40–47 лет) вырос в переходный период 1990-х; ему присущи прагматизм и умеренный конформизм. Группа предпочитает постепенные изменения и избегает крайностей, демонстрируя адаптивную стратегию (Giddens, 1991).

Сравнительный анализ подчёркивает трансформацию ценностных приоритетов в зависимости от культурно-исторической социализации: критически настроенная молодежь — индивидуализм, скептицизм, ориентация на перемены; прагматичные скептики (44–56) и защитники стабильности (52–75) — сохранение традиций, умеренность; приспособленцы (40–47) — баланс между инновациями и традициями, высокая гибкость.

Семантический анализ оппозиции «Лояльность — Нелояльность» (Оптимизм — Скептицизм, Доверие — Недоверие, Патриотизм — Критика, Польза — Проблемы) выявил чёткую возрастную градацию индекса лояльности. Старшее поколение (Второй кластер) демонстрирует максимальную лояльность, в то время как молодёжь (Первый кластер) — минимальную, что согласуется с теориями институционального доверия и индивидуализации (Beck, Beck-Gernsheim, 2002).

Таблица 4. Индексы лояльности по кластерам

Кластер	Оптимизм — Скептицизм	Доверие — Недоверие	Патриотизм — Критика	Польза — Проблемы	Сумма	Ранг
Нулевой	1.5	1	1.5	1	5	2
Первый	-2	-2.5	-1.5	-2	-8	4
Второй	2.5	2	2.5	2	9	1
Третий	-1	-1.5	-2	-1	-5.5	3

Discursive polarization and age-gender value structures: a combined analysis of reactions to the "ministry of happiness" initiative. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 3-15.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_02

Иными словами, мы наблюдаем смещение от коллективистских установок старших поколений к индивидуализму младших, что отражает глобальный тренд децентрализации доверия (Beck, Beck-Gernsheim, 2002; Giddens, 1991). Это свидетельствует о глубокой трансформации ценностных оснований и гражданского участия в современном российском обществе.

Качественный и количественный анализ установок старшей группы участников

Вторая фаза исследования была сфокусирована на выборке из двухсот респондентов старше сорока лет, которым предлагалось оценить десять дополнительных высказываний о социально-политических проблемах. Пол участников был задекларирован, что позволило сопоставить мужские и женские паттерны реакций. Методологически анализ сочетал количественные показатели — медианные и квартильные значения долей «согласных», «несогласных» и «нейтральных» — с качественной интерпретацией смыслов при помощи коммерческой версии GPT-4 (Achiam et al., 2023). Для измерения напряжённости применялся индекс поляризации Esteban–Ray (Esteban, Ray, 1994); интерпретация ценностей опиралась на модель Шварца (Schwartz, 2012), а гендерные различия — на идеи о морали заботы и справедливости (Gilligan, 1982; Haidt, 2012).

Среди респондентов 44–51 года выявилась наибольшая дисперсия оценок: мужчины чаще использовали предельно негативные шкальные позиции, аккумулируя недоверие к власти, тогда как женщины склонялись к умеренности и апеллировали к культурному порядку. Индекс поляризации составил 0,46 у мужчин и 0,29 у женщин, что свидетельствует о «отложенном радикализме» мужской части поколения, пережившего социально-экономические потрясения 1990-х (Burawoy, Krotov, 1992).

Когорта 57–75 лет сохранила высокую институциональную лояльность, однако сочетающуюся с осторожным скепсисом: доверительный индекс к государству равнялся 4,2 у женщин и 3,7 у мужчин по пятибалльной шкале. Женщины проявляли эмоциональную приверженность патриотическим рамкам, мужчины — прагматичный контроль над эффективностью власти (Schwartz, 2012). Логистическая регрессия показала, что вероятность поддержки ограничительных мер возрастала на 15% при каждом балле роста согласия с утверждением «безопасность превыше свободы», причём эффект взаимодействия с полом был значимым ($p<0,05$).

Умеренно настроенный кластер (40–45 лет) продемонстрировал минимальную поляризацию и максимальную долю нейтральных ответов (47%). Женщины чаще поддерживали моральные тезисы, мужчины выбирали позицию осторожного скепсиса, что отражает различие в ориентации на социальные нормы и справедливость (Twenge, 2014). Сетевой анализ лексики показал, что ключевым словом мужчин было «справедливость», женщин — «порядок».

Кластер 50–56 лет объединил сторонников стабильности и порядка. Обе подгруппы высоко оценили жёсткие меры безопасности, однако женщины чаще занимали нейтральные позиции, тогда как мужчины поляризовались. Рост доли неопределённых ответов у женщин коррелировал с ценностью «conformity–tradition» ($r=0,41$; $p<0,01$), соответствуя выводу о возрастающем конформизме (Schwartz, 2012).

В совокупности данные подтверждают тезис о возрастающей ценностной дифференциации: мужчины среднего возраста демонстрируют «реактивный национализм» (Billig, 1995) и риторически опираются на моральный фрейм «authority/subversion» (Graham et al., 2009), тогда как женщины ориентированы на заботу и культурную целостность («care/purity»). Старшая когорта выступает примером «лояльного, но критического гражданина» (Norris, 2011), сочетая поддержку институтов с прагматичной оценкой их эффективности. Наименее поляризованная группа 40–45 лет выполняет буферную функцию, смягчая ценностные контрасты между младшими радикалами и старшими консерваторами. Таким образом, динамика оценок отражает переход российского общества от коллективистского консенсуса к многоуровневой конфигурации ценностных ориентаций и стратегий гражданского участия.

Дискуссия и выводы

Полученные результаты демонстрируют, что даже при отсутствии прямого межличностного взаимодействия участники массового онлайн-наблюдения воспроизводят классические механизмы групповой поляризации. Выявленная конфигурация «активное меньшинство — конформное большинство» предсказуема в контексте модели С. Московиси, однако наше исследование дополняет её возрастным и гендерным ракурсом: поляризационный импульс исходит главным образом от молодых критически настроенных когорт, тогда как старшие группы, оставаясь институционально лояльными, формируют буферную зону, сглаживающую амплитуду дискурсивных колебаний. Задача выявления ценностной стратификации была достижима благодаря синтезу трёх анали-

Дискурсивная поляризация и возрастно-гендерные ценности: комбинированный анализ реакций на инициативу «Министерство счастья» // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №2(15). С. 3-15.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_02

тических трактовок — статистической (доли реакций), машинно-обученческой (t-SNE + k-means) и информационно-теоретической (взаимная информация, условная энтропия). Совпадение выводов этих независимых модулей усиливает внутреннюю валидность эксперимента.

Содержательные эффекты также оказались неслучайными. Слабая, но значимая корреляция между длиной реплики и положительной оценкой подтверждает феномен избыточной аргументации в условиях центрального маршрута переработки информации; однако отсутствие связи с нейтральными ответами показывает, что формальный параметр текста не является главным детонатором поляризации. Куда большую роль играет тематический контент: обращения к официальным каналам информации неизменно снижали уровень согласия, подчеркивая высокий базовый фон недоверия в отношении институтов медиа. В то же время реплики о социальных благах активировали установки солидарности, особенно ярко выраженные у женщин старшего возраста.

Смена поколений прослеживается через интегральный индекс лояльности: у представителей зрелого социализма он выше на 17 баллов, чем у «цифрового» поколения. Эти данные согласуются с тезисом об индивидуализации ценностей в обществах позднего модерна и подтверждают предположение о децентрализации доверия: молодежь формирует отношение не к институтам, а к конкретным практикам, оценивая их через призму персональной выгоды и справедливости. Гендерный разрез дополняет картину: мужчины средних возрастов демонстрируют «реактивный национализм» и резкую риторику, женщины — ориентацию на культурную целостность и заботу. Это расслоение соответствует дихотомии «власть — подрыв» против «заботы — чистоты» в теории моральных оснований.

С методологической точки зрения работа показывает эффективность гибридного подхода: алгоритмы глубинного обучения (GPT-4) адекватно кодируют политико-эмоциональный контент, а информационно-теоретические метрики фиксируют микродинамику когнитивной согласованности. Ограничениями остаются возможная самоотборная предвзятость выборки, одномерность шкалы ответов и потенциальные искажения, связанные с автоматическим семантическим кодированием. Будущие исследования могут увеличить репрезентативность, ввести интерактивный дискурсивный формат и расширить модель ценностных шкал, включая поведенческие индикаторы вовлечённости.

Практическая значимость результатов заключается в возможности прогнозировать зону общественного сопротивления при продвижении инициатив, затрагивающих чувствительные сферы доверия. Коммуникационные стратегии, адресованные молодым когортам, должны опираться на прозрачную аргументацию и горизонтальные формы обратной связи, тогда как работа со старшими аудиториями выигрывает от апелляции к социальному порядку и коллективной ответственности. Исследование демонстрирует, что современные методы вычислительной социологии и социальной психологии позволяют не только фиксировать поляризацию постфактум, но и выявлять её зародышевые формы, открывая перспективу для раннего управления конфликтным потенциалом в цифровых медиа-средах.

В целом, проведённый эксперимент подтверждает актуальность интеграции теорий групповой динамики, информационной теории и вычислительных методов анализа текста для изучения общественного мнения. Доказано, что даже пассивное наблюдение за публичной дискуссией активирует глубинные когнитивные схемы, связанные с доверием и патриотизмом, и что интенсивность поляризации определяется не только содержанием аргументов, но и возрастно-гендерной структурой аудитории.

Благодарности
Мы благодарим Техасский технологический университет за административную и техническую поддержку.

Литература:

1. *Achiam J., Adler S., Agarwal S., et al.* OpenAI. GPT-4 Technical Report. 2024. https://arxiv.org/abs/2303.08774.
2. *Beck U., Beck-Gernsheim E.* Individualization. SAGE. 2002.
3. *Billig M.* Banal Nationalism. SAGE. 1995.
4. *Burawoy M., Krotov P.* The Soviet Transition from Socialism to Capitalism: Worker Control and Economic Bargaining in the Wood Industry // American Sociological Review. 1992. Vol. 57(1). P. 16–38.
5. *Cacioppo J.T., Petty R.E.* The Elaboration Likelihood Model of Persuasion // Advances in Experimental Social Psychology. 1986. Vol.19(1). P. 124–205.

6. *Chaiken S., Maheswaran, D.* Heuristic processing can bias systematic processing: Effects of source credibility, argument ambiguity, and task importance on attitude judgment // Journal of Personality and Social Psychology. 1994. Vol. 66(3). P. 460–473.
7. *Cunningham J.P., Ghahramani Z.* Linear dimensionality reduction: Survey, insights, and generalizations // Journal of Machine Learning Research. 2015. Vol.16. P. 2859–2900.
8. *Esteban J.-M., Ray D.* On the measurement of polarization // Econometrica. 1994. Vol. 62(4). P. 819–851.
9. *Festinger L.* A Theory of Cognitive Dissonance. Stanford University Press, 1957.
10. *Giddens A.* Modernity and self-identity. Polity Press, 1991.
11. *Gilligan C.* In a Different Voice. Harvard University Press, 1982.
12. *Graham J., Haidt J., Nosek B.* Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vol. 96(5). P. 1029–1046.
13. *Haidt J.* The Righteous Mind. US.: Pantheon, 2012.
14. *Inglehart R., Welzel C.* Modernization, cultural change and democracy. Cambridge University Press, 2005.
15. *Kosterman R., Feshbach S.* Toward a measure of patriotic and nationalistic attitudes // Political Psychology. 1989. Vol. 10(2). P. 257–274.
16. *Lavine H.* The electoral consequences of ambivalence toward presidential candidates // American Journal of Political Science. 2001. Vol. 45(4). P. 915–929.
17. *Moscovici S.* Toward a theory of conversion behavior. In L. Berkowitz (Ed.), Advances in Experimental Social Psychology. 1980. Vol. 13. P. 209–239. Academic Press.
18. *Mudde C.* The Populist Zeitgeist // Government and Opposition. 2004. Vol. 39(4). P. 541–563. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1477–7053.2004.00135.x
19. *Norris P.* Democratic Deficit. Cambridge University Press, 2011.
20. *Petty R.E., Cacioppo J.T.* The elaboration likelihood model of persuasion // In L. Berkowitz (Ed.), Advances in Experimental Social Psychology. 1986. Vol. 19. P. 124–205.
21. *Parker K., Graf N., Igielnik R.* Generation Z Looks a Lot Like Millennials on Key Social and Political Issues // Pew Research Center. 2019. https://www.pewresearch.org/social-trends/2019/01/17/generation-z-looks-a-lot-like-millennials-on-key-social-and-political-issues/
22. *Rawls J.* A Theory of Justice. Harvard University Press, 1971.
23. *Rose R.* Understanding Post-Communist Transformations. London: Taylor and Francis, 2009.
24. *Rosenberg M.J.* Society and the Adolescent Self-Image. Princeton University Press, 1965.
25. *Schwartz S.H.* An overview of the Schwartz theory of basic values // Online Readings in Psychology and Culture. 2012. Vol. 2(1). DOI: 10.9707/2307–0919.1116
26. *Shannon C.E.* A Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. 1948. Vol. 27(3). P. 379–423; Vol. 27(4). P. 623–656. DOI: 10.1002/j.1538–7305.1948.tb01338.x
27. *Stroud N.J.* Media use and political predispositions: Revisiting the concept of selective exposure // Political Behavior. 2008. Vol. 30(3). P. 341–366.
28. *Taber C.S., Lodge M.* Motivated skepticism in the evaluation of political beliefs // American Journal of Political Science. 2006. Vol. 50(3). P. 755–769.
29. *Twenge J.M.* Generation Me. NY.: Simon and Schuster, 2014.
30. *Van der Maaten L., Hinton G.* Visualizing data using t-SNE // Journal of Machine Learning Research. 2008. Vol. 9. P. 2579–2605.
31. *Wattenberg M., Viégas F., Johnson I.* How to use t-SNE effectively // Distill. 2016. https://distill.pub/2016/misread-tsne/
32. *Zaller J.* The Nature and Origins of Mass Opinion. Cambridge University Press, 1992.

DISCURSIVE POLARIZATION AND AGE-GENDER VALUE STRUCTURES: A COMBINED ANALYSIS OF REACTIONS TO THE "MINISTRY OF HAPPINESS" INITIATIVE

© Dmitri Volchenkov
Professor, Texas Tech University, Department of Mathematics and Statistics,
Lubbock, Texas, USA
dimitri.volchenkov@ttu.edu

Дискурсивная поляризация и возрастно-гендерные ценности: комбинированный анализ реакций на инициативу «Министерство счастья» // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №2(15). С. 3-15.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_02

© Alexander N. Lebedev
Doctor of Psychological Sciences, Chief Researcher Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
lebedevan@ipran.ru; ORCHID: 0000–0003–1030–9709

This article presents the results of a two-stage psycholinguistic experiment in which 307 and then 200 Russian respondents from various age cohorts evaluated 50 core and 10 additional statements about the establishment of a "Ministry of Happiness." A combination of descriptive statistics, t-SNE projection, k-means clustering, information-theoretic metrics, and GPT-4 semantic encoding revealed four stable value clusters and demonstrated that the polarization impulse is driven by young critics, while older cohorts serve as a buffer of institutional loyalty. Age-gender analysis of the additional text uncovered a radically critical stance among middle-aged men and a conformist orientation among women favoring cultural stability. The loyalty index of the generation formed under mature socialism exceeds that of the youth by an average of 17 points, supporting the hypothesis of a shift from collectivist to individualist orientations. The results underscore the potential of integrating computational sociology and group dynamics theory for early diagnostics of societal cleavages.

***Keywords*:** group polarization; loyalty; cluster analysis; information entropy; social attitudes; age-gender differences.

REFERENCES

1. *Achiam J., Adler S., Agarwal S., et al.* (2024). OpenAI. GPT-4 Technical Report. https://arxiv.org/abs/2303.08774.
2. *Beck U., Beck-Gernsheim E.* (2002). Individualization. SAGE.
3. *Billig M.* (1995). Banal Nationalism. SAGE.
4. *Burawoy M., Krotov P.* (1992). The Soviet Transition from Socialism to Capitalism: Worker Control and Economic Bargaining in the Wood Industry // American Sociological Review. Vol. 57(1). P. 16–38.
5. *Cacioppo J.T., Petty R.E.* (1986). The Elaboration Likelihood Model of Persuasion // Advances in Experimental Social Psychology. Vol.19(1). P. 124–205.
6. *Chaiken S., Maheswaran, D.* (1994). Heuristic processing can bias systematic processing: Effects of source credibility, argument ambiguity, and task importance on attitude judgment // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 66(3). P. 460–473.
7. *Cunningham J.P., Ghahramani Z.* (2015). Linear dimensionality reduction: Survey, insights, and generalizations // Journal of Machine Learning Research. Vol.16. P. 2859–2900.
8. *Esteban J.-M., Ray D.* (1994). On the measurement of polarization // Econometrica. Vol. 62(4). P. 819–851.
9. *Festinger L.* (1957). Theory of Cognitive Dissonance. Stanford University Press.
10. *Giddens A.* (1991). Modernity and self-identity. Polity Press.
11. *Gilligan C.* (1982). In a Different Voice. Harvard University Press.
12. *Graham J., Haidt J., Nosek B.* (2009). Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 96(5). P. 1029–1046.
13. *Haidt J.* (2012). The Righteous Mind. US.: Pantheon.
14. *Inglehart R., Welzel C.* (2005). Modernization, cultural change and democracy. Cambridge University Press.
15. *Kosterman R., Feshbach S.* (1989). Toward a measure of patriotic and nationalistic attitudes // Political Psychology. Vol.10(2). P. 257–274.
16. *Lavine H.* (2001). The electoral consequences of ambivalence toward presidential candidates // American Journal of Political Science. Vol. 45(4). P. 915–929.
17. *Moscovici S.* (1980). Toward a theory of conversion behavior. In L. Berkowitz (Ed.), Advances in Experimental Social Psychology. Vol. 13. P. 209–239. Academic Press.
18. *Mudde C.* (2004). The Populist Zeitgeist // Government and Opposition. Vol. 39(4). P. 541–563. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1477–7053.2004.00135.x
19. *Norris P.* (2011). Democratic Deficit. Cambridge University Press.
20. *Petty R.E., Cacioppo J.T.* (1986). The elaboration likelihood model of persuasion // In L. Berkowitz (Ed.), Advances in Experimental Social Psychology. Vol. 19. P. 124–205.

21. *Parker K., Graf N., Igielnik R.* (2019). Generation Z Looks a Lot Like Millennials on Key Social and Political Issues // Pew Research Center. https://www.pewresearch.org/social-trends/2019/01/17/generation-z-looks-a-lot-like-millennials-on-key-social-and-political-issues/
22. *Rawls J.* (1971). A Theory of Justice. Harvard University Press,
23. *Rose R.* (2009). Understanding Post-Communist Transformations. London: Taylor and Francis.
24. *Rosenberg M.J.* (1965). Society and the Adolescent Self-Image. Princeton University Press.
25. *Schwartz S.H.* (2012). An overview of the Schwartz theory of basic values // Online Readings in Psychology and Culture. Vol. 2(1). DOI: 10.9707/2307–0919.1116
26. *Shannon C.E.* (1948). A Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. Vol. 27(3). P. 379–423; Vol. 27(4). P. 623–656. DOI: 10.1002/j.1538–7305.1948.tb01338.x
27. *Stroud N.J.* (2008). Media use and political predispositions: Revisiting the concept of selective exposure // Political Behavior. Vol. 30(3). P. 341–366.
28. *Taber C.S., Lodge M.* (2006). Motivated skepticism in the evaluation of political beliefs // American Journal of Political Science. Vol. 50(3). P. 755–769.
29. *Twenge J.M.* (2014). Generation Me. NY.: Simon and Schuster.
30. *Van der Maaten L., Hinton G.* (2008). Visualizing data using t-SNE // Journal of Machine Learning Research. Vol. 9. P. 2579–2605.
31. *Wattenberg M., Viégas F., Johnson I.* (2016). How to use t-SNE effectively // Distill. https://distill.pub/2016/misread-tsne/
32. *Zaller J.* (1992). The Nature and Origins of Mass Opinion. Cambridge University Press.

МОТИВАЦИЯ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЦ ПОЖИЛОГО И СТАРЧЕСКОГО ВОЗРАСТА

© В.М. Новоселов
Директор АНО «Научно-медицинский геронтологический центр»,
Председатель секции геронтологии МОИП при МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
novoselovvm@mail.ru

Психологические проблемы, возникающие у лиц пожилого и старческого возраста, определяются целым рядом неблагоприятных для психики человека событий: неуклонным ростом возраст-ассоциированных заболеваний и гериатрических синдромов, потерей любимой работы и профессионального статуса, ухудшением финансового благосостояния, одиночеством, потерей близких людей, и наконец, физической беспомощностью, неспособностью решать бытовые вопросы и др. Все это может приводить к утрате смысла жизни и желания жить. В статье рассматриваются наиболее частые психологические причины суицидального поведения лиц пожилого и старческого возраста, проводится сравнительный анализ их суицидального поведения в разных странах.

***Ключевые слова*:** суицид, психология людей пожилого и старческого возраста, суицидальная попытка, депрессия, факторы суицида

Введение

Суицидальное поведение у пожилых и старых людей всегда было серьезной проблемой для семейного благополучия, их близких, родственников и детей. Для заявленной темы очень важно, что за прошедшие полвека население планеты уже критично постарело, количество людей старческого возраста продолжает быстро увеличиваться, люди все чаще доживают до возраста долголетия и сверхдолголетия, а значит проблема суицидов у стариков становится значительно более актуальной, чем когда-либо ранее в истории планеты. Рост суицидов среди пожилых сегодня все чаще привлекает внимание ученых, изучающих суицидальное поведение и разрабатывающих методы его предотвращения. Одновременно современное гуманитарное право позволяет нам поставить вопрос: если человек имеет право на жизнь, то имеет ли он право на смерть?

Возраст и суицид

По данным ВОЗ уровень смертности от суицидов во всем мире среди лиц старческого возраста также примерно втрое выше, чем в возрастной группе до 25 лет. В 2013 году пожилые люди составляли 8% населения мира и 17% среди совершивших суицид. По данным Росстата именно на пожилой возраст приходится наибольшее число завершенных суицидов. Эта цифра для людей старше 80 лет составляет более 50 человек на 100 000 населения, число же попыток суицида значительно больше, чем среди более молодых людей.

Сегодня все больше и больше людей доживает до своей старости. Наблюдаемое за последние 100 лет отчетливое увеличение показателя ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) человека изначально являлось следствием серьезного сокращения детской и младенческой смертности. Другие процессы также играли роль, но в меньшей степени. В последние десятилетия существенный вклад в увеличение расчетного показателя ОПЖ внесло и повышение уровня выживания в пожилом возрасте. Например, если в 1985 году 60-летняя японка могла прожить еще 23 года, то к 2015 году этот показатель подрос почти до 30 лет. Такой рост следствие сочетания ряда причин, среди которых несомненную роль сыграли более здоровый образ жизни в молодом возрасте и улучшение доступности медицинской и социальной помощи (Всемирный доклад о старении…, 2016).

В соответствии с исследованиями, проведенными Всемирной организацией здравоохранения, к концу 1970-х годов в мире уже примерно 500 тысяч человек ежегодно завершали свою жизнь суицидом. За последние 45 лет показатели распространенности суицида увеличились на 60%, и сегодня по причине суицида каждый год уже один миллион человек завершают свою жизнь. Это выражается общим мировым показате-

Мотивация суицидального поведения лиц пожилого и старческого возраста // Ученые записки Института психологииРоссийской академии наук. 2025. Т.5. №2(15). С. 16-22. DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_03

лем 16 человек на 100 тысяч населения, и ставит суицид на десятое место среди ведущих причин смерти во всем мире, а в возрастной категории от 15 до 44 лет это одна из трех ведущих причин смерти (Ефремов, 2004).

Также было установлено, что на динамику случаев самоубийств влияют такие факторы, как сезон года и время суток, национальность и место проживания, пол и возраст, вероисповедание и политические условия, уровень экономического благополучия и социальная востребованность. Важно и то, что случаев суицидальных попыток отмечается гораздо больше, чем случаев завершенного суицида. Отдельные авторы отмечают это соотношение как 20:1 (Лугуева, 2014).

В частности, в Российской Федерации регистрируется более 30 случаев суицида на 100 тысяч населения (Ефремов, 2004). В России весьма высокий коэффициент самоубийств среди мужчин. Согласно последним сведениям, на долю мужчин приходится более 80% самоубийств. При этом женщины намного чаще, чем мужчины совершают попытки самоубийства (соотношение 2:1), однако мужчины чаще женщин доводят попытку до финала (соотношение 4:1).

Одни исследователи утверждают, что самоубийства происходят фактически в любом возрасте с более высокими пиками в 20–30 лет и 45–50 лет и с постепенным понижением после 65–70 лет, и лишь 20% мужчин убивают себя в пенсионном возрасте (Лугуева, 2014). По другим данным уровень самоубийств увеличивается в течение жизни и достигает 48,7/100 000 среди пожилых белых мужчин в США (Conejero et al., 2018).

Основные причины суицидального поведения

Различные факторы влияют на вероятность совершения попытки самоубийства и на летальность суицидальных попыток. Анализ известных случаев суицида среди пожилых и старых людей позволяет выделить следующие факторы риска суицидального поведения у пожилых и старых людей:

- депрессия;
- когнитивные нарушения, в том числе достигшие уровня деменции;
- полиморбидность;
- синдром старческой хрупкости;
- функциональные нарушения и зависимость от помощи;
- инвалидность;
- болевой синдром и недостаточное его купирование;
- социальная изоляция, эйджизм, равнодушие и грубость со стороны близких людей и утрата близкого человека.

Это подтверждается данными из 39 популяционных исследований, отобранных в шести различных базах данных до 15 февраля 2021 года. Исследователи проанализировали 28 наиболее частых факторов риска суицидального поведения: тревожно-депрессивные расстройства, ошибки при употреблении психотропных препаратов, биполярные расстройства, плохое состояние здоровья, последствия тяжелой утраты близких и проживания в одиночестве и другие (Beghi et al., 2021).

По нашему мнению, спорный характер имеет утверждение, что пожилые люди сегодня дольше живут только в странах с высоким уровнем дохода, где качество жизни в старости является наилучшим. Ведь за последние 30 лет крупные исследования в этом направлении проводились только в Соединенных Штатах и странах с высоким уровнем дохода (Crimmins, Beltrán-Sánchez, 2011). В целом же результаты, полученные по итогам исследований, носят противоречивый характер. Так, например, если результаты одних исследований указывают на снижение уровня тяжелых форм инвалидности среди людей старше 65 лет, то другие, проведенные в той же возрастной группе, говорят о росте распространенности хронических и сопутствующих заболеваний при устойчивых показателях инвалидности. Более того, некоторые авторы отмечают рост инвалидности среди людей в возрасте 60–70 лет (Manton et al., 2006; Seeman et al., 2010; Liao et al., 2001; Hung et al., 2011).

Несмотря на то, что люди стали чаще доживать до старости, немало также людей преклонного возраста, страдающих психическими заболеваниями. В Российской Федерации, например, наблюдается многократный рост смертности лиц в возрасте 60 лет и старше от причин, входящих в класс «Психических расстройств и расстройств поведения».

Сравнительный анализ суицидального поведения лиц преклонного возраста в России и за рубежом

В сравнении со странами Европы смертность лиц старше 65 лет в России от причин, входящих в класс «Психические расстройства и расстройства поведения» (68,1 на 100 тыс. населения соответствующего возраста), ниже в 5 раз, чем в Соединенном Королевстве, в 3,5 раза — чем в Дании и в 2,5 раза — чем в Швеции, Норвегии,

Motivation of suicidal behavior in elderly and senile people. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 16-22. DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_03

Испании, Бельгии. Однако в таких странах, как Греция и Италия смертность людей старше 65 лет от психических заболеваний в 2 раза ниже, чем в России. Такой разброс смертности в странах Европейского региона, по всей видимости, связан с особенностями выбора и кодирования первоначальной причины смерти.

В свою очередь, выросла смертность от психических расстройств, вызванных злоупотреблением наркотиками и другими психоактивными веществами, а также в 3,5 раза от других психических и поведенческих расстройств, и в 2,2 раза от хронического алкоголизма. При сопоставлении уровней смертности лиц старше 65 лет от психических расстройств, вызванных наркотиками и употреблением других психоактивных веществ в Российской Федерации и странах Европы в 2015 году, обнаруживается, что смертность в нашей стране значительно ниже, чем в других странах и имеет минимальные значения (0,02 на 100 тыс. населения соответствующего возраста). Максимальные уровни смертности от данной причины регистрируются в Дании (28,0 на 100 тыс. населения соответствующего возраста), Германии (13,7), Норвегии (9,2), Швеции (7,0), что в сотни раз выше, чем в России (Мадьянова и др., 2021).

Высокие уровни смертности от психоактивных веществ и наркотиков среди лиц старших возрастных групп в основном наблюдаются в тех странах, в которых декриминализирован каннабис (Бельгия, Германия) или его можно использовать в медицинских целях (Дания и др.). Во Всемирном докладе о наркотиках ООН 2016 года указано, что в мире наблюдается старение группы потребителей опиатов (морфия, опия, героина) и кокаина (Report of the International narcotics control…, 2018).

Хорошо известно, что депрессивные расстройства мучительны своими проявлениями и опасны попытками суицида. Для старших возрастов характерен высокий риск суицидальной активности. Традиционно выделяются возрастные суицидальные пики в возрасте 65–75 лет (Мадьянова и др., 2021). Суицидальные мысли возникают у каждого четвертого пожилого человека, а соотношение суицидальных попыток к завершенным суицидам по сравнению с молодыми людьми смещается в сторону завершенных суицидов. Известно также, что суицидальная активность у пожилых отличается не только высоким коэффициентом летальности, но и при незавершенных суицидах — более тяжелыми соматическими последствиями.

Значительная часть симптомов депрессии у пожилых пациентов относится к неспецифическим проявлениям: нарушение сна, снижение аппетита, тягостные и болевые ощущения. Наличие хронических заболеваний существенно затрудняет психопатологическую квалификацию этих жалоб. У пожилых людей соматические симптомы депрессии аналогичны другим хроническим заболеваниям, а изменения настроения менее отчетливы и обычно маскируются физическим дискомфортом (так называемые «соматические маски депрессии»), что приводит к затруднению диагностики и отсутствию соответствующего лечения. Депрессивные проявления чаще включают апатию, ангедонию, утомляемость, нарушение сна, боли и другие соматические проявления. Для диагностики депрессии пожилого возраста используют специализированные шкалы (Пуговкина и др., 2024).

В Российской Федерации в 2018 году пиковое значение самоубийств пришлось на пожилой возраст — 80 лет и более, составляющее 53,0 на 100 тыс. мужчин соответствующего возраста и 7,1 на 100 тыс. женщин. В целом, резкий рост суицидальной смертности у лиц обоих полов, наблюдается с 70-летнего возраста (35,6 на 100 тыс. мужчин соответствующего возраста и 6,2 на 100 тыс. женщин). У мужчин, начиная с 60-летнего возраста (возраст выхода на пенсию), рост смертности от самоубийств к 80 годам возрастает почти в 2 раза (27,2 и 53,0 на 100 тыс. соответственно). Стоит также обратить внимание, что в нашей стране смертность мужчин от суицидов превалирует над смертностью женщин практически во всех возрастных группах, при этом максимальная разница почти в 8 раз наблюдается в возрасте 80 лет и старше (Мадьянова и др., 2021).

О методах совершения суицида следует сказать особо, так как в литературе не так много точных данных. Например, среди населения Санкт-Петербурга первое место занимает повешение (64,12%), далее следуют падение с высоты (18,51%), повреждения острыми предметами (5,71%), отравления (5,43%), использование огнестрельного оружия (4,58%), утопления (0,49%), самосожжения (0,41%) и падения под транспорт (0,24%). В то же время у различных поколений наблюдались отличия по такому показателю как предпочитаемые способы самоубийств, особенно они касаются прыжков с высоты. Большая доля таких способов наблюдается среди самых молодых (37,1%) и самых пожилых (20,3%). При этом за последние 7 лет фиксируется неуклонный рост доли прыжков с высоты среди всех возрастных групп, включая пожилых. Это происходит за счет снижения доли повешений (Розанов и др., 2024).

Мотивация суицидального поведения лиц пожилого и старческого возраста // Ученые записки Института психологииРоссийской академии наук. 2025. Т.5. №2(15). С. 16-22. DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_03

Как показывают исследования, каждый четвертый (26,7%) из выборки 97-летних людей подумывал о смерти хотя бы раз в месяц, при этом 77% этой выборки не имеют многих признаков депрессии по МКБ-10. Суицидальные мысли вдвое чаще посещают пожилых женщин, при большем уровне реализованных суицидов у мужчин. При опросе у пациентов общей практики частота суицидальных мыслей фиксируется на уровне 10%. Чаще это происходит у психически (депрессии) и соматически (сердечные болезни, заболевания ЖКТ) больных, страдающих тремя и более заболеваниями. Как правило, суицидальные мысли также связаны с ухудшением их медицинского прогноза (Любов и др., 2017).

Самоубийства пожилых составили в 2015 году 17% от общего количества самоубийств в РФ (из них 14% у мужчин и у 31% женщин). Соотношение суицидов у пожилых мужчин и женщин в РФ 2:1 при усредненном в стране 4,6:1 (Любов и др., 2017). Суициды людей пожилого и старческого возраста не являются следствием спонтанного решения, так как имеют более твердую основу — здесь способы для реализации более продуманные и сильнодействующие, шансы выздоровления после неудавшейся попытки самоубийства вследствие обремененности багажом соматических заболеваний не высоки (Ледовских, Панова, 2022).

Характерным эмоциональным переживанием суицидального поведения пожилых является безнадежность. Чем выше уровень морбидности, тем выше осознание полной беспомощности и отсутствия надежды на излечение. Кроме того, пожилые люди чаще не испытывают страх смерти, однако они легко подвержены страху перед физической слабостью и утратой интеллектуальных способностей. Если к этому добавить болевой синдром, который недостаточно купируется, один из гериатрических синдромов — недержание мочи, пролежни, синдром мальнутриции, старческой дряхлости, то от решения о суициде пациента бывает отговорить крайне сложно.

Ученые провели метаанализ семи нерандомизированных контролируемых исследований в сельских районах Японии (N=3087 человек; 59% составили женщины; средняя продолжительность наблюдений — 8 лет). Также были выполнены два когортных исследования: первое — в полугородской местности в Падуе, Италия (18 600 человек; 84% женщин; продолжительность — 11 лет); второе — в Гонконге (351 участник; 57% женщин; наблюдения в течение двухлетнего периода). Исследования включали профилактические мероприятия против суицидального поведения (Sakashita, Oyama, 2022). Все программы привели к снижению числа самоубийств среди женщин.

Ряд исследований показал, что совершающие суицидальные попытки с высокой вероятностью летальности действовали с меньшей импульсивностью, что позволило им лучше планировать попытки самоубийства, и с меньшей вероятностью изменяли суицидальный трек (Barker, Oakes-Rogers, Leddy, 2022). Основными ограничением тут было то, что исследования были недостаточно чувствительными для обнаружения небольших эффектов, а выборки состояли в основном из белых и ограничивались США.

При анализе мотивов суицидов у стариков целесообразно обратиться к историческому опыту джайнизма — религии, появившейся приблизительно в IV–VI веках до н. э. в Индии. Философия джайнизма основана на самосовершенствовании души для достижения всеведения, всесилия и вечного блаженства. В современной Индии джайнизм представлен небольшой и влиятельной общиной, насчитывающей 5–6 миллионов приверженцев. Среди джайнов известно такое суицидальное поведение, как «смиренная смерть», когда человек сам принимает решение и отказывается от еды и питья. Это способ ухода из жизни, противопоставляемый активному самоубийству. Последователи данной религии верят, что Махавира (основатель религии, великий воин) разрешил своим последователям — неизлечимо больным старикам — добровольный уход из жизни. Хотя такой ритуал запрещен Верховным судом Индии, только за половину 2015 года более 100 джайн ушли таким способом из жизни.

На фоне широко освещаемых СМИ суицидов подростков в информационном поле Российской Федерации проблема суицидов стариков практически не обсуждается. Люди пожилого и старческого возраста представляют собой особую группу с уникальными факторами рисков суицидального поведения. Увеличение продолжительности жизни, нарастание социальной разобщенности, множественные изменения в укладе жизни разных поколений семьи привели к повышению уровня эмоционального неблагополучия среди пожилого населения. Так, например, мужчин старше 80 лет с синдромом старческой астении можно отнести к специфичной группе риска, характеризующиеся повышенной вероятностью совершения суицида. Наши многолетние клинические наблюдения позволяют сделать вывод, что самый высокий риск

Motivation of suicidal behavior in elderly and senile people. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 16-22. DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_03

суицида в группе мужчин старше 80 лет, часто ранее успешных в профессиональной карьере и социальной жизни, характерен для лиц с синдромом старческой астении и высоким уровнем потреблением алкоголя.

Заключение

Многочисленные статистические данные, указывающие, что чем выше возраст, тем выше риск суицидального поведения, позволяют отнести суицидальное поведение к возраст-ассоциированным проблемам, когда фактор самого возраста является доминирующим над прочими. Можно утверждать, что фактор пожилого и старческого возраста и его неблагоприятные последствия также прямо влияют на уровень летальности попыток самоубийства. Значительный вклад в суицидальное поведение вносит синдром старческой дряхлости, который ослабляет жизненные силы и увеличивает зависимость от помощи. Негативные последствия суицидов и их попыток для семей этих людей и общества в целом обуславливают необходимость более глубокого изучения факторов такого поведения с целью его профилактики.

Литература:

1. Всемирная организация здравоохранения. Всемирный доклад о старении и здоровье. 2016. https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/186463/9789244565049_rus.pdf.
2. *Ефремов В.С*. Основы суицидологии. СПб.: «Издательство «Диалект», 2004.
3. *Ледовских И.А., Панова Т.В*. Особенности личностной сферы суицидентов пожилого возраста. International Journal of Medicine and Psychology. 2022. Т. 5. № 8. С. 9–14.
4. *Лугуева С.Н*. Один из факторов ухудшения уровня жизни населения: статистика суицидов. Актуальные вопросы современной экономики. 2014. № 4. С. 462–471.
5. *Любов Е.Б., Магурдумова Л.Г., Цупрун В.Е*. Суицидальное поведение пожилых. Суицидология. 2017. Т. 8. № 1(26). С. 3–16.
6. *Мадьянова В.В., Хальфин Р.А., Какорина Е.П., Клокова Т.А., Казаковцев Б.А.* К вопросу о заболеваемости и смертности лиц в возрасте 60 лет и старше. Психическое здоровье. 2021. № 3. С. 8–15.
7. *Пуговкина О.Д., Борисоник Е.В., Холмогорова А.Б., Симонова А.Ю., Поцхверия М.М*. Социально-демографические и клинико-психологические факторы суицидальных попыток путем самоотравления в пожилом возрасте // Неотложная медицинская помощь. Журнал им. Н.В. Склифосовского. 2024. Т. 13. № 4. С. 590–598.
8. *Розанов В.А., Вукс А.Я., Анохина М.В., Исаков В.Д., Фрейзе В.В., Семенова Н.В*. Суициды среди пожилых: анализ тенденций на примере мегаполиса как основа для стратегий превенции // Психиатрия в эпоху перемен. Сборник тезисов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием к 155-летнему юбилею Республиканской клинической психиатрической больницы имени академика В.М. Бехтерева и 140-летию её основателя А.У. Фрезе. Казань, 2024. С. 43–44.
9. *Barker J., Oakes-Rogers S., Leddy A.* What distinguishes high and low-lethality suicide attempts in older adults? A systematic review and meta-analysis // Journal of Psychiatric Research. 2022. Vol. 154. P. 91–101. DOI: 10.1016/j.jpsychires.2022.07.048.
10. *Beghi M., Butera E., Cerri C.G., Cornaggia C.M. et al.* Suicidal behaviour in older age: A systematic review of risk factors associated to suicide attempts and completed suicides // Neuroscience and Biobehavioral Reviews. 2021. Vol. 127. P. 193–211. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2021.04.011.
11. *Conejero I., Olié E., Courtet P., Calati R.* Suicide in older adults: current perspectives // Clin Interv Aging. 2018. Vol. 20(13). P. 691–699. DOI: 10.2147/CIA.S130670.
12. *Crimmins E.M., Beltrán-Sánchez H.* Mortality and morbidity trends: is there compression of morbidity? // Journals of Gerontology Series B Psychological Sciences and Social Sciences. 2011. Vol. 66(1). P. 75–86. DOI: 10.1093/geronb/gbq088.
13. *Hung W.W., Ross J.S., Boockvar K.S., Siu A.L*. Recent trends in chronic disease, impairment and disability among older adults in the United States // BMC Geriatr. 2011. Vol. 11(1). P. 47. DOI: 10.1186/1471–2318–11–47.
14. *Liao Y., McGee D.L., Cao G., Cooper R.S*. Recent changes in the health status of the older U.S. population: findings from the 1984 and 1994 supplement on aging // Journal of the American Geriatrics Society. 2001. Vol. 49(4). P. 443–449. DOI: 10.1046/j.1532–5415.2001.49089.x
15. *Manton K.G., Gu X., Lamb V.L*. Change in chronic disability from 1982 to 2004/2005 as measured by long-term changes in function and health in the U.S. elderly population // Proceedings of the National Academy of Sciences USA. 2006. Vol. 103(48). P. 18374–18379. DOI: 10.1073/pnas.0608483103

16. Report of the International Narcotics Control Board for 2017 // The United Nations. Venna. 2018. URL: https://www.unodc.org/lpo-brazil/en/frontpage/2018/03/international-narcotics-control-board-launches-2017-annual-report.html
17. *Sakashita T., Oyama H.* Suicide Prevention Interventions and Their Linkages in Multilayered Approaches for Older Adults: A Review and Comparison // Front Public Health. 2022. Vol. 10. DOI: 10.3389/fpubh.2022.842193
18. *Seeman T.E., Merkin S.S., Crimmins E.M., Karlamangla A.S.* Disability trends among older Americans: National Health And Nutrition Examination Surveys, 1988–1994 and 1999–2004 // American Journal of Public Health. 2010. Vol. 100(1). P. 100–107. DOI: 10.2105/AJPH.2008.157388.

MOTIVATION OF SUICIDAL BEHAVIOR IN ELDERLY AND SENILE PEOPLE

© Valery M. Novoselov
Director of the ANO "Scientific and Medical Gerontology Center",
Chairman of the Gerontology Section of the Moscow Institute of Sociology at the Moscow State University named after M.V. Lomonosov
Moscow, Russia
novoselovvm@mail.ru

Psychological problems that occur in the elderly and senile are determined by several adverse events for the human psyche: the steady increase in age-related diseases and geriatric syndromes, the loss of a beloved job and professional status, deterioration of financial well-being, loneliness, loss of loved ones, and finally, physical helplessness, inability to solve everyday issues, etc. All this can lead to a loss of the meaning of life and the desire to live. The article examines the most common psychological causes of suicidal behavior of elderly and senile people and provides a comparative analysis of their suicidal behavior in different countries.

Keywords: suicide, psychology of elderly and senile people, suicide attempts, depression, suicide factors.

REFERENCES

1. World Health Organization. World report on ageing and health. 2016. https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/186463/9789244565049_rus.pdf.
2. *Efremov V.S.* (2004). Basics of suicidology. St. Petersburg: "Dialect" Publishing House.
3. *Ledovskikh I.A., Panova T.V.* (2022). Features of the personal sphere of elderly suicides. International Journal of Medicine and Psychology. Vol. 5(8). P. 9–14.
4. *Lugueva S.N.* (2014). One of the factors in the deterioration of the population's standard of living: suicide statistics. Actual issues of modern economics. № . 4. P. 462–471.
5. *Lyubov E.B., Magurdumova L.G., Tsuprun V.E.* (2017). Suicidal behavior in the elderly. Suicidology. Vol. 8. No. 1(26). P. 3–16.
6. *Mad'yanova V.V., Khal'fin R.A., Kakorina E.P., Klokova T.A., Kazakovtsev B.A.* (2021). On the issue of morbidity and mortality of persons aged 60 years and older. Mental health. № 3. P. 8–15.
7. *Pugovkina O.D., Borisonik E.V., Kholmogorova A.B., Simonova A. Yu., Potskhveria M.M.* (2024). Socio-demographic and clinical-psychological factors of suicide attempts by self-poisoning in the elderly // Emergency medical care. Journal named after N.V. Sklifosovsky. Vol. 13(4). P. 590–598.
8. *Rozanov V.A., Vuks A. Ya., Anokhina M.V., Isakov V.D., Freize V.V., Semenova N.V.* (2024). Suicides among the elderly: analysis of trends using the example of a metropolis as a basis for prevention strategies // Psychiatry in the era of change. Collection of abstracts of the All-Russian scientific and practical conference with international participation for the 155th anniversary of the Republican Clinical Psychiatric Hospital named after Academician V.M. Bekhterev and the 140th anniversary of its founder A.U. Freze. Kazan. P. 43–44.

9. *Barker J., Oakes-Rogers S., Leddy A.* (2022). What distinguishes high and low-lethality suicide attempts in older adults? A systematic review and meta-analysis // Journal of Psychiatric Research. Vol. 154. P. 91–101. DOI: 10.1016/j.jpsychires.2022.07.048.
10. *Beghi M., Butera E., Cerri C.G., Cornaggia C.M. et al.* (2021). Suicidal behaviour in older age: A systematic review of risk factors associated to suicide attempts and completed suicides // Neuroscience and Biobehavioral Reviews. Vol. 127. P. 193–211. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2021.04.011.
11. *Conejero I., Olié E., Courtet P., Calati R.* (2018). Suicide in older adults: current perspectives // Clin Interv Aging. Vol. 20(13). P. 691–699. DOI: 10.2147/CIA.S130670.
12. *Crimmins E.M., Beltrán-Sánchez H.* (2011). Mortality and morbidity trends: is there compression of morbidity? // Journals of Gerontology Series B Psychological Sciences and Social Sciences. Vol. 66(1). P. 75–86. DOI: 10.1093/geronb/gbq088.
13. *Hung W.W., Ross J.S., Boockvar K.S., Siu A.L.* (2011). Recent trends in chronic disease, impairment and disability among older adults in the United States // BMC Geriatr. Vol. 11(1). P. 47. DOI: 10. 1186/1471–2318–11–47.
14. *Liao Y., McGee D.L., Cao G., Cooper R.S.* (2001). Recent changes in the health status of the older U.S. population: findings from the 1984 and 1994 supplement on aging // Journal of the American Geriatrics Society. Vol. 49(4). P. 443–449. DOI: 10.1046/j.1532–5415.2001.49089.x
15. *Manton K.G., Gu X., Lamb V.L.* (2006). Change in chronic disability from 1982 to 2004/2005 as measured by long-term changes in function and health in the U.S. elderly population // Proceedings of the National Academy of Sciences USA. Vol. 103(48). P. 18374–18379. DOI: 10.1073/pnas.0608483103
16. Report of the International Narcotics Control Board for 2017 // The United Nations. Venna. 2018. URL: https://www.unodc.org/lpo-brazil/en/frontpage/2018/03/international-narcotics-control-board-launches-2017-annual-report.html
17. *Sakashita T., Oyama H.* (2022). Suicide Prevention Interventions and Their Linkages in Multilayered Approaches for Older Adults: A Review and Comparison // Front Public Health. Vol. 10. DOI: 10.3389/fpubh.2022.842193
18. *Seeman T.E., Merkin S.S., Crimmins E.M., Karlamangla A.S.* (2010). Disability trends among older Americans: National Health And Nutrition Examination Surveys, 1988–1994 and 1999–2004 // American Journal of Public Health. Vol. 100(1). P. 100–107. DOI: 10.2105/AJPH.2008.157388.

Царицына П.М.
Теоретико-методологические подходы в исследовании психологических особенностей политических элит // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №2(15) С. 23-31.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_04

Tsaritsyna P.M.
Theoretical and methodological approaches in the study of the psychological characteristics of political elites. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 23-31.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_04

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

© Царицына П.М.
аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия
poly.zvuk@mail.ru

Предметом представленного в статье исследования является ряд теоретико-методологических подходов к изучению психологии политических элит. Проводится обзор сложившихся теоретических моделей правящих групп в исторической ретроспективе от древности до настоящего времени. Рассматриваются идеи античности, средних веков, эпохи Возрождения и Нового времени, а также — некоторые современные концепции. Автор уделяет особое внимание современным теоретико-методологическим парадигмам изучения политических элит и делает акцент на актуальных подходах: позиционном, функциональном, репутационном и политико-психологическом. Приведены некоторые результаты сравнительного анализа политических элит Франции и России. Также рассматриваются возможности использования методологического потенциала рекурсивного принципа в политико-психологических исследованиях.

***Ключевые слова*:** политические элиты, теории элит, методологии исследования элит, лидер, элитология, собирательная личность, рекурсия, политико-психологические качества элит

Введение

Политическая элита — древнее явление общественно-политической жизни, сложная категория научного исследования, актуальная проблема современной политологии. Проблема элиты — важный аспект изучения субъекта исторического процесса. На протяжении всей истории человечества жизнь сообществ людей зависела от правящего меньшинства, поэтому роль правителей — лидеров, элиты — неизменно была предметом особого интереса социальных мыслителей.

Понятие «элита» начинает широко применяться в европейской политической, общественной и научной литературе начиная с 1930-х гг. с возрастанием популярности социологической теории элит итальянской школы. Что касается историко-этимологического анализа значения этого слова, то словари указывают на то, что оно происходит от латинского «*eligere*», которое затем преобразовалось во французское «*élite*» — лучшее, отборное, избранное. С середины XIX в. «*élite*» уже использовалось для обозначения групп и персон, принадлежащих к высшим слоям общества.

Несмотря на то, что сам термин укоренился сравнительно недавно, явление, которое он отражает, существовало в том или ином виде всегда и в любом обществе, при этом оно подчас несет на себе печать сакрализации власти. Так, еще философы античности и средневековья неизменно связывали власть со сверхъестественными силами и при всех различиях культур и религий, ими всегда проводилась граница между управляющим меньшинством и управляемым большинством.

В нашей стране результаты первых и наиболее значительных работ, которые, по сути, имели отношение к элитам, были изданы на рубеже XIX–XX вв. Это были работы Н.К. Михайловского, П.И. Ковалевского, В.К. Случевского, Э.К. Пименовой, В.Ф. Чижа, Л.Н. Войтоловского, П.Н. Милюкова, В.М. Бехтерева и Г.И. Чулкова и других авторов. И поэтому в наше время вполне закономерно появление теоретических трудов, отражающих деятельность политических элит, а также их лидеров. Если элитология как самостоятельная научная дисциплина — результат усилий исследователей XX века, то ее корни уходят в глубь веков (Ракитянский, 2022).

Изучение психологии элит как проблема философии, политологии и политической психологии

Современное знание о политической элите опирается на философскую рефлексию античных философов, взгляды христианских богословов, схоластиков и философов эпохи Возрождения. Вместе с философскими воззрениями эволюционировали и политико-правовые представления, при этом их важной особенностью была тесная

Теоретико-методологические подходы в исследовании психологических особенностей политических элит // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №2(15) С. 23-31.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_04

связь с мифологией. Однако со временем наметилась тенденция к демифологизации и, как бы мы сегодня это назвали, рационализации политической сферы.

Продолжению этой тенденции способствовал «антропологический» поворот античной мысли, связанный в первую очередь с именем Сократа. Его ученик, Платон, впервые создает наиболее последовательное на тот момент учение о государстве в рамках древнегреческого полиса, где он говорит об абсолютном превосходстве и закрытости правящего слоя. П.Л. Карабущенко полагает, что элитология формируется уже в античности, и в трудах Платона выступила как целостная система знаний (Карабущенко, Вартумян, 2025).

Возникновение теорий дихотомии элита–масса было прочно связано, в частности, у Платона, Конфуция и других мыслителей с мечтой о справедливом управлении, которое осуществляют мудрые и честные люди. Согласно Аристотелю, добродетель для государственных мужей — условие совершенно необходимое, при этом он называет аристократию лучшей формой правления. Аврелий Августин, выстраивая концепцию теократической государственности, утверждал принцип принадлежности к элите на основании стремления послужить Богу (Алонцева, 2020).

Решающая роль в усвоении аристотелевских идей Католической Церковью принадлежит доминиканскому монаху Фоме Аквинскому, который определил социальное неравенство в качестве богоустановленной иерархии, усматривая в этом проявление совершенства вселенной.

Эпоха Возрождения была отмечена ослаблением роли церкви и переосмыслением роли государства и места человека в нем. Труд Никколо Макиавелли «Государь» произвел возмущение в умах, так как он рассматривал как ценность саму власть. Макиавелли прагматично сформулировал рекомендации по получению, реализации и удержанию власти, полагая, что государю и элите необходимо обладать волей к победе. Позже эту идею можно встретить в произведениях Ф. Ницше, провозгласившего главным двигателем истории «ненасытное стремление к власти» (Белас, 2010).

Начиная с Нового Времени европейские философы занимались проблемой государства и правящих групп, свой вклад в освещение темы элит внесли Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Ш.-Л. Монтескье и др. Однако мыслители исследовали в первую очередь вопросы происхождения власти и процесс ее передачи, проблемы взаимоотношений властных структур с народом. Сам же феномен власти, оставался предметно не изучен, собственно, как и феномен политических элит.

И только на рубеже XIX–XX вв. теории элит уже опираются на постулирование деления социальной структуры общества на управляющее меньшинство и управляемое большинство: народ не в состоянии править государством, следовательно, необходимо наличие руководящей элиты, вырабатывающей вектор развития общества.

В концепциях Х. Ортега-и-Гассета и О. Шпенглера берет начало ценностный или «аристократический» (консервативный) вариант элитизма, который трактует понятия «элиты» и «массы» не как уровни классовой структуры общества, а как типы личности.

Основателями европейской школы элитизма стали Г. Моска, В. Парето и Р. Михельс, сознававшие свою историческую связь с Н. Макиавелли. Они систематизировали знание, касающееся роли элиты в общественном процессе, сделали правящий слой объектом социального исследования. Все они исходили из того, что при любой форме правления меньшинство, наделенное особыми достоинствами, руководит массами. Их труды носили во многом социально-философский и историософский характер.

Г. Моска принадлежит концепция «правящего класса», обладающего монополией на политическую власть. В. Парето создал теорию циркуляции элит, используя термин «элита» в его этимологическом смысле, означающем наиболее сильных, энергичных и способных — как к добру, так и ко злу. Р. Михельс обосновал деградацию демократии в рамках «железного закона олигархических тенденций». Труды этих исследователей оказали решающее влияние на развитие европейской мысли в отношении проблемы политических элит. Классическая теория элит была детализирована и применена к анализу конкретных общественных систем в концепциях М. Вебера, Г. Лассуэлла, Р. Даля, К. Манхейма, Р. Миллса и других теоретиков политической науки (Поляков, 2011).

В концепции культурно-исторического развития А. Тойнби интерпретировал воспринятые им идеи Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Бергсона и сделал вывод о том, что творцом культуры-цивилизации выступает не все человечество, а его наиболее творческая часть — элитарное меньшинство, творческая энергия которого является основанием развития цивилизации. Л.Н. Гумилев связывает расцвет цивилизации с пассионарностью правящих элит: когда пассионарная энергия со-

Theoretical and methodological approaches in the study of the psychological characteristics of political elites. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 23-31.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_04

циума снижается, а вместе с ней снижается и качество элит (Панков, 2024).

В России теоретиками философской школы элитизма, носившего этический оттенок, стали И.А. Ильин, С.Н. Булгаков и Н.С. Трубецкой и Н.А. Бердяев. Последний противопоставлял два единственно возможных, по его мнению, вида правления — аристократию и охлократию, как власть лучших и власть худших. По Н.А. Бердяеву всякий жизненный строй — иерархичен и имеет свою аристократию, наличие элиты неизбежно и является законом жизни. Высказывая мысль о непреложности нравственного измерения элитарности и полагая христианство главным основанием аристократического духа, Н.А, Бердяев отмечал, что истинным элитам присуща жертвенность (Бердяев, 1990). С.Н. Булгаков в своих размышлениях об элите пришел к теократической модели, где церковь играет роль интегратора элиты. И.А. Ильин, высказываясь об элите будущего, также акцентировал внимание на нравственном идеале, которому должны соответствовать представители политической элиты, в основе мировоззрения которой лежат патриотизм и религиозность (Ильин, 2001).

Эволюционистские и органические теории элит российских философов и социологов А.И. Стронина и Я.И. Новикова носили позитивистский характер. Работы П.А. Сорокина относятся к направлению постпозитивизма, представляя собой завершающий этап в развитии позитивистских представлений о политической элите. Главную функцию элиты П.А. Сорокин видел в творческом преобразовании общества, для реализации которой политическая элита должна обладать комплексом физиологических и психологических черт, а также целым рядом специфических способностей, таких как интеллект и необходимый имидж, способствующие социальному продвижению (Покатов, 2005).

К 1960-м годам сформировались основные теоретико-методологические подходы к анализу политических элит. В рамках позиционного подхода принадлежность человека или группы лиц к политической элите определяется по их статусу в институциональной структуре политики. Функциональный подход предполагает, что в правящую элиту входят люди, принимающие стратегические политические решения или непосредственно влияющие на процесс принятия этих решений. В соответствии с репутационным подходом элита включает людей, пользующихся наибольшим авторитетом в обществе (Поляков, 2011).

В связи с этим обращают на себя внимание работы авторов, посвященные политическим элитам в так называемых авторитарных государствах Х. Арендта, Р. Арона, В. Весоловского, М. Джиласа, Р. Такера. Критический анализ теории элит проводили Р. Миллс, М. Нарта, М. Паренти. Такие исследователи как Р. Даль, Р. Дарендорф, Дж. Сартори посвятили свои труды исследованию плюралистического восприятия элит. Изучением вопросов лидерства, власти и элит с психологической точки зрения занимались также Ж. Блондель, Г. Лассуэл, С. Липсет, Э. Фромм. В свою очередь Т. Дай, Х. Зиглер разрабатывали элитические концепции с точки зрения неоэлитизма.

В то время как в США в 1930-х годах после перевода на английский язык классических текстов В. Парето и Г. Моска об элитах было опубликовано значительное количество работ, посвященных теории правящего класса, французские исследователи долгое время демонстрировали в изучении вопроса политических элит некоторую отсталость. Причиной тому послужило то, что во французской политической науке, находившейся под влиянием марксизма, работы отцов-основателей элитистской теории рассматривались как относящиеся к эссенциалистскому подходу, политическая цель которого — увековечить «контрреволюционную философию» (Genieys, 2006).

Ситуацию удалось переломить Р. Арону, сформулировавшему следующий тезис: плюрализм элиты является условием демократического развития общества. Хотя изначально европейская политологическая традиция была в большей степени связана с изучением личностных особенностей представителей элиты, что нашло отражение в работах о выдающихся правителях в XIX–XX вв., на сегодняшний день во французских политологических исследованиях правящих элит преобладают социологические подходы, что продолжает контовскую традицию. Французские исследователи отдают предпочтение эмпирике, для них в первую очередь важна точность и строгость в научных методах. Особую роль в этой ситуации играет зародившийся во Франции метод просопографии, соединяющий историю и социологию (Царицына, 2023а).

Однако в большинстве таких исследований осуществляется узкий тематический или проблемный подход, обнаруживается идеологическая предвзятость и методологическая односторонность, что приводит к чрезмерному упрощению и даже к противоречиям в понимании специфики политических элит (Anceau, 2021). Вместе с тем,

Теоретико-методологические подходы в исследовании психологических особенностей политических элит // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №2(15) С. 23-31.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_04

французские исследователи Ф. Леферм-Фальгер и В. Ван Рентэргем обращают внимание на то, что сама по себе элитистская концепция в ее классическом представлении, оспаривая марксистский постулат о главенстве экономики над политикой, опирается на детерминированное представление о человеческой природе и требует прежде всего психологического подхода в изучении правящих элит (Leferme-Falguières, Van Renterghem, 2000).

Во Франции и России политика персонифицируется как нигде, поэтому институциональный анализ в условиях динамичных политических трансформаций оказывается недостаточным, и для адекватной интерпретации политических изменений целесообразно рассматривать психологическое измерение политики. Так, прикладная элитология подвергает анализу культуру поведения элитных групп путем выявления психологических особенностей конкретных субъектов элит, используя методы наблюдения и политической герменевтики.

В условиях доминирования марксистской парадигмы в СССР теория элит имела статус буржуазной лженауки. Существование элит игнорировалось, к элитам стран Запада применялись термины «монополистическая буржуазия», «правящие верхи» и т.п. Ранние работы Г.К. Ашина, Ф.М. Бурлацкого и А.А. Галкина выполнены в соответствии с советской доктриной критики теории элит. Ситуация изменилась в 1990-х гг., со сменой парадигмы исследования элит в России получили новый импульс. Системный анализ современных российских элит проведен в монографиях М.Н. Афанасьева, Г.К. Ашина, О.В. Гаман-Голутвиной, В.Г. Игнатова, М. Мчедловой, А.В. Понеделкова, А.М. Старостина, Е.Б. Шестопал.

Методологический потенциал изучения персоналистического аспекта политических элит

На кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова проводились исследования лидерского потенциала и личностных особенностей представителей российской политической элиты (Шестопал и др., 2024). Результаты были изложены в серии монографий Е.Б. Шестопал и книг под ее редакцией, таких как «Человеческий капитал российских политических элит», «Перспективы развития политической психологии: новые направления», «Путин 3.0. Общество и власть в новейшей истории России» и «Современная элита России: политико-психологический анализ». В этих работах был произведен анализ биографических данных и карьерных траекторий представителей элиты, каналов и механизмов их рекрутирования. В соответствии с целями исследования авторы избрали «дисизионный», ценностный и структурно-функциональный подходы в сочетании с социологическим подходом.

В ходе исследования были составлены психологические профили политиков, что позволило выявить ключевые мотивы и потребности, политические представления, взгляды и ценности тех, из кого состоит политическая элита. Было произведено комплексное исследование психологических свойств российских лидеров, что дало возможность составить целостное представление о качестве российской политической элиты (Шестопал, 2011).

В этой связи было обосновано изучение персоналистического измерения политической элиты, т.к. проблема элиты, являющейся субъектом политики, непосредственно связана с проблемой лидерства. Так, И.С. Палитай полагает возможным изучение политических элит в их личностном аспекте, т.к. именно такой подход позволяет объективно оценить психологический потенциал элиты в целом. В этой связи категорию элиты целесообразно рассматривать в лидерско-элитной проекции, так как по сути элита является совокупностью лидеров, и рассмотрение личностного фактора дает возможность составить полноценную и релевантную картину психологических свойств элитных групп. Таким образом именно личность политика становится ключом к пониманию не только особенностей элит, но и внутриэлитных процессов (Палитай, 2022; Палитай, Зорин, 2023;Рудой, Понеделков, 2010).

По мнению В.В. Агеева личностные качества лидера в той или иной элитной иерархии имеют значимое влияние на свойства элит. Деятельный политический субъект, способный к рефлексии и позитивному действию, сосредотачивает в себе политико-психологический потенциал элитной группы, становясь инициатором политических процессов (Ракитянский, 2012).

В рамках исследования психологических особенностей французских политических элит с методологической точки зрения мы опираемся на труды отечественных и зарубежных авторов, изучающих политические элиты посредством персоналистского подхода, исследуя политико-психологические качества лидеров как наиболее влиятельных представителей властных кругов (Царицына, 2023б). Истоки этой методологической традиции мы находим в трудах «французского Ницше» Ж.-М. Гюйо, который полагал, что общество и нацию следу-

Theoretical and methodological approaches in the study of the psychological characteristics of political elites. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 23-31.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_04

ет «рассматривать сквозь призму личности», поскольку сам политик является в известной мере результатом политической социализации и несет в себе качества той элитной группы, к которой он принадлежит (Гюйо, 1900). В методологии исследования французских политических элит представляется возможным использовать феномен взаимного влияния лидеров и элит.

Первенство в исследованиях соотносимости личностных качеств и психологических особенностей личности и группы, к которой она относится, принадлежит В.М. Бехтереву. В рамках своей рефлексологической теории он вводит понятие «собирательной личности», идентифицируя личность и коллектив. Так, он проводит аналогию между отдельным человеком и сплоченной группой людей. Таким образом, по В.М. Бехтереву, закономерности, выявленные объективным методом наблюдения за социальной группой, правомерно проецировать на качества отдельной личности и наоборот: «свойство целого зависит от состава его частей, … важнейшие цели человеческих обществ стоят в соответствии с главными свойствами отдельного человека» (Бехтерев, 1921).

При этом стержнем собирательной личности является общий идеал, обеспечивающий единство чувств и мыслей ее представителей и каждого ее субъекта. Как и отдельная человеческая личность, правящая элита, будучи собирательной личностью, обладает свойствами индивидуальности. Ее уникальность зависит от тех частей, из которых данная собирательная личность состоит, а именно от качеств каждой отдельной личности, в которой отражаются свойства группы. Причем по мысли В.М. Бехтерева, каждая составляющая собирательной личности оказывает влияние на общую равнодействующую в соответствии со своим субъектным потенциалом: «чем сильнее в социальном отношении личность, тем более она направляет равнодействующую в определенную сторону».

Концепт собирательной личности соотносится с понятием модальной личности, сформулированным как совокупность устойчивых личностных свойств, наиболее типичных для конкретной общности. В русле культурной антропологии понятие модальной личности трактуется как «модель», тип личности, обусловленный когнитивными, аксиологическими и конативными образцами жизнедеятельности в определенной политической общности (Швец, 2006). Н.М. Ракитянский расширяет само понятие личности, включая в него разного рода группы людей. Он полагает возможным их изучение посредством понятий, которые отражают свойства личности. Исследуя феномен менталитета, Н.М. Ракитянский напрямую связывает психологические особенности правящих элит с их ментально- догматическими установками, которые определяют специфику их политического поведения (Ракитянский, 2011; Ракитянский, 2020).

На взаимовлияние политических лидеров и элит указывает О.В. Гаман-Голутвина. Так, она полагает, что «ключевая роль в истории принадлежит, несомненно, выдающимся личностям, однако из этого следует не игнорирование роли социальных групп, а констатация их опосредованного участия: большое сообщество становится субъектом благодаря своей избыточной энергетике (пассионарности), что проявляется в выдвижении крупных исторических деятелей, призванных и способных к реализации масштабных исторических задач» (Гаман-Голутвина, 2012).

Также О.В. Гаман-Голутвина акцентирует внимание на том, что политическая элита по сути является целостной социальной общностью, интегрирующим фактором которой служит единство психологических установок, стереотипов и норм поведения. Причем характер социально-политических процессов и деятельность представителей элитных групп находятся в прямой зависимости. В любой стране качество элит является интегральным показателем состояния социума, а сами элиты — ключевыми инициаторами социальных изменений. В свою очередь, кризис лидерства является верным признаком упадка элиты. Проблема «измельчания» политических лидеров наблюдается сегодня в странах Европы, в частности во Франции, что свидетельствует о снижении личностного потенциала правящих европейских элит.

Как показывает практика, именно политические лидеры формулируют политические идеи и установки, впоследствии транслируя их в элиты и общество в целом. Являясь «фигурой согласия», лидер, которому элиты делегируют власть, воплощает их свойства и ожидания. Его деятельность в качестве представителя элиты реализует иерархически-интегрирующий принцип структурирования социальной реальности, отвечающей интересам элиты.

Влияние лидера осуществляется при участии ближайшего окружения, причем лидер и элита обнаруживают общий когнитивный стиль. По мнению Г. Киссинджера, логика мышления и действия лидеров напрямую связаны с «укоренившимися ценностями и устремлениями тех, кого эти лидеры ведут за собой», т.е. с элитами (Kissinger, 2022). При этом личность политика является не только результатом его самостановления, но и фактором (субъектом),

Теоретико-методологические подходы в исследовании психологических особенностей политических элит // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №2(15) С. 23-31.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_04

осуществляющим «рекурсивный», т.е. своего рода возвратный процесс: политик влияет на элитную группу, и та, в свою очередь, влияет на него (Блондель, 2024; Зайченко, 2014; Ракитянский, 2011).

Лидеры государств, как правило, производят переинтеграцию своей новой роли в соответствии со своей личностью, что неизменно сказывается на качествах и свойствах элиты. Таким образом, конкретные политические деятели отражают в своей субъектности значимые качества и политико-психологические особенности элиты, которая в свою очередь отображает свойства элитных групп (Морен, 2019; Немчинова, 2011; Стрелец, 2014).

Учитывая изложенное, взаимовлияние политических лидеров и правящих элит представляет собой «рекурсивный» процесс. Системным свойством рекурсии является целостность политической структуры, где единичное отражает множественное, а множественное, в свою очередь, программирует единичное. Об этой особенности рекурсивной системы, не вводя термина «рекурсия», писал еще Г.В. Лейбниц. Так, он утверждал, что каждая часть есть целое в миниатюре, отображающая его как зеркало (Зайченко, 2014).

Исследуя проблему психологических особенностей французских правящих элит, представляется возможным полагать, что их политические и национальные гении не только влияли на элиты, а те в свою очередь влияли на них, но при этом лидеры являлись носителями и выразителями базовых политико-психологических свойств элит, что дает нам возможность изучения их в качестве репрезентативных представителей этих элит. На примере Франции мы имеем возможность видеть, что выдающиеся правители и блистательные интеллектуалы этой страны становились субъектами сотворения как менталитета политических элит, так и национального менталитета. Это был и есть «рекурсивный», своего рода возвратный процесс — политические *dirigeants* и национальные гении влияли на народ, а тот в свою очередь влиял на них. Результатом этого многовекового эволюционно-революционного процесса стал исторически сложившийся синтез политических воззрений, верований, идей, интересов, устремлений, интеллектуального, культурного, социального и политического опыта, который придал яркому французскому менталитету — его неповторимую *altérité* — инаковость (Ракитянский, Царицына, 2023).

Заключение

Рассмотрев теоретико-методологические подходы к изучению психологических особенностей политических элит, мы обнаруживаем ряд проблемных аспектов. Во-первых, отсутствие консенсусного мнения о том, что такое политические элиты, что само по себе затрудняет изучение этой проблемы. Во-вторых, нереальность изучения психологического аспекта правящих элит в непосредственном взаимодействии с их представителями, т.к. политики избегают психологической диагностики, не желая, чтобы информация об их психологическом статусе и личностных свойствах стала достоянием других. В-третьих, явный дефицит четко сформулированных и апробированных методологических моделей по изучению элит. В-четвертых, при том, что пока еще нет достаточного опыта применения рекурсивного принципа при исследовании психологических особенностей элит, он обладает определенным методологическим ресурсом.

Литература

1. *Алонцева Д.В.* Взгляды Августина Блаженного на теократию, государство и церковь // Закон и право. 2020. № 11. С. 38–39.
2. *Белас Л.* Власть и добродетель в «Государе» Макиавелли // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2010. С. 45–54.
3. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. М., 1990. С. 40–49.
4. *Бехтерев В.М.* Коллективная рефлексология. Петроград: Колос, 1921. С. 82–98.
5. *Блондель Ж.* Концептуальная оценка влияния политических лидеров // Психология политического лидерства и элит. Хрестоматия / сост. Е.Б. Шестопал, И.С. Палитай. Изд-во Московского университета, 2024. С. 66.
6. *Гаман-Голутвина О.В*. Метафизические измерения трансформаций российских элит // Политическая концептология. 2012. № 3. С. 38–53.
7. *Гюйо Ж.-М.* Искусство с социологической точки зрения / Перевод Д.А.М. СПб., 1900.
8. *Зайченко М.А.* К проблеме присутствия рекурсивного принципа в гуманитарных науках // Карельский научный журнал. 2014. № 1. С. 16–21.
9. *Ильин И.А.* О воспитании национальной элиты. М.: Жизнь и мысль, 2001.

Theoretical and methodological approaches in the study of the psychological characteristics of political elites. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 23-31.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_04

10. *Карабущенко П.Л., Вартумян А.А.* и др. История отечественной элитологической мысли. М.: ИНТФРА-М, 2025.
11. *Морен Э.* О сложностности / Институт общегуманитарных исследований. М.: ИОИ. 2019.
12. *Немчинова Е.Ю.* Социальная сущность лидеров и элит, процесс их взаимодействия и роль в развитии общества: автореф.дис.канд. филос. наук: 09.00.11Москва,2011.
13. *Палитай И.С.* Российская политическая элита: текущее состояние и динамика основных показателей (на материалах исследований 2011–2021 гг.) // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 148–160. DOI: 10.17976/jpps/2022.04.12
14. *Палитай И.С., Зорин В.А.* Российская политическая элита и лидеры в условиях вариативности сценариев политического развития: политико-психологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 267–278.
15. *Панков А.В*. Цивилизационно-элитологический подход: актуальная смена исследовательской оптики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки, 2024. С. 209–216.
16. *Покатов Д.В*. Проблема политической элиты в творчестве П.А. Сорокина // Известия Саратовского университета. 2005. Т. 5. Серия Социология. Политология. Выпуск 1/2. С. 41–47.
17. Поляков А. К вопросу о методологии исследования политической элиты // Власть. 2011. № 2. С. 110–113.
18. *Ракитянский Н.М.* Личность политика: теория и методология психологического портретирования. М.: Изд-во Московского университета, 2011.
19. *Ракитянский Н.М*. Ментальные исследования глобальных политических миров. Изд-во Московского университета, 2020.
20. *Ракитянский Н.М*. Становление политической психологии: обзор основных этапов // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2022. № 6. С. 98–125.
21. *Ракитянский Н.М*. Теоретические аспекты политико-психологического анализа современного политического лидерства //Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2012. № 1. С. 54–63.
22. *Ракитянский Н.М., Царицына П.М*. Политическая ментализация французских правящих элит: политико-психологическое эссе // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2023. Т. 1. № 4. С. 81–128.
23. Рудой В.В., Понеделков А.В. Персоналистические измерения политической элиты, лидерство в экспертных оценках // Науковедение. 2010. № 2. URL: https://naukovedenie.ru/sbornik1/3–4.pdf
24. *Стрелец И.Э*. Влияние личностных особенностей политических лидеров на исполнение роли президента России: **автореф.** дис. … канд. полит. наук: 19.00.12. М., 2014. С. 143.
25. *Царицына П.М.* Политологические исследования элит во Франции // Вопросы политологии. 2023 (а). Т. 13. № 10–2 (98–2). С. 5577–5583.
26. Царицына П.М. Динамика субъектности французских политических элит //Вопросы политологии. 2023 (б). Т. 13. № 12(100). **С.** 6791–6798.
27. *Швец А.В*. Базовая личность в России: социально-философское исследование: автореф. … канд. филос. наук: 09.00.11 / Швец А.В. Ростов н/Д., 2006. С. 9–19.
28. Шестопал Е.Б. Психологический подход к анализу российских политических элит // Вестник Московского университета. Серия12. Политические науки. 2011. № 6. С. 75.
29. *Шестопал Е.Б., Палитай И.С.,* Ракитянский Н.М., Селезнева А.В., Смулькина Н.В. Тридцать лет политико-психологических исследований в Московском университете: результаты и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2024. № 6. С. 95–116.
30. *Anceau É.* Cinquante ans de recherche sur les élites politiques françaises de l’époque contemporaine // Pour une histoire politique de la France méditerranéenne, édité par Jean-Paul Pellegrinetti. Presses universitaires de Rennes, 2021. P. 27–37. URL: https://doi.org/10.4000/139df.
31. *Genieys W.* Nouveaux regards sur les élites du politique // Revue française de science politique. 2006. Vol. 56(1). P. 121–147.
32. *Kissinger H.* Leadership: Six Studies in World Strategy. London: Penguin Press, 2022.
33. *Leferme-Falguières F., Van Renterghem V.* Le concept d’élites. Approches historiographiques et méthodologiques // Hypothèses. 2000. № 1. P. 55–67.

Теоретико-методологические подходы в исследовании психологических особенностей политических элит // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №2(15) С. 23-31.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_04

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES IN THE STUDY OF THE PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF POLITICAL ELITES

© Polina M. Tsaritsyna
Postgraduate student of the Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
poly.zvuk@mail.ru

The subject of the research presented in the article is a number of theoretical and methodological approaches to the study of the psychology of political elites. The review of the established theoretical models of ruling groups in historical retrospect from antiquity to the present is conducted. The ideas of antiquity, the Middle Ages, the Renaissance and Modern times are considered, as well as some modern concepts. The author pays special attention to modern theoretical and methodological paradigms of studying political elites and focuses on relevant approaches: positional, functional, reputational, and political-psychological. Some results of a comparative analysis of the political elites of France and Russia are presented. The possibilities of using the methodological potential of the recursive principle in political and psychological research are also considered.

***Keywords*:** political elites, theories of elites, methodologies of elite research, leader, elitology, collective personality, recursion, political and psychological qualities of elites.

REFERENCES

1. *Alontseva D.V.* (2020). Augustine's Views on Theocracy, State, and Church // Law and Right. № 11. P. 38–39.
2. *Belas L.* (2010). Power and Virtue in Machiavelli's The Prince // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy. P. 45–54.
3. *Berdyaev N.A.* (1990). Philosophy of Inequality. Moscow. P. 40–49.
4. *Bekhterev V.M.* (1921). Collective Reflexology. Petrograd: Kolos. P. 82–98.
5. *Blondel J.* (2024). Conceptual Assessment of the Influence of Political Leaders // Psychology of Political Leadership and Elites. Reader / compiled by E.B. Shestopal, I.S. Palitai. Moscow University Press. P. 66.
6. *Gaman-Golutvina O.V.* (2012). Metaphysical Dimensions of Transformations of Russian Elites // Political Conceptology. № 3. P. 38–53.
7. *Guyo J.-M.* (1900). Art from a Sociological Point of View / Translated by D.A.M. St. Petersburg.
8. *Zaichenko M.A.* (2014). On the Problem of the Presence of the Recursive Principle in the Humanities // Karelian Scientific Journal. № 1. P. 16–21.
9. *Ilyin I.A.* (2001). On the Education of the National Elite. Moscow: Life and Thought.
10. *Karabushchenko P.L., Vartumyan A.A. et al.* (2025). History of Domestic Elitological Thought. M.: INTFRA-M.
11. *Moren E.* (2019). On Complexity / Institute for General Humanitarian Research. M.: IOI.
12. *Nemchinova E. Yu.* (2011). Social Essence of Leaders and Elites, the Process of Their Interaction and Role in the Development of Society: Abstract of Cand. Philosophical Sciences Dissertation: 09.00.11 Moscow.
13. *Palitai I.S.* (2022). Russian Political Elite: Current State and Dynamics of Key Indicators (Based on Research in 2011–2021) // Polis. Political Research. № 4. P. 148–160. DOI: 10.17976/jpps/2022.04.12
14. *Palitai I.S., Zorin V.A.* (2023). Russian political elite and leaders in the context of variability of political development scenarios: political and psychological analysis // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. № 75. P. 267–278.
15. *Pankov A.V.* (2024). Civilization-elitist approach: current change in research optics // Public and municipal administration. Scientific notes. P. 209–216.
16. *Pokatov D.V.* (2005).The problem of the political elite in the works of P.A. Sorokin // Bulletin of the Saratov University. Vol. 5. Series Sociology. Political Science. Issue 1/2. P. 41–47.
17. *Polyakov A.* (2011). On the methodology of studying the political elite // Power. № 2. P. 110–113.

18. *Rakityansky N.M.* (2011). Personality of a Politician: Theory and Methodology of Psychological Portraiture. Moscow: Moscow University Publishing House.
19. *Rakityansky N.M.* (2020). Mental Studies of Global Political Worlds. Moscow University Publishing House.
20. *Rakityansky N.M.* (2022). Formation of Political Psychology: An Overview of the Main Stages // Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Sciences. № 6. P. 98–125.
21. *Rakityansky N.M.* (2012). Theoretical Aspects of Political-Psychological Analysis of Modern Political Leadership // Modern Social Psychology: Theoretical Approaches and Applied Research. № 1. P. 54–63.
22. *Rakityansky N.M., Tsaritsyna P.M.* (2023). Political mentalization of the French ruling elites: a political and psychological essay // Bulletin of Moscow University. Series 12. Political sciences. Vol. 1. № 4. P. 81–128.
23. *Rudoy V.V., Ponedelkov A.V.* (2010). Personalistic dimensions of the political elite, leadership in expert assessments // Naukovedenie. № 2. URL: https://naukovedenie.ru/sbornik1/3–4.pdf
24. *Strelets I.E.* (2014). The influence of personal characteristics of political leaders on the performance of the role of the President of Russia: author's abstract. diss. … candidate of political sciences: 19.00.12. Moscow. P. 143.
25. *Tsaritsyna P.M.* (2023a). Political studies of elites in France // Questions of political science. T. 13. № 10–2 (98–2). P. 5577–5583.
26. *Tsaritsyna P.M.* (2023b). Dynamics of the Subjectivity of French Political Elites // Voprosy politologii. T. 13. № 12 (100). P. 6791–6798.
27. *Shvets A.V.* (2006). Basic Personality in Russia: A Social and Philosophical Study: Abstract of a Cand. Sci. (Philos.): 09.00.11 / Shvets A.V. Rostov n/D. P. 9–19.
28. *Shestopal E.B.* (2011). Psychological Approach to the Analysis of Russian Political Elites // Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Sciences. № 6. P. 75.
29. *Shestopal E.B., Palitai I.S., Rakityansky N.M., Selezneva A.V., Smulkina N.V.* (2024). Thirty years of political and psychological research at Moscow University: results and prospects // Bulletin of Moscow University. Series 12. Political sciences. № 6. P. 95–116.
30. *Anceau É.* (2021). Cinquante ans de recherche sur les élites politiques françaises de l'époque contemporaine // Pour une histoire politique de la France méditerranéenne, édité par Jean-Paul Pellegrinetti. Presses universitaires de Rennes. P. 27–37. URL: https://doi.org/10.4000/139df.
31. *Genieys W.* (2006). Nouveaux regards sur les élites du politique // Revue française de science politique. Vol. 56(1). P. 121–147.
32. *Kissinger H.* Leadership: Six Studies in World Strategy. London: Penguin Press, 2022.
33. *Leferme-Falguières F., Van Renterghem V.* (2000). Le concept d'élites. Approches historiographiques et méthodologiques // Hypothèses. № 1. P. 55–67.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ ЗАЛОЖНИКОВ С НАЛИЧИЕМ СТОКГОЛЬМСКОГО СИНДРОМА И ДЕПРЕССИВНЫХ ПАЦИЕНТОВ

© Степанов И.Л.
доктор медицинских наук, руководитель отделения расстройств аффективного спектра,
ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, Москва, Россия
stigl2006@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-8308-9236

В статье рассмотрены результаты сравнительного анализа психологической защиты заложников с наличием стокгольмского синдрома, пациентов с различными типами депрессивного расстройства и контрольной группы здоровых людей. Основное внимание обращено на проблему парадоксального формирования позитивного эмоционально отношения некоторых жертв к захватчикам на фоне преобладания у них негативных эмоций в ситуации угрозы для жизни. По результатам собственных исследований депрессивных пациентов в соответствующих условиях автор показывает возможность непроизвольного сохранения и актуализации локального позитивного эмоционально-поведенческого комплекса у пациентов при неглубоких ситуационных депрессиях. Анализ компенсаторных возможностей аффективной сферы некоторых депрессивных пациентов позволяют глубже понять механизмы формирования психологической защиты у жертв террористического акта.

Ключевые слова: стокгольмский синдром, депрессивное расстройство, психологическая защита

Введение

Представление о стокгольмском синдроме сформировалось в научном дискурсе по мере драматического повторения данного феномена в истории террористических актов в различных странах и при сходных обстоятельствах. История стокгольмского синдрома начинается с 23 августа 1973 года, когда Ян-Эрик Олссон в одиночку захватил отделение банка Kreditbanken в центре Стокгольма и в течение шести суток удерживал в заложниках четырех сотрудников учреждения. При расследовании инцидента заложники отказались сотрудничать с правоохранительными органами в роли обвинителей и даже способствовали смягчению обвинения в суде своим захватчикам.

В 1974 году в террористы из Симбионистской армии освобождения (*Symbionese Liberation Army, SLA*) похитили 19-летнюю Патрисию Херст, внучку миллиардера и газетного магната Уильяма Рэндольфа Херста. Два месяца девушка провела в плену, где ее подвергали насилию, били и морили голодом. Поведение заложницы в дальнейшем казалось противоестественным, так как за сутки до запланированного освобождения Патрисия Херст отказалась вернуться в семью и сообщила о своем присоединении к группировке SLA. Она участвовала в налетах и ограблениях. После ареста у Патрисии Херст было выявлено посттравматическое расстройство психики, вызванное страхом за свою жизнь.

В 1991 году одиннадцатилетняя Джейси Ли Дугард была похищена рецидивистом насильником Филиппом Гарридо. Она прожила в его семье 18 лет, родила ему детей, никогда не искала помощи у соседей, а после освобождения не выдвигала никаких обвинений своему похитителю и пыталась даже отрицать вину с его стороны.

В Перу 7 декабря 1996 года более 500 человек были захвачены Перуанскими экстремистами и пребывали в плену около четырех месяцев. Некоторых в последствии выпустили, при этом часть освобожденных отзывались о захватчиках с симпатией, предводителя террористов характеризовали как порядочного и образованного человека.

Столь парадоксальное отношение и поведение заложников к захватчикам при прямой угрозе своей жизни с их стороны не могло не привлечь внимание психологов и криминалистов. Данное психическое состояние обозначилось в литературе как стокгольмский синдром или синдром за-

Сравнительный анализ психологической защиты заложников с наличием стокгольмского синдрома и депрессивных пациентов // Ученые записки Института психологииРоссийской академии наук. 2025. Т.5. №2(15). С. 32-40.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_05

ложника по первому эпизоду 1973 года. Автором названия был шведский психолог и криминалист Нильс Бейерут (Nils Bejerot).

Во время захвата заложников в «Норд-Ост» на Дубровке в 2002 году у ряда заложников также отмечались признаки стокгольмского синдрома, причем за достаточно короткий промежуток времени контакта с террористами (Ляхов, 2002). Аналогичное стокгольмскому синдрому поведение некоторых пострадавших отмечалось на суде над террористами после теракта в Беслане в 2004 году (Куликов, 2005).

В отношении распространенности стокгольмского синдрома среди заложников в ситуации насильственного удержания с угрозой для жизни существует общепринятое мнение о редкости этого явления. «Согласно Системе ФБР по захвату заложников (HOBAS) в национальной базе данных, содержащей сведения о более чем 1200 зарегистрированных инцидентах с захватом заложников на федеральном и местном уровнях, 92% жертв таких инцидентов, как сообщается, не продемонстрировали никаких признаков стокгольмского синдрома» (Fuselier, 1999).

Анализ более чем 4700 случаев захвата заложников с баррикадированием, проведенный специалистами ФБР, показал, что «…у 27% жертв в той или иной степени проявляется стокгольмский синдром. В то же время многие полицейские практики считают, что на самом деле этот синдром проявляется намного реже и встречается, как правило, в ситуациях, когда заложники и преступники были ранее незнакомы» (De Fabrique et al., 2007).

Психологические характеристики стокгольмского синдрома

Стокгольмским синдромом в психологии называют симпатию, возникающую между жертвой и агрессором. В контексте нашего анализа мы сосредоточимся на особенностях развития синдрома у жертвы. Обычно дается объяснение, что позитивное восприятие агрессора является результатом травматического опыта и бессознательной защитной реакции психики. В ситуации угрозы жизни жертвы почему-то начинают сочувствовать абьюзерам и оправдывать их.

Вариант синдрома встречается в обыденной жизни в виде формирования позитивного отношения к насильнику, к начальнику в ситуации харассмента, к абьюзеру в семье. Такой вариант синдрома отличается от традиционного понимания сохраняющейся возможностью избежать смертельной угрозы, меньшей зависимостью от агрессора и свидетельствует о развитии подобного состояния даже в менее тяжелых обстоятельствах (так называемый корпоративный стокгольмский синдром).

Считается, что механизм возникновения стокгольмского синдрома прямо связан с инстинктом самосохранения и выживанием жертвы через послушание агрессору. При этом подобный формально адаптивный механизм не позволяет жертве действовать в направлении принятия помощи со стороны, применить тактику независимого от агрессора поиска реального выхода из ситуации и в итоге добиться освобождения.

Исследователи стокгольмского синдрома в целом сходятся во мнениях об условиях его развития. В бюллетене ФБР сообщается, что: «Во-первых, необходимо, чтобы прошло значительное время. Во-вторых, заложники и захватчики должны поддерживать контакт, то есть заложники не должны быть изолированы в помещении. В-третьих, захватчик должен обращаться с заложниками по-доброму или, по крайней мере, не применять к ним физическое насилие или словесные угрозы» (Fuselier, 1999).

Более развернуто условия развития синдрома представлены в работе Натали де Фабрик: «Во-первых, заложник не может сбежать, и его жизнь зависит от захватчика. Во-вторых, заложник изолирован от других людей и видит ситуацию только с точки зрения захватчика. В-третьих, захватчик угрожает убить заложника, и заложник воспринимает угрозу всерьез. В-четвертых, заложник считает захватчика добрым до тех пор, пока тот не будет жестоко обращаться с ним… Феномен стокгольмского синдрома требует понимания процесса, который приводит к его развитию. Самое важное, что это состояние не является результатом сознательного решения или рационального выбора подружиться с похитителем. С психологической точки зрения, «я», описанное Зигмундом Фрейдом как «ядро личности», отвечает за обеспечение людей механизмами защиты — способами, позволяющими им защищаться, дистанцироваться от неприятных мыслей, чувств и желаний и оставаться в сознательном неведении о них, а также помогает отдельным людям избегать обид и дезорганизации» (De Fabrique et al., 2007).

В психоаналитической литературе есть несколько объяснений этому механизму: а) в ситуации пролонгации насилия жертва теряет себя как личность, видит в агрессоре своего властителя, который способен восстановить прежний статус жертвы и становится в этой надежде союзником агрессора; б) в ситуации угрозы жизни жертва теряет себя как личность и становится на место

Comparative analysis of psychological defense of hostages with stockholm syndrome and depressive patients. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 32-40.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_05

агрессора и идентифицирует себя с ним, совладая таким образом с трудноперенос имой ситуацией; в) при угрозе жизни отсрочка смерти вызывает чувство благодарности к агрессору.

В специальной литературе нет указаний на то, что стокгольмский синдром является психическим заболеванием и обычно оценивается с точки зрения копинг-механизмов, позволяющих совладать с трудной ситуацией, сохранить адаптированный уровень реагирования с последующей сохранностью психического состояния. На наш взгляд более правильным было бы использование понятия «психологической защиты» как бессознательного и непроизвольного механизма, что больше соответствует описанию синдрома.

Парадокс в состоянии заложников при стокгольмском синдроме заключается не только в проявлении позитивной эмоции к агрессору, но и в последствиях этого отношения как психологического «саморазоружения» перед агрессором, а именно в проигрыше в стратегии достижения освобождения при ложном восприятии реальной обстановки.

В специальном исследовании по разработке психометрической методики — Шкалы Стокгольмского Синдрома, — состоящей из 119 пунктов, были выявлены три сильных фактора. «Три подшкалы, созданные на основе этих факторов и включающие 49 пунктов, продемонстрировали отличную внутреннюю согласованность и хорошую надежность при повторном тестировании. Таким образом, существовала высокая корреляция между любовной зависимостью (связью между насильником и жертвой), основным стокгольмским синдромом (искажениями, на которых строилась эта связь) и психологическим ущербом» (Graham et al., 1995).

В результате наблюдений по частоте проявления стокгольмского синдрома возникают вопросы: 1) Почему в сходных условиях, при отсутствии отягчающего психического состояния у заложников нет общей закономерности в формировании синдрома? 2) Чем отличаются носители синдрома от остальных?

Механизмы развития синдрома представлены в литературе в основном психоаналитическими концепциями, механизмом переноса, неосознаваемыми защитными механизмами, спонтанными реакциями, которые предполагают индивидуальное проявление позитивного восприятия опасного образа насильника, но чем эта индивидуальная особенность с точки зрения эмоционального компонента детерминирована — не объясняется, и механизм оценивается как самодостаточный и неосознаваемый в своем проявлении.

При этом остается не вполне ясным сам феномен развития устойчивого позитивного отношения к захватчику в контексте общей стрессовой ситуации с угрозой для жизни (при интенсивных отрицательных эмоциях страха, гнева, уныния). Объяснить это патологическим механизмом «расщепления психики», шизоидии (в смысле несоответствия, не конгруэнтности эмоции и когнитивного содержания) также невозможно, т. к. данный синдром не относится к клинически значимым психическим нарушениям и не влечет в дальнейшем соответствующих возникшему «расщеплению» расстройств (Куликов, 2005).

С точки зрения психопатологического анализа соотношения эмоционального фона и его наполнения семантическим контентом в психиатрии существует устоявшееся объяснение их взаимосвязи. В клинике аффективной патологии общепризнано конгруэнтное соответствие депрессивного аффекта и депрессивных идей виновности, малоценности, заниженной самооценки, негативного восприятия окружающего, пессимизма (т. е. негативного когнитивного контента), маниакального аффекта и идей величия, могущества, завышения самооценки и неадекватно позитивного эмоционального восприятия окружающего (позитивного когнитивного контента) (Куликов, 2005; Ляхов, 2002).

Можно предположить, что позитивное отношение к захватчику — это вариант сознательной симуляции заложником положительного чувства (собственно копинг-механизм). Но тогда необъяснимо устойчивое сохранение этого чувства в безопасной ситуации освобождения (когда уже нет необходимости в его демонстрации). На сегодняшний день нам не встретились понятные общепринятые представления о механизмах развития позитивной эмоциональности с соответствующим когнитивным контентом в ситуации угрозы для жизни и на фоне переполненности переживаний негативными эмоциями (страх, тревога, гнев, и т. п.). Изложенные далее собственные исследования развития компенсаторных возможностей у депрессивных пациентов могут дополнить представления о формировании стокгольмского синдрома и объяснить редкость его формирования у жертв.

Метод

Цель исследования состояла в изучении дефицитарности положительных эмоций у больных депрессией. Было обследовано 120 человек, 90 человек пациенты с депрессивными состояниями различного генеза и 30 человек контрольная группа (КГ) условно здоровых. Депрессивные

Сравнительный анализ психологической защиты заложников с наличием стокгольмского синдрома и депрессивных пациентов // Ученые записки Института психологииРоссийской академии наук. 2025. Т.5. №2(15). С. 32-40.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_05

пациенты распределены в 3 группы согласно основным диагностическим категориям: 30 человек с эндогенными (спонтанными) расстройствами аффективного спектра (АР), 30 человек с психогенными ситуационными депрессиями (ПД), 30 человек с постпсихотической депрессией в рамках шизофрении (ШД).

Применялись методы: клинико-психопатологический; сравнение по аналогии; психометрический — шкала депрессии Бека (вариант 13 пунктов); структурированное интервью по оценке ангедонических нарушений; структурированное интервью по оценке общего психического состояния; структурированное интервью социально-психического функционирования; статистические методы обработки (Степанов, 2004а).

Средний возраст в группе пациентов с АР 37,9 лет, в группе ПД 31,9 лет, в группе ШД 35,9 лет, в КГ 29 лет и достоверно между собой не различались. По семейному положению группы АД, ПД и ШД не различались, в группе КГ преобладали семейные. В группе АР преобладали мужчины по сравнению с КГ, ПД И ШД. Длительность депрессии не менее 2 месяцев.

Исследовалась дефицитарность восприятия положительных эмоций — ангедония, которая является одним из двух основных признаков депрессивного состояния (второй признак — гипотимия, собственно пониженное настроение различной модальности), в совокупности с другими симптомами депрессивного синдрома, которые являются следствием основных и проявляются по выраженности не в строгой пропорции. Это в основном нарушение концентрации внимания, идеи малоценности, вины, нарушения сна, аппетита, снижение энергичности (критерии Международной классификации болезней МКБ-10, МКБ-11, раздел психиатрия).

Результаты исследования и их анализ

В рамках проведенного исследования в совокупности с основным массивом данных было установлено, что при неглубоких депрессиях в данных группах ангедонические нарушения в различных сферах эмоционального спектра восприятия позитивных стимулов могут проявляться частично (парциально), тогда как при тяжелых депрессивных состояниях ангедония проявляется тотально по всем сферам восприятия (Степанов, 2004 а, б, в). Собственно, ангедония в психиатрической литературе определяется как а) снижение или утрата способности переживать положительные эмоции; б) снижение или утрата способности достигать их (Chapman et al., 1976).

У некоторых пациентов в контрольной группе с субдепрессией или легкой депрессией (по шкале Бека, 13 пунктов) отмечалась повышенная по сравнению с прежней до депрессии актуализация (потребность) восприятия положительных эмоций в виде оживления прежних увлечений, пищевых предпочтений, профессиональной творческой активности, сексуальных отношений (в исследовании исключалось употребление психоактивных веществ). Данные проявления потребности восприятия позитивных эмоций (гедонического восприятия, в дальнейшем ГВ) носили индивидуальный характер в зависимости от предшествующего опыта, личностных возможностей и характеризовались пассивным созерцанием приятного контента.

В таблице 1 представлены частота встречаемости актуализации пассивного гедонического восприятия (ГВ) и тяжесть депрессии в баллах по шкале депрессии Бека.

Таблица 1. Частота встречаемости актуализации гедонического восприятия ГВ и тяжесть депрессии

Симптомы	АР n=30	ПД n=30	ШД n=30	КГ n=30
Частота проявления гедонического восприятия	16,7% 5 чел.	43,3% 13 чел.	20% 6 чел.	33,3% 10 чел.
Шкала депрессии Бека 13 пунктов	19,9 балл	15,5 балл	18,7 балл	6,7 балл

Среди обследованных в среднем наименьшая тяжесть депрессивного состояния отмечена в группе ситуационных депрессий (ПД) как легкая-умеренная; более выражена в группе эндогенных аффективных расстройств (АР) и депрессий при шизофрении (ШД) как переходящих в ранг нижней границы тяжелых. В контрольной группе преобладали в 67% субдепрессивные состояния с незначительной выраженностью гипотимии.

Важно отметить, что проявления ГВ характерны для всех исследованных групп с различной природой депрессивных состояний и среди условной нормы в контрольной группе. Это может свидетельствовать об общих закономерностях прояв-

Comparative analysis of psychological defense of hostages with stockholm syndrome and depressive patients. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 32-40.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_05

ления данной особенности некоторых пациентов при различных нарушениях эмоциональной сферы по гипотимному варианту. Подобные особенности депрессивных пациентов также нашли отражение в недавних исследованиях (Головина, Степанов, 2023; Степанов, Козлов, 2022).

Актуализация ГВ в ряде случаев приобретала степень поведенческой активности в достижении переживания позитивных эмоций в сферах социального функционирования: профессиональной, бытовых обязанностей, опрятности-внешнего вида, межличностных обязанностей, неформального общения, увлечений-хобби, сексуальной сферы и определялась как актуализация гедонической активности. Например, при тягостной обстановке в семье актуализировалась потребность в любимой работе, чрезмерному влечению к еде, в уходе за внешностью, погружение в хобби, искусство и тому подобное. Пациенты таким образом непроизвольно компенсировали баланс сужения прежнего спектра и объема позитивных эмоций за счет сохранных личностных возможностей достигать и переживать их в некоторых привлекательных сферах. Это позволяло им в ситуации неглубокой депрессии избежать генерализации депрессивного состояния, развития тотальной ангедонии, безрадостности, глубокого нарушения социального функционирования.

Подобные особенности наглядно показывали различия между пациентами с сохранным уровнем адаптации и более тяжелыми больными. Способность некоторых пациентов к актуализации ГВ и ГА оценивалась нами как адаптивная компенсаторная особенность психики к поддержанию приемлемого для функционирования привычного баланса эмоций (сохранению личностно привычного «гомеостаза» психического состояния) в стрессирующих условиях жизни. Данная особенность формировалась как в субдепрессивном, так и в более выраженном ранге депрессивного состояния (но не характерна для глубокого уровня депрессии с тотальной ангедонией), имела нелинейный характер зависимости своего проявления от глубины депрессивного состояния; и могла сохраняться неопределенно продолжительное время.

Как показали исследования, необходимым условием для актуализации ГВ и особенно ГА является наличие актуальной психотравмы при легкой или умеренной выраженности депрессивных симптомов. Особенностью состояния пациентов с психогенными (ситуационными) депрессиями являлась их эмоциональная напряженность, сменяющаяся по ситуации аффектами тревоги, страха, гнева и т.п., психомоторной активацией, облегчающей реализацию ГА. В группе аффективных расстройств и постпсихотических депрессий преобладали в среднем симптомы психомоторной заторможенности на фоне тоскливо-тревожного, тоскливо-апатического аффектов с меньшей склонностью к реализации ГА в привлекательных сферах функционирования.

В обыденной жизни данные проявления в меньшем масштабе также характерны в отношении доминирующей эмоции и ее контента. Здесь важно отметить наличие общей закономерности формирования соответствия эмоции и контента как в аффективной патологии, так и в норме. Исключением являются более сложные и «расщепленные» синдромы в клинике шизофрении, которые, однако, как показывает наше исследование, не являются даже для этого расстройства характерными.

Степень актуализации (возможности реализации в поведении) данной особенности как проявление ГА (гедонической поведенческой активности) оказалась характерной только в группе психогенных (ситуационных) депрессий (тревожно-гневливый спектр эмоций) и касалась некоторых сфер социального функционирования всего у 50% пациентов: наибольшее распространение характерно для неформального общения (9 чел.), опрятности-внешнего вида (5 чел.), межличностных обязанностей (3 чел.), бытовых обязанностей (1 чел.), увлечений–хобби (1 чел.), и не затрагивало профессиональной сферы (0) и сексуальной (0). У некоторых пациентов проявления ГА отмечались одновременно в нескольких сферах функционирования. В более поздних работах предпочтения при ГВ и ГА относились также к сексуальной сфере (Краснов, 2011; Степанов, Козлов, 2022).

Сферы неформального общения и опрятности внешнего вида статистически образуют характерный кластер позитивно значимых отношений с позиционированием себя по отношению к кому-либо из окружения, непротиворечиво поддерживаемый активностью в сферах межличностных отношений и бытовых обязанностей. Проявления активности в сфере неформального общения в группе ПД у 9 пациентов составляют 30%, в сфере ухода за внешним видом у 5 пациентов составили 16,6%. В обыденной жизни данная модель поведения описывалась бы как разочарование и неудовлетворенность в текущих обстоятельствах (психотравма с отрицательным когнитивным контентом и гипотимией) и потребностью формирования нового позитивно привлекательного стиля поведения и отношений путем актуализации гедонической активности.

Сравнительный анализ психологической защиты заложников с наличием стокгольмского синдрома и депрессивных пациентов // Ученые записки Института психологииРоссийской академии наук. 2025. Т.5. №2(15). С. 32-40.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_05

На основании представленного анализа депрессивных пациентов и описательных характеристик стокгольмского синдрома можно провести определенные сравнительные параллели (таблица 2).

Таблица 2. Сопоставление психологических характеристик жертв с наличием стокгольмского синдрома и депрессивных пациентов

Характеристики состояния	Жертвы с наличием стокгольмского синдрома	Пациенты в состоянии неглубокой депрессии
Ситуация эмоционального напряжения гипотимного спектра	да	да
Определенное время для осознания ситуации	да	да
Сохраняется когнитивная и физическая активность	да	да
Формирование позитивной эмоции в контексте психотравмы	да	да
Содержание переживаний как позитивные и личностно привлекательные	да	да
Эмоционально-когнитивная сфера вне психотического «расщепления»	да	да
Распространенность в группе	8% – 27%	В зависимости от сфер ГА 50% – 30% – 16%
Адаптивный механизм	да	да
Принципиальные противоречия по характеристикам и условиям развития состояния	нет	нет

В результате проведенного исследования были рассмотрены и проанализированы некоторые непринципиальные отличия психологических характеристик членов обследованных групп: а) у заложников полная зависимость от ситуации; у пациентов нет такой полноты зависимости; б) у заложников направленность позитивного отношения прямо ассоциируется с террористом; у пациентов спонтанное проявление индивидуально обусловленной ГВ и ГА фиксировано на различных объектах или сферах; в) наличие позитивной эмоции восприятия захватчика у заложников способствует сохранности психического состояния в стрессовой ситуации, но не способствует формированию мотивации к освобождению; у пациентов актуализация ГВ и ГА имеет более однозначный позитивный адаптирующий эффект с возможностью изменить ситуацию.

Прямое обследование заложников в ситуации захвата или в предшествующий период представляется по понятным причинам невыполнимой задачей для изучения особенностей их психологической защиты и компенсаторных возможностей эмоциональной сферы. В связи с этим для сравнительного анализа нами был применен метод аналогий с исследованием контингента пациентов с различными депрессивными состояниями.

Исследованию способствовал ряд предшествующих обстоятельств, связанных с первоначальным изучением компенсаторных механизмов депрессивных пациентов, дальнейшим поиском их места в психопатологической картине депрессивных состояний. Выбор метода определялся также значительным сходством по главным характеристикам объектов сравнения. При сопоставлении обе группы имеют сходство по обстоятельствам развития состояния, по качеству эмоциональной реакции на травмирующую ситуацию. Состояния характеризуются способностью в ряде случаев к актуализации личностного позитивного компонента восприятия в контексте общей негативно окрашенной эмоциональной ситуации.

Comparative analysis of psychological defense of hostages with stockholm syndrome and depressive patients. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 32-40.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_05

Данная особенность проявляется в форме определенной позитивно окрашенной активности в сфере личностной привлекательности. Состояние психики в обеих группах пограничного регистра без признаков когнитивных и психотических нарушений, характеризуется «условно адаптивным» поведением при стокгольмском синдроме и «безусловно позитивным адаптивным» поведением при депрессиях различного генеза.

Заключение

Распространенность стокгольмского синдрома у заложников и проявления гедонической активности у пациентов с неглубокой ситуационной депрессией сопоставимы по частоте проявления, учитывая варианты индивидуальных особенностей, обстоятельств их проявления и серьезность психотравмы.

Случай Патрисии Херст с последующим развитием посттравматического стрессового расстройства требует отдельного анализа как по причине отставленного по времени эффекта проявления травматизации, так и при неопределенности предшествующих этому обстоятельств ее террористической активности и соответствующего эмоционального состояния. Необходимо уточнение, о каких причинно-следственных отношениях идет в этом случае речь, и насколько такой исход характерен для переживших стокгольмский синдром.

Можно надеяться, что дальнейшие исследования в данном направлении в рамках психолого-психопатологического анализа механизмов формирования стокгольмского синдрома будут способствовать более полному представлению об этом феномене. Перспективным, на наш взгляд, может быть исследование этнокультурной специфики проявлений данного синдрома в различных регионах и культурах с позиций этнофункциональной методологии в психологии и психиатрии (Сухарев, 2022).

Выводы

1. Феномены актуализации гедонического восприятия или активности являются эмоциональной основой бессознательного формирования позитивного отношения к объекту восприятия.
2. Сравнительный анализ показал сходство основных характеристик формирования синдромов у заложников и у пациентов с неглубокой ситуационной депрессией. На основании этого можно предполагать у них общие механизмы формирования психологической защиты.
3. Проявление феномена позитивного отношения к объекту восприятия в структуре неглубоких депрессивных состояний различной природы носит компенсаторный антидепрессивный характер и в максимальной степени проявляется при ситуационных депрессиях.
4. Актуализация гедонического восприятия или активности не является характерной для всех пациентов в ситуации депрессии, проявляется избирательно в зависимости от их личностных особенностей.
5. Принимая во внимание адаптирующую функцию подобного механизма психологической защиты у пациентов с неглубокой ситуационной депрессией, можно предполагать меньшую травматизацию психики у заложников во время ситуации захвата и более благоприятный прогноз психического состояния в отдаленном периоде после освобождения.

Литература:

1. *Головина Е.П., Степанов И.Л.* Оценка степени редукции депрессивного аффекта на госпитальном этапе на фоне проводимой стандартизированной психофармакотерапии // XVI Всероссийская школа молодых психиатров. Сборник тезисов. Суздаль, 2023. С. 212–215.
2. *Краснов В.Н.* Расстройства аффективного спектра. М.: Практическая медицина, 2011.
3. *Куликов В.* Пострадавших в Беслане охватил «стокгольмский синдром» // Российская Газета. 2005. URL: https://rg.ru/2005/06/16/kulaev.html) (дата обращения: 12.02.2025)
4. *Ляхов П.* Спецназ спас заложников от любви к Бараеву // Утро.ру. 2002. URL: https://utro.ru/articles/2002/12/02/114276.shtml?ysclid=m8ra0y6s5g997128695 (дата обращения: 12.02.2025)
5. *Снедков Е.В., Лемешев И.В.* Аффективные расстройства: учебно-методическое пособие. СПб.: Изд-во СЗГМУ им. И.И. Мечникова, 2017.
6. *Степанов И.Л.* Ангедония как диагностический, прогностический и дезадаптирующий фактор при различных типах депрессий (феноменология, динамика, принципы терапии): дисс. …док. мед. наук. Москва, 2004 а.
7. *Степанов И.Л.* Прогностическое значение особенностей ангедонии в клинической картине и социально-психическом функционировании больных депрессиями. // Социальная и клиническая психиатрия. 2004 б. Т. 14. № 4. С. 27–31.

8. *Степанов И.Л.* Диагностика и структурные особенности ангедонических нарушений больных депрессиями // Социальная и клиническая психиатрия. 2004 в. Т. 14. № 1. С. 44–51.
9. *Степанов И.Л., Козлов Б.Е.* Личностные и психопатологические характеристики пациентов с аффективными расстройствами как предикторы затяжного течения депрессивного эпизода // Социальная и клиническая психиатрия. 2022. Т. 32. № 3. С. 19–26.
10. *Сухарев А.В.* Концепция этнофункционального синтеза хаоса и космоса: философские основания и перспективы применения в психологии // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2022. Т. 2. № 4. С. 15–28.
11. *Chapman L., Chapman J., Raulin M.* Scales for Physical and Social Anhedonia // Journal of Abnormal Psychology. 1976. Vol. 85(4). P. 374–382.
12. *De Fabrique N.D., Romano S.J., Vecchi G.M., Van Hasselt V.B.* Understanding Stockholm Syndrome // Journal FBI Law Enforcement Bulletin. 2007. Vol. 76(7). P. 10–15.
13. *Fuselier G.D.* Placing the Stockholm Syndrome in Perspective // The FBI Law Enforcement Bulletin. 1999. P. 22–25. URL: https://www.thefreelibrary.com/Placing+the+Stockholm+Syndrome+in+perspective.-a055343321 (дата обращения 12.02.2025)
14. *Graham D.L.R., Rawlings E.I., Ihms K., Latimer D., Foliano J., Thompson A., Suttman K., Farrington M., Hacker R.* Scale for Identifying «Stockholm Syndrome» Reactions in Young, Dating Women: Factor Structure, Reliability, and Validity // Journal Violence and Victims. 1995. Vol. 10(1). P. 3–22.

COMPARATIVE ANALYSIS OF PSYCHOLOGICAL DEFENSE OF HOSTAGES WITH STOCKHOLM SYNDROME AND DEPRESSIVE PATIENTS

© Igor L. Stepanov
Medicine Doctor, Head of the Department of Affective Spectrum Disorders, V.P. Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology,
Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia
stigl2006@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-8308-9236

The article examines the results of a comparative analysis of the psychological protection of hostages with Stockholm syndrome, patients with various types of depressive disorder, and a control group of healthy people. The main attention is paid to the problem of the paradoxical formation of a positive emotional attitude of some victims towards the invaders against the background of their predominance of negative emotions in a life-threatening situation. Based on the results of his own studies of depressed patients in appropriate conditions, the author shows the possibility of involuntary preservation and actualization of a local positive emotional and behavioral complex in patients with shallow situational depressions. An analysis of the compensatory capabilities of the affective sphere of some depressed patients allows us to better understand the mechanisms of formation of psychological protection among victims of a terrorist act.

Keywords: Stockholm syndrome, depression, psychological protection.

REFERENCES

1. *Golovina E.P., Stepanov I.L.* (2023). Assessment of the degree of reduction of depressive affect at the hospital stage against the background of standardized psychopharmacotherapy // XVI All-Russian School of Young Psychiatrists. Collection of abstracts. Suzdal. P. 212–215.
2. *Krasnov V.N.* (2011). Affective spectrum disorders. Moscow: Practical Medicine.
3. *Kulikov V.* (2005). The victims of Beslan were affected by the "Stockholm syndrome" // Rossiyskaya Gazeta. URL: https://rg.ru/2005/06/16/kulaev.html) (date of access: 12.02.2025)
4. *Lyakhov P.* (2002). Spetsnaz saved hostages from love for Barayev // Utro.ru. URL: https://utro.ru/articles/2002/12/02/114276.shtml?ysclid=m8ra0y6s5g997128695 (date of access: 12.02.2025)
5. *Snedkov E.V., Lemeshev I.V.* (2017). Affective disorders: a teaching aid. St. Petersburg: Publishing house of the North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov.

Comparative analysis of psychological defense of hostages with stockholm syndrome and depressive patients. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 32-40.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_05

6. *Stepanov I.L.* (2004 a). Anhedonia as a diagnostic, prognostic and maladaptive factor in various types of depression (phenomenology, dynamics, principles of therapy): diss. … doc. med. sciences. Moscow.
7. *Stepanov I.L.* (2004 b). Prognostic value of anhedonia features in the clinical picture and social-psychological functioning of patients with depression. // Social and Clinical Psychiatry. Vol. 14(4). P. 27–31.
8. *Stepanov I.L.* (2004 c). Diagnostics and structural features of anhedonic disorders in patients with depression // Social and Clinical Psychiatry. Vol. 14(1). P. 44–51.
9. *Stepanov I.L., Kozlov B.E.* (2022). Personality and psychopathological characteristics of patients with affective disorders as predictors of a protracted course of a depressive episode // Social and Clinical Psychiatry. Vol. 32(3). P. 19–26.
10. *Sukharev A.V.* (2022). The concept of ethnofunctional synthesis of chaos and cosmos: philosophical foundations and prospects for application in psychology // Scientific notes of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Vol. 2(4). P. 15–28.
11. *Chapman L., Chapman J., Raulin M.* (1976). Scales for Physical and Social Anhedonia // Journal of Abnormal Psychology. Vol. 85(4). P. 374–382.
12. *De Fabrique N.D., Romano S.J., Vecchi G.M., Van Hasselt V.B.* (2007). Understanding Stockholm Syndrome // Journal FBI Law Enforcement Bulletin. Vol. 76(7). P. 10–15.
13. *Fuselier G.D.* (1999). Placing the Stockholm Syndrome in Perspective // The FBI Law Enforcement Bulletin. P. 22–25. URL: https://www.thefreelibrary.com/Placing+the+Stockholm+Syndrome+in+perspective.-a055343321 (дата обращения 12.02.2025)
14. *Graham D.L.R., Rawlings E.I., Ihms K., Latimer D., Foliano J., Thompson A., Suttman K., Farrington M., Hacker R.* (1995). Scale for Identifying «Stockholm Syndrome» Reactions in Young, Dating Women: Factor Structure, Reliability, and Validity // Journal Violence and Victims. Vol. 10(1). P. 3–22.

Кузнецова Е.А.
Психологическая ригидность как фактор тяжести переживания психотравматической ситуации // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №2(15). С. 41-50.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_06

Kuznetsova E.A.
Psychological rigidity as a factor of severity of experiencing a traumatic situation. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 41-50.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_06

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РИГИДНОСТЬ КАК ФАКТОР ТЯЖЕСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ПСИХОТРАВМАТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

© Кузнецова Е.А.
кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
kuznetsova@spbu.ru, ORCID: 0000–0003–3694–0734

В статье рассматриваются понятия психологической гибкости и ригидности как ключевые конструкты теоретической базы Терапии Принятия и Ответственности (ACT), относящейся к третьей волне когнитивно-поведенческой терапии. На основе зарубежных исследований показана связь психологической гибкости с меньшей выраженностью симптомов тревоги, депрессии и посттравматических расстройств, а ригидности — с развитием психологического дистресса и неадаптивного поведения. В двух эмпирических исследованиях, проведённых на российских выборках, выявлена направленная связь между уровнем психологической ригидности и тяжестью травматических переживаний как в реальных (N=56), так и в потенциально травмирующих (N=161) ситуациях. Установлено, что наибольший вклад в тяжесть переживаний вносят такие компоненты психологической ригидности, как отстраненность от происходящего в настоящем, избегание нежелательных внутренних переживаний и слияние с тревожными мыслями. Показано, что психологическая гибкость при этом не играет существенной роли в проявлении тяжести переживания психотравмирующей ситуации.

Ключевые слова: психотравмирующая ситуация, психологическая гибкость, психологическая ригидность, терапия принятия и ответственности, партнерское насилие, потенциально травмирующая ситуация

Понятия психологической гибкости и ригидности

Психологическая гибкость и психологическая ригидность являются одними из центральных понятий теоретической базы Терапии Принятия и Ответственности (*Acceptance and Commitment Therapy, ACT*). Данный психотерапевтический подход относится к третьей волне когнитивно-поведенческой терапии и объединяет различные поведенческие теории, обращая особое внимание на взаимодействие личности с историческим и ситуативным контекстом. В качестве основных механизмов изменений предлагаются практики осознанности, техники принятия переживаний и ориентированность на ценности (Hayes et al., 2011).

В соответствии с рассматриваемым подходом, под психологической гибкостью мы понимаем способность осознанно быть в контакте с текущим моментом и выстраивать свое поведение с учетом контекста и в соответствии с выбранными ценностями. В рамках разрабатываемой эмпирической модели выделяются шесть базовых процессов, определяющих психологическую гибкость:

– способность быть открытым любому внутреннему опыту (чаще всего упоминается как «принятие», «открытость эмоциональному опыту»);
– способность наблюдать за мыслями, не фиксируясь на них и не вовлекаясь в них (чаще всего упоминается как «когнитивное разделение»);
– способность установить контакт с внешним и внутренним миром, управлять своим вниманием в соответствии с требованиями ситуации (чаще всего упоминается как «контакт с настоящим»);
– гибкое восприятие образа Я и способность выбирать различные точки зрения для самоописания (чаще всего упоминается как «наблюдающее Я»);
– понимание своей системы ценностей и ориентированность на нее (чаще всего упоминается как «контакт с ценностями»);
– способность управлять своими действиями в соответствии с выбранными ценностями (чаще всего упоминается как «ценностно-направленные действия» и «проактивность»).

Многие зарубежные авторы подчеркивают связь психологической гибкости с меньшей выраженностью симптомов психологического не-

Психологическая ригидность как фактор тяжести переживания психотравматической ситуации // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №2(15). С. 41-50.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_06

благополучия, в том числе — симптомов тревоги и депрессии (Kashdan, Rottenberg, 2010), посттравматических расстройств (Thompson, et al., 2011), а использование программ и приложений, повышающих психологическую гибкость, снижает тяжесть этих симптомов тревоги и депрессии (Levin et al., 2017). Часто авторы определяют психологическую гибкость как универсальный фактор психологического благополучия личности, а подход, основанный на повышении психологической гибкости, называют трансдиагностическим, подчеркивая универсальность механизма вне зависимости от проявлений беспокоящего состояния.

Психологическая ригидность представляет собой функциональную противоположность психологической гибкости и рассматривается в современной психологии как один из ключевых факторов, способствующих формированию неадаптивного поведения и развитию психологического дистресса. Обычно под психологической ригидностью понимают устойчивость и негибкость психологических реакций, а также тенденцию к избыточному контролю над внутренними переживаниями, что сопровождается снижением активности, направленной на реализацию личностных ценностей. Психологическая ригидность также отражает взаимодействие шести психических процессов:

– избегание нежелательных внутренних переживаний (чаще всего упоминается как «избегание эмоционального опыта»);
– вера в буквальное содержание мыслей, излишняя фиксация на мыслях, неспособность изменить поведение в ответ на требования настоящего момента (чаще всего упоминается как «когнитивное слияние», «слияние с мыслями»);
– отвлекаемость, отстраненность от происходящего, утрата контакта со своими мыслями и чувствами (чаще всего упоминается как «отстраненность», «ригидное внимание»);
– ригидное самоописание, неспособность отойти от привычного образа Я (чаще всего упоминается как «слияние с образом Я»);
– недостаток понимания, контакта с собственной системой ценностей, ориентация на социально желательные ценности (чаще всего упоминается как «отход от ценностей»);
– поведенческие паттерны, уводящие от осознанной жизни, основанной на системе ценностей (чаще всего упоминается как «бездействие», «упорное избегание»).

Таким образом, психологическая ригидность является моделью, которая отражает тенденцию человека к избеганию трудных переживаний и следованию за психологическими реакциями вместо ценностно-ориентированных действий. В многочисленных зарубежных исследованиях показана связь психологической гибкости/ригидности с большим спектром как психических расстройств, так и повседневных трудностей (Bond et al., 2011; Doorley et al., 2020). В том числе авторы указывают на взаимосвязь тяжести травматических переживаний и психологической ригидности (Walser, Hayes, 2006; Kashdan, Rottenberg, 2010; Thompson et al., 2011).

Как правило, говоря о психологической ригидности, авторы рассматривают ее как причину высокой выраженности психологического и психического неблагополучия. В то же время психологическая гибкость чаще рассматривается как способ снизить неблагоприятные симптомы, нежели как фактор, влияющий на их выраженность. Кроме того, постепенно меняется представление о взаимосвязи психологической гибкости и психологической ригидности, что находит отражение в диагностических инструментах. Изначально психологическая гибкость и психологическая ригидность представлялись понятиями, находящимися на разных полюсах одной шкалы (Hayes et al, 2006; Bond et al., 2011). Однако в настоящее время все чаще рассматривается идея о том, что это два разных, хоть и взаимосвязанных между собой процесса, которые могут варьироваться независимо друг от друга (Rolffs et al., 2016). Кроме того, показано, что все 12 субпроцессов (шесть — составляющие психологическую гибкость и шесть — составляющие психологическую ригидность) также могут изменяться независимо друг от друга (Rolffs et al., 2016).

Однако, несмотря на высокую популярность описываемой модели за рубежом, в России таких исследований практически не проводилось.

Взаимосвязь процессов гибкости, ригидности и тяжести переживаний в травматической и потенциально травмирующей ситуации

Исследование проводилось в два этапа. Целью первого исследования, проведённого Е.М. Аноцкой под нашим руководством, являлось выявление взаимосвязи между уровнем психологической ригидности и тяжестью травматических

Psychological rigidity as a factor of severity of experiencing a traumatic situation. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 41-50.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_06

переживаний у женщин, подвергшихся партнерскому насилию. В исследовании был использован ряд методов.

Методы

– Опросник травматического стресса (*ОТС*) (Котенев, 1997);

– Опросник оценки психологической гибкости (*AAQ-II*) (Hayes et al., 2011, в адаптации Ясина, 2022; Ясин, Колпачников, 2022). Данный опросник рассматривает психологическую гибкость и психологическую ригидность как два симметрично противоположных понятия: чем выше показатель психологической ригидности, тем ниже показатель психологической гибкости, и наоборот. При этом стоит отметить краткость опросника и то, что он оценивает только общий показатель психологической гибкости и, соответственно, обратный ему показатель — показатель психологической ригидности;

– Многомерный опросник психологической гибкости (Rollfs et al., 2016). Авторами выполнен двойной слепой перевод на русский язык, однако на момент исследования методика не валидизирована для русскоязычной выборки. Полученные результаты анализировались количественным и качественным путем. Необходимо также отметить, что в данной методике психологическая ригидность и психологическая гибкость рассматриваются как два самостоятельных, хоть и взаимосвязанных процесса. Кроме того, данный опросник позволяет оценить выраженность каждого из компонентов психологической гибкости и психологической ригидности, позволяя отнестись к данным процессам более дифференцировано;

– Полуструктурированное клинико-психологическое интервью, направленное на уточнение характера тяжести травматических переживаний и качественное исследование проявлений психологической гибкости и ригидности.

В исследование были включены 56 женщин в возрасте от 20 до 46 лет, имеющих опыт пережитого партнерского насилия. Средний балл по шкале признаков посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) по методике ОТС в общей выборке составил 70,7±12,72, что соответствует клинически выраженным симптомам ПТС.

Взаимосвязь психологической ригидности/гибкости и тяжести травматических переживаний у женщин в ситуации партнерского насилия анализировалась с применением коэффициента корреляции Тау-Кендалла.

Результаты и их анализ

Результаты исследования показывают, что тяжесть травматических переживаний прямо связана с выраженностью психологической ригидности и обратно связана с выраженностью психологической гибкости, результаты представлены в таблице 1. При этом уже на данном этапе обращает внимание более выраженная связь между психологической ригидностью и тяжестью травматических переживаний.

Таблица 1. Показатели взаимосвязи между тяжестью травматических переживаний и выраженностью психологической гибкости / ригидности

	Психологическая гибкость		Психологическая ригидность	
Использованная методика	(AAQ-II)	(MPFI)	(AAQ-II)	(MPFI)
Тяжесть травматических переживаний	-0,602**	-0,395**	0,602**	0,502**

** p<0,001

Также была зафиксирована связь компонентов психологической ригидности и тяжести травматических переживаний у женщин в ситуации партнерского насилия (таблица 2). При этом наиболее выраженная взаимосвязь наблюдалась с отстраненностью от настоящего и утратой связи с текущим моментом, доминированием обеспокоенности прошлым и/или страхом перед будущим, недостаточным контактом с собственной системой ценностей.

Психологическая ригидность как фактор тяжести переживания психотравматической ситуации // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №2(15). С. 41-50.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_06

Таблица 2. Взаимосвязь компонентов психологической ригидности и тяжести травматических переживаний

	Т-Кендалла	**Расшифровка**
Тяжесть травматических переживаний	0,462**	Отстраненность от происходящего, утрата контакта со своими мыслями и чувствами в настоящем
	0,404**	Недостаток понимания, контакта с собственной системой ценностей
	0,365**	Вера в буквальное содержание мыслей и излишняя фиксация на них
	0,363**	Поведенческие паттерны, уводящие от осознанной жизни, основанной на системе ценностей
	0,289**	Ригидное самоописание, неспособность отойти от привычного образа Я
	0,227*	Избегание нежелательных переживаний

* p<0,05; ** p<0,001

При помощи пошагового регрессионного анализа было зафиксировано влияние психологической ригидности на тяжесть травматических переживаний у женщин в ситуации партнерского насилия. Модель включила в себя три переменных: общий показатель психологической ригидности, отстраненность от происходящего и утрата контакта со своими мыслями и чувствами в настоящем, а также стремление к избеганию нежелательных переживаний (таблица 3). Модель объяснила 71,9% дисперсии.

Таблица 3. Влияние психологической ригидности на тяжесть травматических переживаний у женщин в ситуации партнерского насилия

Модель	**Нестанд. коэфф.**		**Станд. коэф.**	**t**	**Значим.**
	B	Станд. ошибка	Бета		
Константа	29,26	3,79		7,71	0,000
Психологическая ригидность (общая)	0,94	0,13	0,61	7,46	0,000
Отстраненность, утрата контакта с настоящим	3,36	0,92	0,30	3,67	0,001
Избегание переживаний	2,08	0,81	0,19	2,56	0,013

Взаимосвязь психологической ригидности с особенностями переживаний в потенциально травмирующей ситуации

На втором этапе в исследовании 2022 года, проведенном А.Э. Полетаевой под нашим руководством, был выполнен анализ взаимосвязи уровня психологической ригидности и выраженности переживаний в условиях начала специальной военной операции (СВО).

Методы

– Шкала оценки влияния травматического события (*ШОВТС, IES-R*) (Horowitz et al. 1979, в адаптации Тарабриной, 2001), модифицированная для целей настоящего исследования;

– Опросник оценки психологической гибкости (*AAQ-II*) (Hayes et al., 2011, в адаптации Ясина, 2022), чьи особенности и ограничения были описаны выше;

– Многомерный опросник психологической гибкости (Rollfs et al., 2016). На момент исследования авторами был выполнен двойной слепой перевод на русский язык, однако методика не была валидизирована для русскоязычной выборки, результаты анализировались количественным и качественным путем. Особенности и ограничения данной методики также были описаны выше;

– Авторская анкета и полуструктурированное клинико-психологическое интервью, направленное на уточнение характера тяжести переживаний

Psychological rigidity as a factor of severity of experiencing a traumatic situation. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 41-50.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_06

и качественное исследование проявлений психологической гибкости и ригидности.

Выборка включала 161 респондента в возрасте от 18 до 50 лет (средний возраст 26,6±10,49). Были установлены критерии включения в выборку: граждане Российской Федерации, проживающие на территории страны на момент начала СВО, не принимавшие участия в боевых действиях, не имеющие родственников-военнослужащих, а также не страдающие расстройствами шизофренического спектра и не находившиеся на стационарном лечении по поводу психических заболеваний. После первичной обработки данных были исключены респонденты, чьи переживания не были связаны с военным конфликтом на Украине, а также те, чьи ответы вызывали сомнения в достоверности.

Результаты и их анализ

Анализ ответов респондентов показал неоднородность их переживаний по поводу начала СВО. В результате проведенного контент-анализа были выделены четыре типа эмоционального реагирования на ситуацию начала СВО:

1) респонденты с выраженным состраданием к жертвам (27% выборки);

2) респонденты с выраженным страхом угрозы собственной жизни (56% выборки);

3) респонденты с выраженным беспокойством за жизнь близких (9% выборки);

4) респонденты, не испытывающие острых негативных переживаний по поводу начала СВО (8% выборки).

Сравнительный анализ признаков ПТС с использованием критерия Краскала–Уоллиса выявил статистически значимые различия между группами по шкалам вторжения (к=23,756, p<0,01), избегания (к=7,912, p<0,05) и возбудимости (к=25,341, p<0,01) измеренными с использованием методики ШОВТС. Ожидаемо, не продемонстрировали признаков ПТС респонденты, не предъявлявшие выраженных переживаний по поводу актуальных событий. Напротив, респонденты, демонстрировавшие выраженный страх угрозы своей жизни или жизни близких, демонстрировали наиболее выраженные признаки избегания, возбудимости, вторжения. В таблице 4 приведены значения шкал ШОВТС для всех четырех групп.

Таблица 4. Сравнительный анализ тяжести переживаний у лиц с разным типом эмоционального реагирования на потенциально травмирующую ситуацию

	Типы эмоционального реагирования на начало СВО			
	Выраженное сострадание жертвам	Выраженный страх угрозы своей жизни	Выраженное беспокойство за жизнь близких	Не предъявляли переживаний
	27%	56%	9%	8%
Признаки вторжения	14±7	15±8	18±8	4±5
	Различия по критерию Краскала–Уоллиса (к=23,76; p<0,01)			
Признаки избегания	17±9	20±8	18±8	12±9
	Различия по критерию Краскала–Уоллиса (к=7,91; p<0,05)			
Признаки возбудимости	16±8	16±8	22±8	5±6
	Различия по критерию Краскала–Уоллиса (к=25,34; p<0,01)			

Был проведен анализ взаимосвязи тяжести переживаний потенциально травмирующей ситуации и психологической ригидности. Анализ проводился с использованием критерия корреляции Пирсона и выявил наличие значимых связей между тяжестью переживаний и показателем психологической ригидности по всем рассматриваемым шкалам ШОВТС. В то же время он не выявил взаимосвязи с показателем психологической гибкости, что может указывать на различную причину взаимосвязей этих процессов с переживанием ситуации. Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 5.

Психологическая ригидность как фактор тяжести переживания психотравматической ситуации // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №2(15). С. 41-50.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_06

Таблица 5. Показатели взаимосвязи между тяжестью переживания потенциально травмирующей ситуации и выраженностью психологической гибкости / ригидности

Шкалы ШОВТС	«Вторжение»	«Избегание»	«Возбудимость»
Психологическая ригидность	0,387**	0,408**	0,521**
Психологическая гибкость	—	-0,179*	—

* p<0,05; ** p<0,001

Наконец, при помощи пошагового регрессионного анализа исследовалось влияние психологической ригидности на тяжесть переживаний в потенциально травмирующей ситуации. Построенная модель включила в себя всего две переменных: общий показатель психологической ригидности и вера в буквальное содержание мыслей, излишняя фиксация на них (таблица 6). Для потенциально травмирующей ситуации модель была не столь успешной и объяснила 54,2% дисперсии.

Таблица 6. Влияние психологической ригидности на тяжесть переживаний в потенциально травмирующей ситуации

Модель	**Нестанд. коэфф.**		**Станд. коэф.**	**t**	**Значим.**
	B	Станд. ошибка	Бета		
Константа	53,37	3,43		15,55	0,000
Психологическая ригидность (общая)	0,66	0,14	0,44	4,56	0,000
Вера в буквальное содержание мыслей и излишняя фиксация на них	4,06	0,14	0,28	2,94	0,000

Психологическая ригидность как модератор тяжести травматических переживаний

В представленных исследованиях была выявлена направленная связь между уровнем психологической ригидности и выраженностью травматических переживаний в условиях как реальной, так и потенциально травмирующей ситуации. Показано умеренное влияние психологической ригидности на тяжесть травматических переживаний, что подтверждает результаты других исследователей (Bond et al., 2011; Kashdan, Rottenberg, 2010; Bonanno et al., 2010; Schramm et al., 2020; Kachadourian et al., 2021).

При этом выявлены различия в структуре компонентов психологической ригидности, оказывающих влияние на проявления и тяжесть переживаний в психотравмирующей и потенциально травмирующей ситуации. Так, для переживания установленной психотравмирующей ситуации влияние оказывают отстраненность от происходящего и утрата контакта со своими мыслями и чувствами в настоящем, а также стремление к избеганию нежелательных переживаний. Этот результат описывает характер взаимоотношений со случившимся опытом: пережившие травмирующую ситуацию женщины демонстрировали избегание разной формы, и чем выше были компоненты психологической ригидности, тем более выражено было это избегание. Результат согласуется с данными зарубежных коллег, где часто подчеркивается роль процессов избегания в усилении тяжести проявлений последствий психотравмирующего опыта (Bardeen et al., 2013; Meyer et al., 2015).

При анализе переживаний потенциально травмирующей ситуации необходимо отметить в целом более сдержанное влияние психологической ригидности. При этом из всех ее компонентов влияние оказывает только один: вера в буквальное содержание мыслей и излишняя фиксация на них. У респондентов, находящихся в потенциально травмирующей ситуации, тяжесть переживаний также была выше при наличии тенденции к полному слиянию с тревожными мыслями, их гиперрефлексии и недостаточной способности переключаться на иные аспекты жизни. Исследований, посвященных потенциально травмирующим ситуациям, значительно меньше, однако в целом они также повторяют полученный результат (Hayes et al., 2011).

Psychological rigidity as a factor of severity of experiencing a traumatic situation. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 41-50.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_06

Следует подчеркнуть, что к схожим выводам пришли авторы зарубежных исследований, посвящённых эффективности психотерапии посттравматического стрессового расстройства с использованием терапии принятия и ответственности (Acceptance and Commitment Therapy, ACT) (Fiorillo et al., 2017; Hayes et al., 2006), а также mindfulness-ориентированных подходов, где ключевыми элементами выступают развитие контакта с настоящим моментом и формирование навыков осознанности. Эти методы способствуют снижению избегания ситуаций, не представляющих реальной угрозы, расширению поведенческого репертуара и, в итоге, уменьшению влияния болезненных переживаний на качество жизни (Ito et al., 2023; Polusny et al., 2015; Thompson et al., 2011; Kashdan, Rottenberg, 2010).

Отдельного внимания заслуживает умеренное влияние психологической ригидности при фактически отсутствующем влиянии психологической гибкости на тяжесть переживаний психотравмирующей и потенциально травмирующей ситуации. Вероятно, это связано с тем, что психологическая ригидность и психологическая гибкость — действительно взаимосвязанные, но не противоположные процессы, что соответствует современным представлениям (Rolffs et al., 2016; Grégoire et al., 2021). Так, например, в исследовании J.L. Rolffs с коллегами показано, что корреляции между субшкалами гибкости и ригидности действительно были умеренными — от –0,03 до –0,69, при средней корреляции –0,37 (Rolffs et al., 2016). Кроме того, эти же авторы показали, что человек может улучшить отдельное измерение ригидности (например, стать менее склонным к избеганию опыта) без сопутствующего улучшения по соответствующему измерению гибкости, например, без значительного увеличения принятия (Rolffs et al., 2016).

Можно предположить, что психологическая ригидность отражает уязвимость человека перед лицом тяжелой ситуации, является фактором риска и влияет на тяжесть проявлений симптоматики. В то же время психологическая гибкость выступает фактором защиты от тяжелых травматических переживаний и является фактором, описывающим способность к восстановлению. Действительно, показано, что ограничения среды и способность человека вкладывать своё время и энергию в реализацию собственных интересов, ценностей и увлечений делают психологическую гибкость важным предиктором здоровья (Kashdan, Rottenberg, 2010; Gloster et al., 2017). Однако тяжесть симптоматики, в том числе тяжесть психотравмирующих переживаний, определяется не психологической гибкостью, а психологической ригидностью.

Кроме того, можно предположить, что у отдельных людей различные аспекты гибкости и ригидности могут проявляться по-разному в разных сферах жизни, что является предметом дальнейших исследований.

Заключение

Проведённые исследования подтверждают, что психологическая ригидность является значимым фактором, усиливающим тяжесть травматических и потенциально травмирующих переживаний, тогда как психологическая гибкость выступает скорее защитным ресурсом, способствующим адаптации. Показано, что ригидность и гибкость — это взаимосвязанные, но самостоятельные процессы, которые могут по-разному проявляться у разных людей. Наиболее выраженное влияние на тяжесть переживаний оказывают такие компоненты ригидности, как отстранённость от настоящего, избегание переживаний и фиксация на тревожных мыслях. Результаты демонстрируют необходимость дальнейших исследований в данной области, особенно в российском контексте.

Благодарности

Автор выражает признательность Елизавете Михайловне Аноцкой и Александре Эрнестовне Полетаевой за помощь в организации сбора эмпирических данных и участие в обработке результатов исследования.

Литература

1. *Котенев И.О.* Психологическая диагностика постстрессовых состояний у сотрудников органов внутренних дел: методическое пособие для практических психологов. М.: МЦ при ГУК МВД России, 1997.
2. *Тарабрина Н.В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб: Питер, 2001.
3. *Ясин М.И.* Русскоязычная адаптация методик для диагностики принятия и избегания опыта // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 2. С. 113–121.
4. *Ясин М., Колпачников В.* Категория «открытость опыту» в психологическом консультировании и психодиагностике // Психологические исследования. 2022. Т. 15. № 85–86. DOI: 10.54359/ps.v15i85.1230

5. *Bardeen J.R., Fergus T.A., Orcutt H.K.* Experiential avoidance as a moderator of the relationship between anxiety sensitivity and perceived stress // Behaviour Research and Therapy. 2013. Vol. 51(7). P. 416–421.
6. *Bonanno G.A., Brewin C.R., Kaniasty K., La Greca A.M.* Weighing the costs of disaster: Consequences, risks, and resilience in individuals, families, and communities // Psychological Science in the Public Interest. 2010. Vol. 11. № 1. P. 1–49.
7. *Bond F.W., Hayes S.C., Baer R.A., Carpenter K.M., Guenole N., Orcutt H.K., Waltz T., Zettle R.D.* Preliminary psychometric properties of the Acceptance and Action Questionnaire–II: A revised measure of psychological inflexibility and experiential avoidance // Behavior Therapy. 2011. Vol. 42. № 4. P. 676–688.
8. *Doorley J.D., Kashdan T.B., Goodman F.R., McKnight P.E., Russell K., Hayes S.C.* Psychological flexibility: What we know, what we do not know, and what we think we know // Social and Personality Psychology Compass. 2020. Vol. 14. № 12. P. 1–11.
9. *Fiorillo D., McLean C., Pistorello J., Hayes S.C.* Evaluation of a web-based acceptance and commitment therapy program for women with trauma-related problems: A pilot study // Journal of Contextual Behavioral Science. 2017. Vol. 6. № 1. P. 104–113.
10. *Gloster A.T., Meyer A.H., Lieb R.* Psychological flexibility as a malleable public health target: Evidence from a representative sample // Journal of Contextual Behavioral Science. 2017. Vol. 6. № 2. P. 166–171. DOI: 10.1016/j.jcbs.2017.02.003.
11. *Grégoire S., Kotsou I., Gagnon J., Lachance L., Monestès J.-L., Shankland R., Rolffs J.L., Rogge R.D.* Validation of the English and French versions of the Multidimensional Psychological Flexibility Inventory Short Form (MPFI-24) // Journal of Contextual Behavioral Science. 2021. Vol. 20. P. 1–9. DOI: 10.1016/j.jcbs.2021.02.002.
12. *Hayes S.C., Luoma J.B., Bond F.W., Masuda A., Lillis J.* Acceptance and commitment therapy: Model, processes and outcomes // Behaviour Research and Therapy. 2006. Vol. 44. № 1. P. 1–25.
13. *Hayes S.C., Strosahl K.D., Wilson K.G.* Acceptance and Commitment Therapy: The Process and Practice of Mindful Change. New York: Guilford Press, 2011.
14. *Horowitz M., Wilner N., Alvarez W.* Impact of Event Scale: A measure of subjective stress // Psychosomatic Medicine. 1979. Vol. 41(3). P. 209–218.
15. *Ito D., Watanabe A., Osawa K.* Mindful attention awareness and cognitive defusion are indirectly associated with less PTSD-like symptoms via reduced maladaptive posttraumatic cognitions and avoidance coping // Current Psychology. 2023. Vol. 42. P. 1182–1192.
16. *Kachadourian L.K., Lyons R., Davis B.C., Norman S.B., et al.* Trauma-Related Guilt and Posttraumatic Stress Disorder Symptoms in Military Veterans: The Role of Psychological Inflexibility // Journal of Psychiatric Research. 2021. Vol. 137. № 1. P. 1–8. DOI: 10.1016/j.jpsychires.2021.02.022
17. *Kashdan T.B., Rottenberg J.* Psychological flexibility as a fundamental aspect of health // Clinical Psychology Review. 2010. Vol. 30. № 7. P. 865–878.
18. *Levin M.E., Haeger J.A., Pierce B.G., Cruz R.A.* Evaluating an adjunctive mobile app to enhance psychological flexibility in acceptance and commitment therapy // Behavior Modification. 2017. Vol. 41, № 6. P. 846–867.
19. *Meyer E.C., Kimbrel N.A., DeBeer B.B., Gulliver S.B., Morissette S.B.* Acceptance and Action Questionnaire–II scores as a predictor of posttraumatic stress disorder symptoms among war veterans // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2015. Vol. 7. № 4. P. 372–376.
20. *Polusny M.A., Erbes C.R., Thuras P., Moran A., Lamberty G.J., Collins R.C., Rodman J.L., Lim K.O.* Mindfulness-based stress reduction for posttraumatic stress disorder among veterans: a randomized clinical trial // JAMA. 2015. Vol. 314. № 5. P. 456–465.
21. *Rolffs J.L., Rogge R.D., Wilson K.G.* Disentangling Components of Flexibility via the Hexaflex Model: Development and Validation of the Multidimensional Psychological Flexibility Inventory (MPFI) // Assessment. 2016. Vol. 25. № 4. P. 458–482. DOI: 10.1177/1073191116645905
22. *Schramm A.T., Pandya K., Fairchild A., Sharp C., et al.* Decreases in psychological inflexibility predict PTSD symptom improvement in inpatient adolescents // Journal of Contextual Behavioral Science. 2020. Vol. 17. P. 100–107. DOI: 10.1016/j.jcbs.2020.06.007
23. *Thompson R.W., Arnkoff D.B., Glass C.R.* Conceptualizing mindfulness and acceptance as components of psychological resilience to trauma // Trauma, Violence, and Abuse. 2011. Vol. 12. № 4. P. 220–235.
24. *Walser R.D., Hayes S.C.* Acceptance and commitment therapy in the treatment of PTSD: theoretical and applied issues // Cognitive Behavioral Therapies Trauma. New York: Guilford Press, 2006. P. 146–172.

Psychological rigidity as a factor of severity of experiencing a traumatic situation. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 41-50.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_06

PSYCHOLOGICAL RIGIDITY AS A FACTOR OF SEVERITY OF EXPERIENCING A TRAUMATIC SITUATION

© Elena A. Kuznetsova
PhD in Psychology, Associate Professor at the Department of Personality Psychology,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
kuznetsova@spbu.ru, ORCID: 0000–0001–9359–9013

The article examines the concepts of psychological flexibility and inflexibility as key constructs in the theoretical framework of Acceptance and Commitment Therapy (ACT), which belongs to the third wave of cognitive-behavioral therapy. Based on international research, psychological flexibility is shown to be associated with lower levels of anxiety, depression, and posttraumatic symptoms, while inflexibility is linked to the development of psychological distress and maladaptive behavior. Two empirical studies conducted on Russian samples revealed a direct relationship between the level of psychological inflexibility and the severity of traumatic experiences in both actual (N=56) and potentially traumatic (N=161) situations. It was found that the greatest contribution to the severity of experiences is made by such components of psychological inflexibility as detachment from the present, avoidance of unwanted internal experiences, and fusion with anxious thoughts. It was shown that psychological flexibility does not play a significant role in the manifestation of the severity of experiencing a psychotraumatic situation.

Keywords: psychotraumatic situation, psychological flexibility, psychological inflexibility, acceptance and commitment therapy, partner violence, potentially traumatic situation

REFERENCES

1. *Kotenev I.O.* (1997). Psychological diagnostics of post-stress conditions in employees of internal affairs bodies: a methodological manual for practical psychologists. Moscow: MC at the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
2. *Tarabrina N.V.* (2001). Workshop on the psychology of post-traumatic stress. St. Petersburg: Piter.
3. *Yasin M.I.* (2022). Russian-language adaptation of methods for diagnosing acceptance and avoidance of experience // Modern Foreign Psychology. Vol. 11. № 2. P. 113–121.
4. *Yasin M., Kolpachnikov V.* (2022). The category of "openness to experience" in psychological counseling and psychodiagnostics // Psychological research. Vol. 15. № 85–86. DOI: 10.54359/ps.v15i85.1230
5. *Bardeen J.R., Fergus T.A., Orcutt H.K.* (2013). Experiential avoidance as a moderator of the relationship between anxiety sensitivity and perceived stress // Behaviour Research and Therapy. Vol. 51(7). P. 416–421.
6. *Bonanno G.A., Brewin C.R., Kaniasty K., La Greca A.M.* (2010). Weighing the costs of disaster: Consequences, risks, and resilience in individuals, families, and communities // Psychological Science in the Public Interest. Vol. 11. № 1. P. 1–49.
7. *Bond F.W., Hayes S.C., Baer R.A., Carpenter K.M., Guenole N., Orcutt H.K., Waltz T., Zettle R.D.* (2011). Preliminary psychometric properties of the Acceptance and Action Questionnaire–II: A revised measure of psychological inflexibility and experiential avoidance // Behavior Therapy. Vol. 42. № 4. P. 676–688.
8. *Doorley J.D., Kashdan T.B., Goodman F.R., McKnight P.E., Russell K., Hayes S.C.* (2020). Psychological flexibility: What we know, what we do not know, and what we think we know // Social and Personality Psychology Compass. Vol. 14. № 12. P. 1–11.
9. *Fiorillo D., McLean C., Pistorello J., Hayes S.C.* (2017). Evaluation of a web-based acceptance and commitment therapy program for women with trauma-related problems: A pilot study // Journal of Contextual Behavioral Science. Vol. 6. № 1. P. 104–113.
10. *Gloster A.T., Meyer A.H., Lieb R.* (2017). Psychological flexibility as a malleable public health target: Evidence from a representative sample // Journal of Contextual Behavioral Science. Vol. 6. № 2. P. 166–171. DOI: 10.1016/j.jcbs.2017.02.003.
11. *Grégoire S., Kotsou I., Gagnon J., Lachance L., Monestès J.-L., Shankland R., Rolffs J.L., Rogge R.D.* (2021). Validation of the English and French versions of the Multidimensional Psychological Flexibility

Inventory Short Form (MPFI-24) // Journal of Contextual Behavioral Science. Vol. 20. P. 1–9. DOI: 10.1016/j.jcbs.2021.02.002.
12. *Hayes S.C., Luoma J.B., Bond F.W., Masuda A., Lillis J.* (2006). Acceptance and commitment therapy: Model, processes and outcomes // Behaviour Research and Therapy. Vol. 44. № 1. P. 1–25.
13. *Hayes S.C., Strosahl K.D., Wilson K.G.* (2011). Acceptance and Commitment Therapy: The Process and Practice of Mindful Change. New York: Guilford Press.
14. Horowitz M., Wilner N., Alvarez W. (1979). Impact of Event Scale: A measure of subjective stress // Psychosomatic Medicine. Vol. 41(3). P. 209–218.
15. *Ito D., Watanabe A., Osawa K.* (2023). Mindful attention awareness and cognitive defusion are indirectly associated with less PTSD-like symptoms via reduced maladaptive posttraumatic cognitions and avoidance coping // Current Psychology. Vol. 42. P. 1182–1192.
16. *Kachadourian L.K., Lyons R., Davis B.C., Norman S.B., et al.* (2021). Trauma-Related Guilt and Posttraumatic Stress Disorder Symptoms in Military Veterans: The Role of Psychological Inflexibility // Journal of Psychiatric Research. Vol. 137. № 1. P. 1–8. DOI: 10.1016/j.jpsychires.2021.02.022
17. *Kashdan T.B., Rottenberg J.* (2010). Psychological flexibility as a fundamental aspect of health // Clinical Psychology Review. Vol. 30. № 7. P. 865–878.
18. *Levin M.E., Haeger J.A., Pierce B.G., Cruz R.A.* (2017). Evaluating an adjunctive mobile app to enhance psychological flexibility in acceptance and commitment therapy // Behavior Modification. Vol. 41, № 6. P. 846–867.
19. *Meyer E.C., Kimbrel N.A., DeBeer B.B., Gulliver S.B., Morissette S.B.* (2015). Acceptance and Action Questionnaire–II scores as a predictor of posttraumatic stress disorder symptoms among war veterans // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. Vol. 7. № 4. P. 372–376.
20. *Polusny M.A., Erbes C.R., Thuras P., Moran A., Lamberty G.J., Collins R.C., Rodman J.L., Lim K.O.* (2015). Mindfulness-based stress reduction for posttraumatic stress disorder among veterans: a randomized clinical trial // JAMA. Vol. 314. № 5. P. 456–465.
21. *Rolffs J.L., Rogge R.D., Wilson K.G.* (2016). Disentangling Components of Flexibility via the Hexaflex Model: Development and Validation of the Multidimensional Psychological Flexibility Inventory (MPFI) // Assessment. Vol. 25. № 4. P. 458–482. DOI: 10.1177/1073191116645905
22. *Schramm A.T., Pandya K., Fairchild A., Sharp C., et al.* (2020). Decreases in psychological inflexibility predict PTSD symptom improvement in inpatient adolescents // Journal of Contextual Behavioral Science. Vol. 17. P. 100–107. DOI: 10.1016/j.jcbs.2020.06.007
23. *Thompson R.W., Arnkoff D.B., Glass C.R.* (2011). Conceptualizing mindfulness and acceptance as components of psychological resilience to trauma // Trauma, Violence, and Abuse. Vol. 12. № 4. P. 220–235.
24. *Walser R.D., Hayes S.C.* (2006). Acceptance and commitment therapy in the treatment of PTSD: theoretical and applied issues // Cognitive Behavioral Therapies Trauma. New York: Guilford Press. P. 146–172.

Наумчук Н.С.
Феномен репрезентации собственного рождения у взрослых женщин // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №2(15). С. 51-59.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_07

Naumchuk N.S.
The phenomenon of representation of own birth in adult women. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 51-59.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_07

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОБСТВЕННОГО РОЖДЕНИЯ У ВЗРОСЛЫХ ЖЕНЩИН

© Наумчук Н.С.
Преподаватель в НОЧУ ДПО Институт Практической Психологии и Психоанализа,
ассоциированный член Общества психоаналитической психотерапии (ОПП),
Москва, Россия
n.s.naumchuk@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0011-9696

В статье представлено феноменологическое описание репрезентации собственного рождения и результаты исследования по данной теме. Рассматриваются негативная («Дилемма аборта», «Ребенок другого пола»), нейтральная («Приняли нормально») и позитивная («Рады беременности») репрезентации. Исследование направлено на поиск особенностей каждой группы с целью их концептуализации. На примере кейса проанализировано, каким образом взрослые женщины представляют и интерпретируют собственное рождение, а также как тип репрезентации соотносится с детским травматическим опытом. Выявлено, какие следы тот или иной взгляд на собственное рождение оставляет в психике человека. Представлены демографические данные каждой из групп. Делается вывод о том, что каждая группа репрезентации перерабатывает жизненный опыт по-своему.

Ключевые слова: ментальная репрезентация, репрезентация собственного рождения, феноменология, нарушения «Я-организации», стыд, диссоциация

Введение

Понятие феноменологии закрепилось в философии и науке во многом благодаря работам Э. Гуссерля, посвященным необходимости «возвращения к сущности явлений». Философ призывал обратить внимание на способность человеческого сознания к акту созерцания и обращенности человека к предметам, которые существуют в его сознании в виде образов. По мнению М.К. Мамардашвили, феноменология требует описания только изнутри субъекта (Мамардашвили, 2009). Феноменология является одной из тенденций развития психологических теорий, отражая важную особенность современной психологической науки и практики (Улановский, 2007).

В данной статье феноменология или феноменологическое описание применяется для изучения того, как взрослые женщины представляют и интерпретируют собственное рождение, и как это влияет на их психику. Гипотезой исследования выступило предположение, что репрезентация собственного рождения является феноменологически значимой структурой и связана с психологическими характеристиками индивидов и его травматическим опытом.

Репрезентируя, человек использует комбинацию своих эмоциональных, когнитивных, перцептивных, психомоторных возможностей; он интегрирует сенсорный опыт и задействует воображение (Сергиенко и др., 2020; Акопян, Акопов, 2024). Репрезентации — не случайный набор образов и воспоминаний, а определенным образом организованное психическое образование, имеющее смысл в переживании человека. Феноменология приближает нас к пониманию, почему из несчастного детства одни выходят в продуктивную жизнь, а другие — нет.

В исследовании феноменологический подход позволяет описать опыт всех респондентов без потери уникальности каждого случая и, отталкиваясь от частности, подойти к более общим закономерностям.

Феномен репрезентации собственного рождения

Репрезентация собственного рождения может быть представлена в виде континуума от негативного до позитивного полюса. Несмотря на то, что репрезентации имеют динамический характер (Blatt, Lerner, 1983; Ментальная репрезентация…, 1998), то есть способны изменяться, требуется много времени, особые обстоятельства и, главное, продолжительная включенность в предмет репрезентации. Поскольку репрезентация собственного рождения затрагивает ключевой аспект существования человека, а также связана с ролью родителей, что обычно вызывает много аффектов (Наумчук, 2024), любые изменения здесь требуют длительного времени.

Феномен репрезентации собственного рождения у взрослых женщин // Ученые записки Института психологииРоссийской академии наук. 2025. Т.5. №2(15). С. 51-59. DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_07

По мнению ряда авторов (Rappaport, 1967; Боулби, 2003), первичная репрезентация человека формируется уже с его рождения в ходе взаимодействий с ухаживающим за ним взрослым. Все органы младенца направлены на обработку сенсорной и эмоциональной «информации», поступающей от матери. В качестве первой выступают телесные соприкосновения с матерью, включая то, как мать трогает ребенка и каким образом она делает свое тело доступным для его изучения (Бронштейн, 2017). Примером второго случая является, скорее, не прямое эмоциональное воздействие, а способность матери «думать» о ребенке, т.е. представлять себе его самого и его будущую эмоциональную жизнь (Winnicott, 1984; Лебовиси, 2007), тем самым обеспечивая настоящий чувственный контакт. В свою очередь, Р. Шпиц обратил внимание на то, что воспринимать подобные неявные стимулы ребенку помогает довербальная коэнестетическая чувствительность, которая проявляется на уровне эгоцентрической коммуникации (Шторк, 2001).

Помимо вышесказанного, некоторые авторы отмечают, что способность ребенка любить и быть счастливым не зависит напрямую от объема полученной от родителей любви. Некоторые дети, несмотря на доброту и нежность со стороны своих родителей, репрезентируют родительские фигуры как крайне жестокие. Эти искажения нарушают реальные отношения. Причины могут крыться в слабой способности справляться с фрустрацией, то есть даже незначительные недостатки родителей могут казаться такому человеку более серьезными, чем на самом деле (Кляйн, 2007). Человек может переживать репрезентацию собственного рождения под воздействием обиды, ревности, злости и других аффектов (Кернберг, 1998).

В некоторых психологических школах по аналогии с понятием репрезентациии используется понятие психической реальности. В неблагоприятном случае психическая реальность может быть эквивалентна внешней, что подразумевает восприятие собственных мыслей так же серьезно, как реальных внешних событий (Arlow, 1996).

Метод

Цель исследования состояла в том, чтобы получить и проанализировать материалы феноменологического описания репрезентации собственного рождения у взрослых. Выборку исследования составили 166 женщин в возрасте 18–46 лет (M=29,95, Me=30, SD=7,25). Мужчины были исключены, поскольку показывали значимые различия по большинству параметров. Выборка была разделена на четыре группы в соответствии с представлением о собственном рождении. Участникам задавался вопрос «Допускаете ли Вы мысли, что родители/мама не хотели Вашего рождения?».

Предлагались следующие варианты ответа:

– «Я незапланированный ребенок, мама хотела сделать аборт» (группа — «Дилемма аборта», n=32);

– «Мое рождение приняли нормально» (группа — «Приняли нормально», n=53);

– «Родители/мама были рады беременности» (группа — «Рады беременности», n=58);

– «Родители/мама хотели ребенка другого пола» (группа — «Ребенок другого пола», n=23).

Исследование было ограничено изучением взаимоотношений в диаде мать-ребенок. Мы опирались на данные о взаимодействии младенца с ухаживающим взрослым, обычно матерью, а также на исследования, демонстрирующие, что отцы имеют более низкие показатели привязанности к плоду, чем матери (Dayton et al., 2019).

Помимо биографической анкеты и интервью участникам были предложены методики, позволяющие исследовать травматические и психологические характеристики. Международный опросник неблагоприятного детского опыта (НДО/ACE-IQ) позволил оценить факт и частоту такого травматического детского опыта, как эмоциональное и физическое пренебрежение, эмоциональное, физическое и сексуальное насилие (Катан и др., 2019). Международный опросник травмы (MOT/ITQ) выявлял симптомы КПТСР с подшкалами: повторное переживание, избегание, чувство угрозы, эмоциональная дисрегуляция, негативный образ Я, нарушения в отношениях (Падун и др., 2022). Шкала диссоциации (ШД/DES) исследовала склонность к диссоциативным чертам. Методика измерения чувств вины и стыда (TOSCA) измеряла склонность к стыду и эмоциональной отстраненности от неприятных ситуаций (Белик, 2006; Макогон, Ениколопов, 2015).

Ключевым шагом нашего исследования при работе с выборкой был содержательный анализ анкетных опросов и интервью. Мы уточняли, как интервьюируемый пришел к тому или иному ответу с целью сфокусировать респондента на его переживаниях, а не только на жизнеопи-

The phenomenon of representation of own birth in adult women. Proceedings of the Instituteof Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 51-59. DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_07

сании. Данный подход позволил рассмотреть многообразие внутренних мотивов, форм, эмоциональной окраски и образов. Некоторые респонденты были склонны размышлять о своих представлениях, другим это давалось сложнее. Связь объема размышлений и типа репрезентации не прослеживалась.

Результаты и их анализ

Качественный анализ интервью показал, что репрезентация собственного рождения частично базировалась на семейных взаимоотношениях или рассказах родителей, однако в целом формировалась индивидуально. В частности, пример, связанный с опытом неожиданной беременности, позволяет продемонстрировать вариативность внутренней переработки схожего внешнего факта. Несмотря на то, что в опроснике предлагался вариант ответа «Я незапланированный ребенок, мама хотела сделать аборт», из трех респондентов, сообщивших о данном контексте, воспользовался им только один. Это указывает на различия в личной интерпретации даже при наличии сходных обстоятельств.

В первом случае участница представляла свой опыт через призму теплых чувств, ссылаясь на «нежные рассказы мамы о ее беременности», несмотря на ее первый шок. Это способствовало выбору позитивного варианта ответа.

Во втором случае участница, размышляя, частично идентифицировалась с матерью, предположив, что беременность «вряд ли вызвала бурную радость». При этом она отмечала наличие чувства «любви» в раннем детстве, что позволило ей указать на более сдержанное, нейтральное восприятие.

Наконец, третий вариант касался обиды и переживания отсутствия достаточного общения с матерью, с которыми респонденту не удавалось справиться. Участница винила неожиданную беременность и мать. Можно заключить, что участники, вошедшие в группу «Дилемма аборта», трактовали этот вариант исключительно как негативный. Таким образом, само по себе размышление матери об аборте не означало, что респондент воспринимает этот опыт как негативный.

По результатам полученных анкетных данных в выборке психиатрический диагноз хотя бы один раз был когда-либо диагностирован почти половине участников (47,6%), из них коморбидный — у каждой шестой участницы исследования (15,7%). Однако прямая связь психиатрического диагноза с репрезентацией собственного рождения не была выявлена. Чаще фиксировались депрессивные состояния (18,1%), но не расстройства личности. Мы также обратили внимание, что некоторая часть респондентов (15,7%) находится в долгосрочной психотерапии более двух лет, а пятая часть профессионально работает в этой сфере (23,5%).

В исследовании нами был проведен анализ неблагоприятного детского опыта. Это позволило соотнести репрезентации участников с условиями их развития. Также это позволило приблизиться к пониманию того, как каждая группа перерабатывает опыт детского травматизма. Вопросы опросника включали формулировку, приближенную к объективной, например, «Вы видели, как…?».

Для этого все участницы были разделены на две группы по частоте травматического события (Me, высокая и низкая). Разделение обеспечило возможность оценить специфику распределения травм внутри каждой группы. Установлено, что участники группы «Дилемма аборта» преимущественно сталкивались с высокой частотой эмоционального (n=18; 56,3%) и сексуального насилия (n=20; 62,5%). В группе «Приняли нормально» наиболее выдающимся оказался параметр эмоционального насилия; его высокая частота присуща 47,2% респондентов (n=25). В группе «Рады беременности» ни один вид травмы не был окрашен высокой частотой в среднем по выборке. Представители группы «Ребенок другого пола» чаще встречались с эмоциональным насилием (n=16; 69,6%) и физическим пренебрежением (n=13; 56,5%).

Можно заключить, что эмоциональное насилие является наиболее частым видом угнетения в детстве. Также заметно, что чаще о случаях неблагоприятного детского опыта сообщалось в группах негативной репрезентации (рис. 1).

Феномен репрезентации собственного рождения у взрослых женщин // Ученые записки Института психологииРоссийской академии наук. 2025. Т.5. №2(15). С. 51-59. DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_07

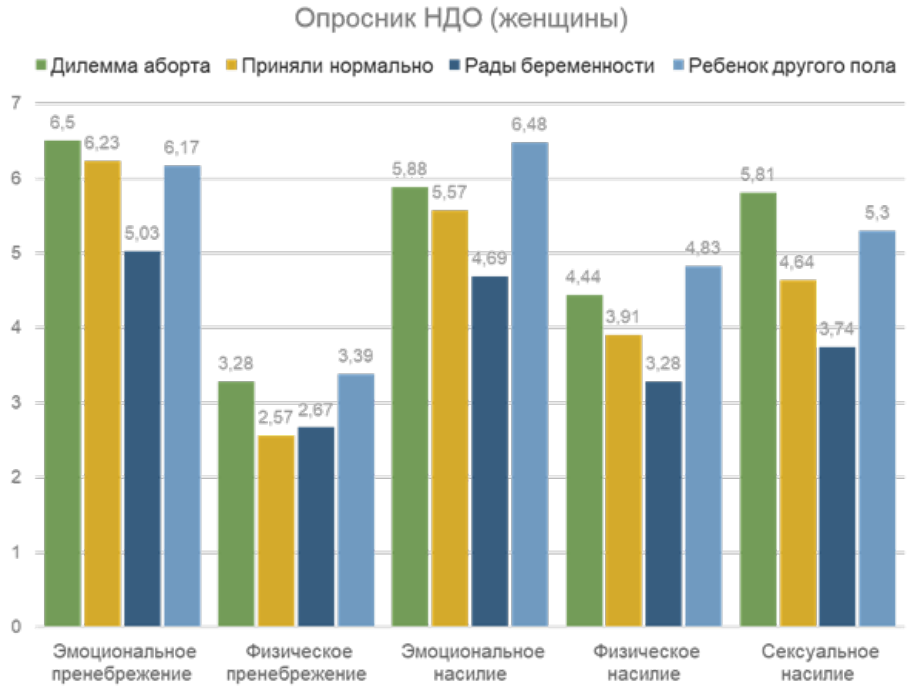


Рис. 1. Сравнительный анализ неблагоприятного детского опыта в группах с различной репрезентацией

По результатам исследования был проведен анализ психологических характеристик респондентов на примере их склонности к диссоциативным состояниям и связи с уровнем стыда участников. Под диссоциацией понималось не ситуативное состояние, а устойчивая черта личности.

Механизм диссоциации имеет большое значение для защиты психики. Однако он может применяться не только для защиты в экстремальных ситуациях. На не патологическом полюсе континуума диссоциация может проявляться в виде мечтательности (Dell, O'Neil, 2009) или, например, хронической рассеянности (Dorahy et al., 2016).

Также был проведен анализ связи детских травм и склонности к диссоциации в каждой группе. Так, в группе «Дилемма аборта» корреляция переменных обнаружена в виде диссоциации с сексуальным ($p<0,01$) и физическим ($p<0,05$) насилием.

В группе «Приняли нормально» выявлена корреляционная связь диссоциации с физическим насилием ($p<0,01$), эмоциональным пренебрежением ($p<0,05$) и сексуальным насилием ($p<0,05$). Данные могут свидетельствовать о том, что участникам с нейтральной репрезентацией тяжелее переживать телесное насилие. Ранее полученные данные о корреляции детского травматизма с признаками эмоциональной дисрегуляции (Наумчук, 2025) позволяют предположить, что участники обследованной нами выборки обладают сниженным уровнем эмоциональности. Это защищает их от эмоционального переживания насилия, но не от физического. В группе «Рады беременности» корреляция диссоциации с детскими травмами не обнаружена.

В группе «Ребенок другого пола» отмечалась корреляция диссоциации с эмоциональным пренебрежением ($p<0,01$) и физическим насилием ($p<0,05$). Эмоциональное насилие связано на уровне тенденции ($p=0,052$). Как видно, участникам данной группы особенно сложно справиться с родительским пренебрежением. Вероятно, они прибегали к фантазированию с целью заменить индифферентное окружение, погружаясь в другие миры.

Отметим, что в общей выборке диссоциативность значительно ($p<0,01$) связана со всеми видами травм, но несколько сильнее с физическим насилием ($r=0,482$) и немногим слабее с физическим пренебрежением ($r=0,221$).

Диссоциативные симптомы также в различных исследованиях ассоциируют со склонностью к стыду (Kealy et al., 2018). Несмотря на то, что литература также определяет стыд как один из основных коррелятов родительского насилия и пренебрежения (Sedighimornani, 2018), мы не обнаружили прямую связь стыда ни с одним из исследуемых параметров детской травматизации. Это затронуло как генеральную выборку, так и каждую из групп репрезентации собственного рождения. Можно предположить, что различия в результа-

The phenomenon of representation of own birth in adult women. Proceedings of the Instituteof Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 51-59. DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_07

тах касаются культурного контекста, поскольку стыд в разных культурах переживается по-разному. Однако отсутствие корреляции между стыдом и неблагоприятным опытом в нашей работе может свидетельствовать и об ином механизме его формирования. Например, некоторые авторы успешно исследовали не внешние факты, а воспоминания об унижении в детстве в связи со склонностью к стыду во взрослой жизни (Gilbert et al., 1996).

В полученных результатах по выборке выявляется высокая корреляция уровня стыда со склонностью к диссоциативным состояниям ($p<0,001$), что совпадает с результатами ряда зарубежных исследований.

В группе «Дилемма аборта» выявлена некоторая связь уровня диссоциативных состояний с уровнем стыда ($p=0,027$). Мы предполагаем, что данная группа имеет ослабленную способность перерабатывать аффекты. Выяснилось также, что в связи с детским опытом участники группы страдали от эмоциональных сложностей в отношениях и чувства угрозы (Наумчук, 2025). Совокупность полученных характеристик демонстрирует стремление к психической защите для облегчения переносимости контакта.

В группе «Приняли нормально» связь диссоциации с уровнем стыда ($p=0,625$) не значима. Как отмечено выше, участники данной группы, возможно, обладают недостаточным уровнем эмоциональности (Наумчук, 2025).

В группе «Рады беременности» связь диссоциации с уровнем стыда умеренно выражена ($p=0,021$). Несмотря на то, что стыдливость в данной группе не связана с детскими травмами, участники предпочитают найти способ не придавать ей особого значения. Это подтверждается данными, полученными при исследовании шкалы «Отстраненность» опросника TOSCA. Данная группа имеет наибольший балл эмоциональной не включенности в неприятную ситуацию. Возможно, участники склонны к идеализации своей жизни и себя и боятся ее потерять.

В группе «Ребенок другого пола» связь диссоциативных состояний с уровнем стыда ($p=0,195$) не обнаружена. Причем наибольшая склонность к стыду присуща именно группе «Ребенок другого пола». Вероятно, у данных участников стыд ассоциирован с фундаментальным, интроецированным ощущением своей ненужности (Lewin, 2020), однако для диссоциативной защиты требуются иные формы взаимодействия, например пренебрежение.

По результатам демографических данных показано, что в зарегистрированном браке состоит треть участников в каждой из групп (от 30,4% в гр. «Ребенок другого пола» до 37,9% в гр. «Рады беременности»). Однако некоторая часть групп не состоит в отношениях. Обнаружено, что в каждой группе имелся тип (типы) детской травматизации, связанный с избеганием участниками партнерских отношений (таблица 1).

Таблица 1. Распределение частоты неблагоприятного события (опросник НДО) среди участников, избегающих любых отношений

Шкалы НДО	**Низкая частота события**				**Высокая частота события**			
	Группы репрезентации							
	ДА	**ПН**	**РБ**	**РДП**	**ДА**	**ПН**	**РБ**	**РДП**
ЭП	5 (83,3%)	8 (53,3%)	12 (85,7%)	5 (50,0%)	1 (16,7%)	7 (46,7%)	2 (14,3%)	5 (50,0%)
ФП	5 (83,3%)	11 (73,3%)	12 (85,7%)	4 (40,0%)	1 (16,7%)	4 (26,7%)	2 (14,3%)	**6 (60,0%)**
ЭН	3 (50,0%)	5 (33,3%)	10 (71,4%)	3 (30,0%)	3 (50,0%)	**10 (66,7%)**	4 (28,6%)	**7 (70,0%)**
ФН	5 (83,3%)	12 (80%)	11 (78,6%)	4 (40,0%)	1 (16,7%)	3 (20%)	3 (21,4%)	**6 (60,0%)**
СН	2 (33,3%)	9 (60,0%)	13 (92,9%)	4 (40,0%)	**4 (66,7%)**	6 (40,0%)	1 (7,1%)	**6 (60,0%)**

Примечание: ДА — гр. «Дилемма аборта», ПН — гр. «Приняли нормально», РБ — гр. «Рады беременности», РДП — гр. «Ребенок другого пола»; ЭП — эмоциональное пренебрежение, ФП — физическое пренебрежение, ЭН — эмоциональное насилие, ФН — физическое насилие, СН — сексуальное насилие.

Выводы

1. Наличие длительной многолетней психотерапии или психиатрического диагноза не связано с типом репрезентации участников.
2. Участники группы «Дилемма аборта» имеют ослабленную способность перерабатывать аффекты, вызванные взаимодействием с другими людьми; рассказы респондентов часто наполнены обидой. Участники применяют механизм психической защиты диссоциацией для облегчения раздражающего контакта.
3. Участники группы «Приняли нормально» обладают эмоциональной дисрегуляцией. Это защищает их от эмоционального насилия, однако от телесного взаимодействия им необходима защита диссоциацией. «Нормальность» группы может маскировать равнодушие, рационализацию, подавленность чувственной жизни.
4. Участники группы «Рады беременности» демонстрируют склонность к избеганию ситуаций, вызывающих чувство стыда. Возможно, участники склонны к идеализации своей жизни и себя и боятся ее потери.
5. Участникам группы «Ребенок другого пола» сложнее справляться с пренебрежением, чем с другими неприятными переживаниями. Они прибегают к фантазированию с целью заменить индифферентное окружение, погружаясь в другие миры.
6. В группах репрезентаций обнаруживаются различные типы детской травматизации, связанные с избеганием необходимости вступать в партнерские (семейные) отношения.

Литература

1. *Акопян Л.С., Акопов Г.В*. Образная, символическая и дискурсивная репрезентация представлений о добре и зле у детей и подростков // Ученые записки Института психологии РАН. 2024. Т. 4. № 3. С. 29–42. DOI: 10.38098/proceedings_2024_04_03_04
2. *Белик И.А*. Чувство вины в связи с особенностями развития личности: Дис. … канд. психол. наук: 19.00.01. СПб., 2006.
3. *Боулби Дж*. Привязанность. / Пер. с англ.: Н. Григорьева, Г. Бурменская. М.: Гардарики, 2003.
4. *Бронштейн К*. Обнаружение бессознательной фантазии на сеансе: распознавание формы // Международный психоаналитический ежегодник. Шестой выпуск. Москва: Новое литературное обозрение. 2017.
5. *Катан Е.А., Карпец В.В., Котлярова С.В., Данильчук В.В., Косенко И.А*. Валидизация русскоязычной версии международного опросника неблагоприятного детского опыта на выборке наркологических больных // Вопросы наркологии. 2019. Т. 1. С. 66–85.
6. *Кернберг О*. Агрессия при расстройствах личности. М.: «Класс», 1998.
7. *Кляйн М*. Развитие одного ребенка // Психоаналитические труды: в VII т. Т.I. Ижевск: ИД «ERGO», 2007.
8. *Лебовиси С*. Фантазийное взаимодействие и трансгенерационная передача. Уроки французского психоанализа: Десять лет французских клинических коллоквиумов по психоанализу. М.: Когито-Центр, 2007. С. 241–255.
9. *Макогон И.К., Ениколопов С.Н*. Апробация методики измерения чувств вины и стыда (TOSCA-3) // Теоретическая и экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 1. С. 6–21.
10. *Мамардашвили М.К*. Классический и неклассический подходы к анализу сознания // Консультативная психология и психотерапия. 2009. Т. 17. № . 2. С. 8–26.
11. Ментальная репрезентация: динамика и структура / Под ред. А.В. Брушлинского, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 1998.
12. *Наумчук Н.С*. Картина травматических событий и психологические характеристики женщин с различной репрезентацией собственного рождения // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12. № 3. URL: https://mir-nauki.com/PDF/61PSMN324.pdf
13. *Наумчук Н.С*. Признаки посттравматического стресса у женщин с различной репрезентацией собственного рождения // Психология посттравматического стресса: методология, теория, практика / Отв. ред. Д.В. Ушаков, А.Л. Журавлев, А.В. Махнач, Н.Е. Харламенкова, Ю.В. Быховец. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2025. С. 266–272.
14. *Падун М.А., Быховец Ю.В., Казымова Н.Н., Ченцова-Даттон Ю.Е*. Русскоязычная версия «международного опросника травмы»: адаптация и валидизация на неклинической выборке // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Т. 30. № 3. С. 42–67.

15. *Сергиенко Е.А., Уланова А.Ю., Лебедева Е.И*. Модель психического. Структура и динамика. М.: Институт психологии РАН, 2020.
16. *Улановский А.М*. Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 130–150.
17. *Шторк Й*. Психическое развитие маленького ребенка с психоаналитической точки зрения // Энциклопедия глубинной психологии. 2001. Т. 2. С. 134–198.
18. *Arlow J.* The concept of psychic reality — how useful? // The International Journal of Psycho-Analysis. 1996. Vol. 77. № 4. P. 659–666.
19. *Blatt S.J., Lerner H.* The psychological assessment of object representation // Journal of Personality Assessment. 1983. Vol. 47. № 1. P. 7–28.
20. *Dayton C.J., Brown S., Goletz J., Hicks L.M., Barron C., Sperlich M., Smith-Darden J.P.* Pathways to Parenting: Predictors of Prenatal bonding in a sample of expectant mothers and fathers exposed to contextual risk // Journal of Child and Family Studies. 2019. Vol. 28(4). P. 1134–1144. DOI: 10.1007/s10826-019-01343-6
21. *Dell P.F., O'Neil J.A. (Eds.).* Dissociation and the dissociative disorders: DSM–V and beyond. New York: Routledge. 2009.
22. *Dorahy M.J., Middleton W., Seager L., Williams M., Chambers R.* Child abuse and neglect in complex dissociative disorder, abuse-related chronic PTSD, and mixed psychiatric samples // Journal of Trauma and Dissociation. 2016. Vol. 17. № 2. P. 223–236.
23. *Gilbert P., Allan S., Goss K.* Parental representations, shame, interpersonal problems, and vulnerability to psychopathology // Clinical Psychology and Psychotherapy. 1996. Vol. 3. P. 23–34.
24. *Kealy D., Rice S.M., Ogrodniczuk J.S., Spidel A.* Childhood trauma and somatic symptoms among psychiatric outpatients: Investigating the role of shame and guilt // Psychiatry Research. 2018. P. 169–174. DOI 10.1016/j.psychres.2018.06.072
25. *Lewin S.* Schizoid shame: the idealization of absence // Contemporary Psychoanalysis. 2020. Vol. 56. № 4. P. 534–561. DOI: 10.1080/00107530.2020.1856677
26. *Rappaport D.* On the psychoanalytic theory of affects. In The Collected Papers of David Rappaport. NY: Basik Books, 1967.
27. *Sedighimornani N.* Shame and its features: understanding of shame // European Journal of Social Sciences Studies. 2018. Vol. 3(3). P. 75–106. DOI:10.5281/zenodo.1453426
28. *Winnicott D.W.* Primary maternal preoccupation. In Through Pediatrics to Psychoanalysis. Collected Papers. London: Karnac, 1984. P. 300–305.

THE PHENOMENON OF REPRESENTATION OF OWN BIRTH IN ADULT WOMEN

© Nadezhda S. Naumchuk
Lecturer, Institute of Practical Psychology and Psychoanalysis, Associated Member of the Society of Psychoanalytic Psychotherapy (SPP), Moscow, Russia
n.s.naumchuk@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0011-9696

This article presents a phenomenological description of the representation of one's own birth and the results of an empirical study on this topic. There are examined negative ("Abortion Dilemma", "Child of the Other Sex"), neutral ("Accepted Normally") and positive ("Happy about the Pregnancy") representations. The study aims to identify and conceptualize the distinctive features of each group. Through a case illustration, it explores how adults imagine and interpret their own birth. It analyzes how representation type relates to adverse childhood experiences and identifies the psychological traces left by each perspective on one's birth. Demographic data for each group are presented. The study concludes that each representation group processes life experience in its own way. The article is accompanied by a theoretical clarification of terms and an empirical discussion.

***Keywords*:** mental representation, representation of one's own birth, phenomenology, disturbances of egoorganization, shame, dissociation

REFERENCES

1. *Akopyan L.S., Akopov G.V.* (2024). Figurative, symbolic and discursive representation of concepts of good and evil in children and adolescents // Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. V.4. № 3. P. 29–42. DOI: 10.38098/proceedings_2024_04_03_04
2. *Belik I.A.* (2006). Guilt in relation to personality development specifics (PhD dissertation). St. Petersburg.
3. *Bowlby J.* (2003). Attachment, Trans. Moscow: Gardariki.
4. *Bronstein C.* (2017). Detection of unconscious fantasy in the session: recognizing the form. International Psychoanalytic Yearbook. Vol. 6. Moscow: New Literary Review.
5. *Katan E.A., Karpets V.V., Kotlyarova S.V., Danilchuk V.V., Kosenko I.A.* (2019). Validation of the Russian version of the Adverse Childhood Experiences questionnaire in a sample of substance use disorder patients // Questions of Narcology. Vol.1. P. 66–85.
6. *Kernberg O.* (1998). Aggression in personality disorders. Moscow: Klass.
7. *Klein M.* (2007). The development of a child. In M. Klein // Psychoanalytic works. In VII Vol. Vol. 1. Izhevsk.
8. *Lebovici S.* (2007). Fantasmatic interaction and transgenerational transmission. In Lessons of French Psychoanalysis: Ten Years of French Clinical Colloquiums on Psychoanalysis. Moscow: Cogito-Center. P. 241–255.
9. *Makogon I.K., Enikolopov S.N.* (2015). Validation of the TOSCA-3 method for assessing guilt and shame // Theoretical and Experimental Psychology. V.8. № 1. P. 6–21.
10. *Mamardashvili M.K.* (2009). Classical and non-classical approaches to the analysis of consciousness // Counseling Psychology and Psychotherapy. V.17. № 2. P. 8–26.
11. Mental representation: Dynamics and structure (1998). Brushlinsky A.V., Sergienko E.A. (Eds.). Moscow: Institute of Psychology, RAS.
12. *Naumchuk N.S.* (2024). The image of traumatic events and psychological characteristics of women with different representations of their own birth // World of Science. Pedagogy and Psychology. V.12. № 3. URL: https://mir-nauki.com/PDF/61PSMN324.pdf
13. *Naumchuk N.S.* (2025). Signs of post-traumatic stress in women with different representations of their own birth // Psychology of Post-Traumatic Stress: Methodology, Theory, Practice. In D.V. Ushakov, A.L. Zhuravlev, A.V. Makhnach, N.E. Kharlamenkova, Yu.V. Bykhovets (Eds.). Moscow: Institute of Psychology RAS. P. 266–272.
14. *Padun M.A., Bykhovets Yu.V., Kazymova N.N., Chentsova-Dutton Yu.E.* (2022). Russian version of the International Trauma Questionnaire: Adaptation and validation on a non-clinical sample // Counseling Psychology and Psychotherapy. V.30. № 3. P. 42–67.
15. *Sergienko E.A., Ulanova A.Yu., Lebedeva E.I.* (2020). A model of the psyche: Structure and dynamics. Moscow: Institute of Psychology RAS.
16. *Ulanovsky A.M.* (2007). The phenomenological method in psychology, psychiatry, and psychotherapy // Methodology and History of Psychology. V.2. № 1. P. 130–150.
17. *Stork J.* (2001). Mental development of a young child from a psychoanalytic point of view // Encyclopedia of Depth Psychology. V. 2. P. 134–198.
18. *Arlow J.* (1996). The concept of psychic reality — how useful? // The International Journal of Psycho-Analysis. Vol. 77. № 4. P. 659–666.
19. *Blatt S.J., Lerner H.* (1983). The psychological assessment of object representation // Journal of Personality Assessment. Vol. 47. № 1. P. 7–28.
20. *Dayton C.J., Brown S., Goletz J., Hicks L.M., Barron C., Sperlich M., Smith-Darden J.P.* (2019). Pathways to Parenting: Predictors of Prenatal bonding in a sample of expectant mothers and fathers exposed to contextual risk // Journal of Child and Family Studies. Vol. 28(4). P. 1134–1144. DOI: 10.1007/s10826-019-01343-6
21. *Dell P.F., O'Neil J.A. (Eds.).* (2009). Dissociation and the dissociative disorders: DSM–V and beyond. New York: Routledge.
22. *Dorahy M.J., Middleton W., Seager L., Williams M., Chambers R.* (2016). Child abuse and neglect in complex dissociative disorder, abuse-related chronic PTSD, and mixed psychiatric samples // Journal of Trauma and Dissociation. Vol. 17. № 2. P. 223–236.
23. *Gilbert P., Allan S., Goss K.* (1996). Parental representations, shame, interpersonal problems, and vulnerability to psychopathology // Clinical Psychology and Psychotherapy. Vol. 3. P. 23–34.

24. *Kealy D., Rice S.M., Ogrodniczuk J.S., Spidel A.* (2018). Childhood trauma and somatic symptoms among psychiatric outpatients: Investigating the role of shame and guilt // Psychiatry Research. P. 169–174. DOI 10.1016/j.psychres.2018.06.072
25. *Lewin S.* (2020). Schizoid shame: the idealization of absence // Contemporary Psychoanalysis. Vol. 56. № 4. P. 534–561. DOI: 10.1080/00107530.2020.1856677
26. *Rappaport D.* (1967). On the psychoanalytic theory of affects. In The Collected Papers of David Rappaport. NY: Basik Books.
27. *Sedighimornani N.* (2018). Shame and its features: understanding of shame // European Journal of Social Sciences Studies. Vol. 3(3). P. 75–106. DOI:10.5281/zenodo.1453426
28. *Winnicott D.W.* (1984). Primary maternal preoccupation. In Through Pediatrics to Psychoanalysis. Collected Papers. London: Karnac. P. 300–305.

Арестова О.Н.
Ранняя диагностика посттравматического стрессового расстройства на основе анализа когнитивных искажений // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №2(15). С. 60-66.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_08

Arestova O.N.
Early diagnostics of post-traumatic stress disorder based on the analysis of cognitive distortions. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 60-66.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_08

РАННЯЯ ДИАГНОСТИКА ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССОВОГО РАССТРОЙСТВА НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЙ

© Арестова О.Н.
Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
arestova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6720-322X

Статья посвящена проблеме диагностики развития ПТСР на ранней (латентной) стадии. Значение такой диагностики определяется необходимостью профилактических психотерапевтических мероприятий, подчеркивается ограниченность для ранней диагностики применения опросных методов. Феноменология ПТСР рассматривается как ситуация смыслового конфликта, которая требует применения специально модифицированных когнитивно-ориентированных методик (пиктограммы, толкование пословиц, исключение четвертого объекта и др.), при выполнении которых по когнитивным искажениям можно судить о наличии и тенденциях развития и возможном разрешении смыслового конфликта на латентных стадиях ПТСР.

Ключевые слова: посттравматическое стрессовой расстройство (ПТСР), ранняя диагностики ПТСР, смысловой конфликт, когнитивные искажения, понятийный актуалгенез, методика пиктограмм

Введение

Опасность и коварство посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) заключается в отсроченном проявлении его основных характеристик. При этом латентная стадия переживания травмирующего события и его проявления в виде яркой симптоматики может составлять достаточно длительное время — шесть и более месяцев (Тарабрина, 2001). На стадии скрытого, латентного течения процессов, связанных с ПТСР, особую симптомы расстройства и задачи их изучения (Александров и др., 2014; Есина, 2011; Shalev et al., 2017). Сложность исследования этой стадии ПТСР заключается во внешне незаметных качественных изменениях. Такие изменения могут человеком не осознаваться или осознаваться не в полной мере, а время их развития оказывается крайне неопределенным (Александров и др., 2014; Падун и др., 2017; Тарабрина, 2001; Bauer et al., 2009; Pitman, 2012; Yehuda, 2002).

Оценка опасности ПТСР на этапе, предшествующем открытому проявлению соответствующей симптоматики, дает возможность профилактического консультативного и/или психотерапевтического вмешательства на ранних стадиях развития расстройства. Для формирования психодиагностического подхода к решению этой проблемы необходимо хотя бы гипотетически представить, что происходит в психике субъекта на данном этапе, когда травмирующее субъекта событие вступает в противоречие с общей картиной мира. Данное состояние лучше всего передается понятием значимого и острого мотивационно-смыслового конфликта (Столин, 1983).

Представление о причинах такого конфликта сформулировано в психоанализе — это несопоставимость достаточно позитивной сознательной картины мира с иррациональными травмирующими событиями (внутренними или внешними). В зависимости от уровня развития совладающей функции субъекта, зрелости его личности, возможны конструктивные выходы из конфликта путем коррекции картины мира при сохранении ее общей позитивности (Быховец, 2016) или невозможность такой коррекции и возникновение соответствующей болезненной симптоматики, например, по сценарию ПТСР (Сергиенко, Тарабрина, 2007).

Аналогично рассуждает и В.В. Столин (Столин, 1983), описывая два типа конфликтных смысловых образований, где первый основан на признании события, а второй — на его отрицании. В первом случае конфликтный смысл указывает на необходимость поиска новых данных и/или решения проблемы собственной смысловой структуры. Составляющие симптоматику ПТСР когнитивные и эмоциональные нарушения (диссоциация, отчуждения от себя самого и окружающего мира, отчуждение о своих эмоций и чувств, логические искажения, снижение аналитичности и критичности мышления, трудности принятия решений) в совокупности вполне соответствуют картине переживания значимого смыслового конфликта.

Ранняя диагностика посттравматического стрессового расстройства на основе анализа когнитивных искажений // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №2(15). С. 60-66.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_08

Когнитивные искажения имеют сложную природу и их конкретно-психологические механизмы остаются мало изученными (Kahneman et al., 2021). По большей части исследователи ссылаются на влияние защитных механизмов личности, которые искажают картину мира в угоду позитивности представлений человека о себе самом (Столин, 1983). Еще более осложняет проблему диагностики развития ПТСР на ранних стадиях процесса тот факт, что аналогичные нарушения могут встречаться и при других видах расстройств и важно определить специфику когнитивных искажений, возникающих именно при стрессовом расстройстве.

Абсолютное большинство методов диагностики психологических компонентов ПТСР — это опросники (Тарабрина, 2001), при этом очевидным является недостаточная эффективность применения самоотчетных методик к неосознаваемым, латентным, неконтролируемым и нерефлексируемым процессам. По мнению В.С. Мерлина, изучение мотивационно-смысловых конфликтов с помощью самоотчетов и субъективных описаний невозможно в принципе (Мерлин, 1986) в силу несоответствия между подлинными причинами конфликта и теми, на которые указывает сам субъект. Подлинные мотивы смыслового конфликта обнаруживаются лишь в том случае, когда данным самоотчета соответствует дальнейшая динамика и исход конфликта.

Автор расценивает смысловой конфликт как состояние длительной дезинтеграции личности, выражающееся в обострении существовавших ранее или в возникновении новых противоречий между различными сторонами, свойствами, отношениями и действиями личности. На наш взгляд, это описание весьма соответствует динамике смысловых процессов по мере развития ПТСР, неотъемлемым компонентом которого является острый или хронический смысловой конфликт. Разрешение конфликта здесь возможно в форме нового отношения к ситуации, породившей конфликт, и возникновения новых мотивов личности. Если этого не происходит, то возникшая в конфликте дезинтеграция личности сохраняется и углубляется, после чего — переходит в личностно-когнитивное расстройство, каковое и представляет собой ПТСР.

Когнитивно-ориентированные методики в диагностике ПТСР

Указанное выше противоречие побуждает нас обратиться к методикам, направленным на анализ недостаточно осознанных уровней презентации конфликтных деструктивных процессов когнитивного и эмоционального плана, которые можно условно назвать полупроективными когнитивно-направленными. Свойством таких методик является диагностическая представленность как когнитивных, так и мотивационно-личностных, смысловых показателей.

В качестве примера можно указать модифицированную методику пиктограмм (Арестова, 2007): модифицированную методику толкования пословиц (Арестова, 2012): методику исключение четвертого с модифицированным анализом результатов (Арестова, Муслимзаде, 2018). Безусловно, данный перечень не является исчерпывающим и включает лишь методики, применимость которых для диагностики смыслового конфликта является подтвержденной в вышеуказанных исследованиях. Методики показали свою эффективность для диагностики конфликтных смысловых и мотивационных образований, характерных для личности с выраженными чертами темной триады (Арестова, Морозова, 2024), агрессивности (Арестова, Савченко, 2010) и проблемной гендерной индентичности (Арестова, Горшкова, 2023).

Проведенные нами исследования показали чувствительность методик к конкретному конфликтному содержанию и позволили не только зафиксировать факт конфликтных переживаний и смысловых противоречий, но и прогнозировать тенденцию к разрешению указанных противоречий (продуктивную и деструктивную). Для задач исследования все методики были модифицированы в виде специального подбора стимулов, адресованных целенаправленно и индивидуально содержательной области, связанной с актуальными для данного субъекта конфликтным смысловым образованиям.

Такие стимулы имеют аффектогенное влияние на когнитивные процессы, мы называем их зондовыми по принципу их диагностичности. Основной смысл модификации методик достаточно очевиден — стимулы, которые содержательно связаны с конфликтными мотивациями, предположительно будут более интенсивно забываться и искажаться. Содержательный подбор стимулов, например, для модификации методики пиктограмм, базировался на известном опроснике для диагностики симптомов ПТСР — Шкала базовых убеждений World Assumption Scale (*WAS*), включающая следующие субшкалы: доброта окружающего мира (*BW*, benevolence of world); доброжелательность людей (*BP*, benevolence of people); справедливость мира (*J*, justice); контролируемость мира

Early diagnostics of post-traumatic stress disorder based on the analysis of cognitive distortions. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 60-66.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_08

(*C*, control); случайность как принцип происходящих событий (*R*, randomness); ценность собственного «Я» (*SW*, self-worth); степень самоконтроля (*SC*, self-control); степень удачи, или везения (*L*, luckiness) (Котенев, 1996).

Метод

В соответствии с указанными шкалами нами предлагался следующий набор зондовых стимулов: Новые перспективы, Будущее, Плохой совет, Справедливость, Строгое наказание, Самостоятельный человек, Страшный случай, Высокая цель, Твердое решение, Трудное задание, Заветная мечта. При составлении стимульного ряда были реализованы следующие принципы: чередование зондовых и нейтральных стимулов для ограничения аффективного развития; обращение к полюсам конфликтной темы (например, верный друг — хитрый человек), умеренная аффектогенность с целью снижения возможного травмирующего воздействия на испытуемого.

Применение указанных принципов является полезным и эффективным при работе с людьми как пережившими травмирующее воздействия незначительной интенсивности, так и при работе с людьми, которые подверглись влиянию весьма значительной экзистенциальной угрозы. Заметим, что далеко не всегда эти принципы соблюдаются в аналогичных исследованиях (Аффект…, 2013).

При обработке и анализе результатов оценивались следующие характеристики: точность запоминания нейтральных и аффектогенных стимулов (дифференцированно), содержательность связи между стимулом и рисунком и характер искажения стимула при воспроизведении. Сами рисунки анализировались по принципам проективной графики.

В исследовании рассматривались следующие вопросы: «Как меняется мнемическая деятельность в личностно проблемных ситуациях, например, в случае переживания травматического события?» и «Можно ли по признакам изменения когнитивных процессов судить о природе и перспективной динамике посттравматического конфликтного переживания?».

Исследование проводилось поэтапно. Применялись методики для определения в опыте испытуемого психотравмирующих событий, интенсивно переживаемых в настоящее время или в недавнем прошлом (интервью, неоконченные предложения, беседа). Беседа включала вопросы о присутствии в опыте испытуемого травматических событий с указанием временной давности этих событий (автокатастрофы, пожары, физическое или психологическое насилие, буллинг, террористический акт, транспортные или авиационные происшествия и т. д.). Результаты интервью и беседы верифицировались с помощью специальных вопросов бланка методики «неоконченные предложения».

В исследовании приняли участие 56 человек (27 женщин и 29 мужчин) в возрасте от 18 до 29 лет со средним и высшим образованием. По результатам первого этапа были выделены следующие группы респондентов: без выраженного травматического опыта — 39 человек (19 женщин и 20 мужчин) и имеющие интенсивно переживаемый травматический опыт — 17 человек (8 женщин и 9 мужчин). Из подсчетов были исключены 4 испытуемых, отказавшихся от полного прохождения исследования.

Далее респонденты были разделены на две подгруппы: имеющие интенсивно переживаемый травматический опыт в горизонте 6–12 месяцев и не имеющие такого опыта. После этого участникам исследования предъявлялась методика пиктограмм со стимульным материалом, разработанным на основе выше указанных принципов.

Результаты пилотажного исследования и их анализ

Результаты проведенного исследования показали существенные различия в воспроизведении аффектогенных и нейтральных стимулов у испытуемых двух групп.

Таблица 1. Среднее количество ошибок воспроизведения стимулов для двух групп испытуемых

Количество ошибок (средние значения по каждой группе испытуемых)	Испытуемые, не имеющие в опыте интенсивных стрессовых воздействий	Испытуемые, подвергнувшиеся интенсивным стрессовым воздействиям
Нейтральные стимулы	2,75	3,54
Аффектогенные стимулы	3,50	3,56

Ранняя диагностика посттравматического стрессового расстройства на основе анализа когнитивных искажений // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №2(15). С. 60-66.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_08

Полученные результаты показывают, что имеются статистически значимые различия между группами в показателях воспроизведения нейтральных стимулов t=2,41; α=0,002). Кроме того, получилось расщепление данных по группам — для не подвергавшихся стрессовым воздействиям испытуемых различие в эффективности воспроизведения нейтральных и аффектогенных стимулов оказалось значимым, а у переживших интенсивный стресс и те, и другие стимулы искажались одинаково и весьма часто — почти в каждом втором случае (t=2,48; α=0,002).

Было установлено, что полученные искажения имеют аффективный характер и выражаются в «сдвиге» когнитивного искажения при запоминании в сторону переживаемого субъектом смыслового конфликта. Так, чаще всего (около 70% случаев) искажение проявляется при воспроизведении стимула «Страшный случай». Искажения имеют типичный характер и выражаются в избегании понятия случайности, превращая стимульный материал в «опасное событие», «катастрофу». Подобные искажения могут быть связаны с неосознанным избеганием понятия случайности. В этом случае вероятность тяжелых сценариев при протекании ПТСР заметно снижается за счет ощущения принципиальной возможности контроля ситуации (Тарабрина, 2001).

Выдвинутое нами предположение подтверждается преобразованием стимула «трудное задание» в ответ «трудная задача» (90% случаев), когда неопределенность условий существенно снижается за счет более конкретных формулировок, имеющих, как правило, верный ответ и не требующих в большинстве случаев дополнительного целеполагания (Арестова, Морозова, 2024). Особого внимания заслуживают рисунки, служащие средствами запоминания в методике пиктограмм, однако этот материал вполне достоин стать предметом отдельной статьи и нуждается в весьма подробном разборе.

Феномен избирательного искажения когнитивных процессов

На основе полученных в пилотажном исследовании результатов можно подтвердить обоснованность гипотезы о том, что избирательные искажения мыслительной деятельности свидетельствуют о связи когнитивных процессов с мотивационно-смысловым конфликтом и отражают факт, характер и тенденции к разрешению этого конфликта. Исходя из положения о том, что мотивационно-смысловой конфликт является результатом переживания травмирующего опыта, мы полагаем, что когнитивные искажения, связанные с травмирующей субъекта ситуацией, на ранних стадиях могут служить признаками перехода конфликтного переживания в острую стадию, соответствующую отсроченным эффектам ПТСР.

Смысловые искажения мышления и запоминания можно рассматривать в различных аспектах. Первый аспект — адаптивно-защитный, имеющий характер ситуативной защиты. Примером может быть защитная иллюзорность событий мира или даже полное отрицание некоторых из этих компонентов. Второй — конструктивно-понятийный. Стимул в методике может расходиться или согласовываться с позицией испытуемого в переживаемом им конфликте, иметь личностный смысл, что и приводит к избирательному искажению в воспроизведении. Стимулы, «попадающие» в зону актуального для субъекта смыслового конфликта, аффективно «втягиваются» в его динамику.

Их запоминание и соответствующее осмысление в некоторой степени утрачивает объективно-задачную основу и включается в процесс понятийного оформления возникающего в ходе конфликтного переживания смыслового противоречия. Разворачивающиеся при этом формы осмысления весьма далеки от собственно понятийных и указывают на полиморфность понятийных образований здорового взрослого человека, столкнувшегося с ситуацией экзистенциальной угрозы.

Избирательный характер когнитивных искажений указывает на понятийную полиморфность смысловых полей, сосуществующих в когнитивной сфере субъекта. Допонятийные формы мышления в ситуации экзистенциальной угрозы сохраняют наряду с понятийными уровнями мысли функциональное значение. Полученные данные вносят коррективы в представление о сосуществовании в когнитивных полях взрослого человека различных по уровню соотношения смысловых компонентов. Мышление человека представляет собой разноуровневую с точки зрения понятийной зрелости структуру (Леонтьев, 1979).

Уровень понимания и решения субъектом конкретной задачи определяется не только зрелостью его мышления, но и смыслом конкретной задачи в контексте мотивационно-личностной динамики. Общий смысл интеллектуального процесса при этом — понятийное оформление возникающих в результате мотивационного конфликта смысловых образований. Уровень понимания и решения субъектом конкретной задачи определяется не только понятийной зрелостью, но и смыслом

Early diagnostics of post-traumatic stress disorder based on the analysis of cognitive distortions. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 60-66.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_08

конкретной задачи в контексте мотивационно-личностной динамики.

Этот момент отражается в представленной Д.А. Леонтьевым (Леонтьев, 2019) гипотезе о возможности сосуществования и взаимоперехода между двумя формами регуляции деятельности — внешне-предметной и субъективно-смысловой. Наши данные позволяют предполагать, что функция «обращенной» к смысловым структурам личности мысли крайне существенна и состоит в понятийном оформлении смысловых структур, придании логической или по крайней мере квазилогической формы малоосознанным, не знающим принципа несовместимого противоречия психическим системам, возникающим в столкновении желаемого и несоответствующего рациональной картине мира реального.

Мотивационно-смысловая динамика в ходе становления и разрешения возникающего в психотравмирующей ситуации конфликта порождает своеобразное смещение уровня обобщения в сторону более ранних и недифференцированных его форм (синкретов и комплексов). В методике пиктограмм это выражается в форме искаженного воспроизведения стимулов в сторону смыслонасыщенных и аффектно продиктованных содержаний. Этот феномен связан с текущей попыткой понятийной кристаллизации новых смысловых образований, порождаемых когнитивным и мотивационным конфликтом, и может приобретать функциональный, актуалгенетический характер. Общая идея при этом — понятийное оформление возникающих в результате переживания когнитивного и мотивационного конфликта смысловых образований.

Заключение

Предлагаемый нами подход представляет собой попытку раскрыть конкретно-психологические механизмы взаимодействия понятийных и мотивационно-личностных систем в ситуации переживания экзистенциального когнитивного и смыслового конфликта. Психоаналитические подходы интерпретируют такие феномены в защитно-деструктивном, регрессивном характере смыслового смещения. Принимая во внимание реальность такого рода трансформации в ситуации острейшего стрессового переживания, мы все-таки не исключаем возможность продуктивной, функциональной интерпретации описанных феноменов. В этом случае сложная смысловая и мотивационная динамика, проявляясь и регулируя когнитивные процессы, создает предпосылки базового для развития личности процесса самопознания, личностной рефлексии, формирования разнообразных по уровню понятийной обобщенности структур самосознания.

Выводы

1. Исследование латентной стадии развития ПТСР представляет собой значительную сложность вследствие неосознаваемого и невербализуемого характера происходящих при этом процессов
2. На латентной стадии развития ПТСР происходит значимый и аффективно насыщенный мотивационно-смысловой конфликт, отражающийся на когнитивных аспектах решения задач, в том числе задач «на смысл».
3. Недоступность происходящих на латентной стадии ПТСР процессов смысловой трансформации определяет недоступность их протекания для самоотчетных процедур и выдвигает на первый план когнитивно ориентированные методики исследования и диагностики.
4. Наблюдаемый в ходе диагностики феномен избирательного, связанного с содержанием смыслового конфликта искажения когнитивных процессов дает возможность не только определить факт разворачивания смыслового конфликта на латентной стадии ПТСР, но и ориентироваться в возможных направлениях его разрешения — конструктивных или деструктивных.

Литература:

1. *Александров Ю.И., Ветрова И.И., Быховец Ю.В*. Психология человека и общества: научно-практические исследования. 2014. М.: ИП РАН.
2. *Арестова О.Н*. Диагностика мотивационного конфликта личности с помощью метода пиктограмм // Вопросы психологии. 2007. № 2. С. 161–171.
3. *Арестова О.Н*. Интуитивное понимание смысла пословиц // Вопросы психологии. 2012. № 2. С. 129–138.
4. *Арестова О.Н., Горшкова А.С.* Особенности мыслительной деятельности в связи с гендерной идентичностью личности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46. № 3. С. 75–97.
5. *Арестова О.Н., Морозова А.И*. Особенности познавательной деятельности у лиц с выраженными чертами темной триады // Вопросы психологии. 2024. Т. 70. № 3. С. 84–97.

6. *Арестова О.Н., Муслимзаде П.З*. Культурное своеобразие процессов обобщения (на примере азербайджаноязычных и русскоязычных жителей г. Баку) // Вопросы психологии. 2018. № 3. С. 87–94.
7. *Арестова О.Н., Савченко П.В*. Специфика мыслительной деятельности у лиц с высоким уровнем агрессивной мотивации // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 86–95.
8. Аффект: практика судебной психолого-психиатрической экспертизы: хрестоматия. Авторы-составители Ф.С. Сафуанов, Е.В. Макушкин. М.: Генезис, 2013.
9. *Быховец Ю.В*. Феномен посттравматического роста // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы. Серия Труды Института психологии РАН. Ответственные редакторы М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев, Н.Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 214–226.
10. *Есина О.Б*. Способность специалистов психиатрических служб к распознаванию симптомов ПТСР у детей и подростков // Уральский медицинский журнал. 2011. № 11. С. 14–17.
11. *Леонтьев А.Н*. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1979.
12. *Леонтьев Д.А*. Психология смысла. М.: Смысл, 2019.
13. *Котенев И.О*. Опросник травматического стресса для диагностики психологических последствий несения службы сотрудниками ОВД в экстремальных условиях. М.: Академия МВД России, 1996.
14. *Мерлин В.С*. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
15. *Падун М.А., Харламенкова Н.Е., Казимова Н.Н., Тарабрина Н.В*. Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
16. *Сергиенко Е.А., Тарабрина Н.В*. Фундаментальные исследования по психологии развития в Институте психологии РАН и их значение для здоровья и образования детей // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 4. С. 35–44.
17. *Столин В.В*. Самосознание личности. М.: МГУ, 1983.
18. *Тарабрина Н.В*. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб. Питер, 2001.
19. *Bauer L.M., Altarriba J., Landi M*. Word type effects in false recall: Concrete, abstract and Emotional word critical lures // The American journal of Psychology. 2009. Vol. 122(4). P. 469–481.
20. *Kahneman D., Sibony O., Sunstein C*. Noise: A Flaw in Human Judgment. New York: Little, Brown Spark, 2021.
21. *Shalev A., Liberzon I., Marmar C*. Post-traumatic stress disorder //New England journal of medicine. 2017. Vol. 376. № 25. P. 2459–2469.
22. *Pitman R.K. et al*. Biological studies of post-traumatic stress disorder // Nature Reviews neuroscience. 2012. Vol. 13. № 11. P. 769–787.
23. *Yehuda R*. Post-traumatic stress disorder // New England journal of medicine. 2002. Vol. 346. № . 2. P. 108–114.

EARLY DIAGNOSTICS OF POST-TRAUMATIC STRESS DISORDER BASED ON THE ANALYSIS OF COGNITIVE DISTORTIONS

© Olga N. Arestova
PhD, Associate Professor of the Department of General Psychology, Faculty of Psychology,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
arestova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6720-322X

The article is devoted to the problem of diagnosing the development of PTSD at an early (latent) stage. The importance of such a diagnosis is determined by the need for preventive psychotherapeutic measures, and the limitations of using questionnaire methods for early diagnosis are emphasized. The phenomenology of PTSD is considered as a situation of semantic conflict that requires the use of specially modified cognitively oriented techniques (pictographs, interpretation of proverbs, exclusion of the fourth object, etc.), in which cognitive distortions can be used to judge the presence and trends of development and possible resolution of semantic conflict in the latent stages of PTSD.

Keywords: post-traumatic stress disorder (PTSD), early diagnosis of PTSD, semantic conflict, cognitive distortions, conceptual actual genesis, pictogram technique

Early diagnostics of post-traumatic stress disorder based on the analysis of cognitive distortions. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 60-66.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_08

REFERENCES

1. *Aleksandrov Yu.I., Vetrova I.I., Bykhovets Yu.V.* (2014). Psychology of man and society: scientific and practical research. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
2. *Arestova O.N.* (2007). Diagnostics of motivational conflict of personality using the pictogram method // Questions of Psychology. № 2. P. 161–171.
3. *Arestova O.N.* (2012). Intuitive understanding of the meaning of proverbs // Questions of Psychology. № 2. P. 129–138.
4. *Arestova O.N., Gorshkova A.S.* (2023). Features of mental activity in connection with the gender identity of the individual // Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology. Vol. 46. № 3. P. 75–97.
5. *Arestova O.N., Morozova A.I.* (2024). Features of cognitive activity in individuals with pronounced traits of the dark triad // Questions of psychology. Vol. 70. № 3. P. 84–97.
6. *Arestova O.N., Muslimzade P.Z.* (2018). Cultural originality of generalization processes (on the example of Azerbaijani-speaking and Russian-speaking residents of Baku) // Questions of psychology. № 3. P. 87–94.
7. *Arestova O.N., Savchenko P.V.* (2010). Specifics of mental activity in individuals with a high level of aggressive motivation // Applied legal psychology. № 4. P. 86–95.
8. Affect: practice of forensic psychological and psychiatric examination: anthology. Authors-compilers F.S. Safuanov, E.V. Makushkin. M.: Genesis, 2013.
9. *Bykhovets Yu.V.* (2016). The Phenomenon of Posttraumatic Growth // Psychological Studies of Personality: History, Current State, Prospects. Series Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Editors-in-Chief M.I. Volovikova, A.L. Zhuravlev, N.E. Kharlamenkova. M.: Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences". P. 214–226
10. *Esina O.B.* (2011). The Ability of Psychiatric Specialists to Recognize PTSD Symptoms in Children and Adolescents // Ural Medical Journal. № 11. P. 114–17
11. *Leontiev A.N.* (1979). Activity, Consciousness, Personality. M.: Politizdat.
12. *Leontiev D.A.* (2019). Psychology of Meaning. M.: Smysl.
13. *Kotenev I.O.* (1996). Traumatic stress questionnaire for diagnosing psychological consequences of service by police officers in extreme conditions. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
14. *Merlin V.S.* (1986). Essay on an integral study of individuality. Moscow: Pedagogy.
15. *Padun M.A., Kharlamenkova N.E., Kazimova N.N., Tarabrina N.V.* (2017). Intensive stress in the context of psychological safety. Moscow: Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences".
16. *Sergienko E.A., Tarabrina N.V.* (2007). Fundamental research in developmental psychology at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences and their significance for children's health and education // Psychological Journal. Vol. 28. № 4. P. 35–44.
17. *Stolin V.V.* (1983). Personality self-awareness. M.: Moscow State University.
18. *Tarabrina N.V.* (2001). Workshop on the psychology of post-traumatic stress. St. Petersburg. Piter.
19. *Bauer L.M., Altarriba J., Landi M.* (2009). Word type effects in false recall: Concrete, abstract and Emotional word critical lures // The American journal of Psychology. Vol. 122(4). P. 469–481.
20. *Kahneman D., Sibony O., Sunstein C.* (2021). Noise: A Flaw in Human Judgment. New York: Little, Brown Spark.
21. *Shalev A., Liberzon I., Marmar C.* (2017). Post-traumatic stress disorder //New England journal of medicine. Vol. 376. № 25. P. 2459–2469.
22. *Pitman R.K. et al.* (2012). Biological studies of post-traumatic stress disorder // Nature Reviews neuroscience. Vol. 13. № 11. P. 769–787.
23. *Yehuda R.* (2002). Post-traumatic stress disorder // New England journal of medicine. Vol. 346. № 2. P. 108–114.

Кияненко И.К.
Применение практик осознанности в терапии посттравматического стрессового расстройства (по материалам ...) //Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №2(15) С. 67-73.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_09

Kiyanenko I.K.
Application of mindfulness practices in the treatment of post-traumatic stress disorder (based on materials from international studies). Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 67-73.
DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_09

ПРИМЕНЕНИЕ ПРАКТИК ОСОЗНАННОСТИ В ТЕРАПИИ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССОВОГО РАССТРОЙСТВА (по материалам зарубежных исследований)

© Кияненко И.К.
Аспирант, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории психологии салютогенной среды, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
kiyanenko.i.k@hse.ru

В статье рассматривается применение практик осознанности (майндфулнес) в терапии посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Представлен обзор зарубежных исследований, посвящённых эффективности программ, основанных на осознанности, таких как MBSR, TI–MBSR и MBCT, при работе с ветеранами боевых действий. Описаны механизмы воздействия практик осознанности на ключевые симптомы ПТСР: избегание, гипервозбуждение, интрузии, диссоциацию и эмоциональное оцепенение. Отмечается, что практики осознанности интегрируются в трёхфазную модель терапии травмы Джудит Херман, способствуя стабилизации, работе с травматическим материалом и консолидации изменений. Несмотря на ограниченность исследований по отдельным аспектам, MBI-интервенции рассматриваются как эффективное и доступное дополнение к существующим методам лечения ПТСР, особенно для пациентов с трудностями при использовании традиционных подходов.

Ключевые слова: посттравматическое стрессовое расстройство, психотерапия, осознанность, майндфулнес, интервенции основанные на осознанности, ветераны боевых действий

Введение

Актуальность исследования посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) с точки зрения практической значимости обусловлена, прежде всего, достаточно широким распространением данного заболевания среди различных групп населения. Так, по данным Всемирной организации здравоохранения на 2024 год, примерно 3,9% всего мирового населения имели хотя бы один эпизод ПТСР на протяжении своей жизни (World Health Organization, 2022). Более уязвимой категорией населения являются ветераны боевых действий. Согласно проведенному метаанализу, около 23,8% участников боевых действий впоследствии испытывают ПТСР (Hoppen, Morina, 2019).

Актуальность исследования ПТСР с точки зрения психотерапевтической практики обусловлена несколькими факторами. Во-первых, такой наиболее распространенный терапевтический подход как когнитивно-поведенческая терапия, ориентированная на травму, показывает эффективность примерно в 60% случаев (Bremner et al., 2017). Во-вторых, во многих странах до сих пор существуют проблемы с доступом к качественной психотерапевтической помощи вследствие как нехватки подготовленных специалистов, так и неэффективности систем здравоохранения. В-третьих, одним из основных симптомов ПТСР является избегание, которое распространяется в том числе и на представление травматического опыта, что препятствует лечению данного расстройства. Все эти факторы бросают перед научным сообществом вызов — определить оптимальные методы терапии ПТСР, которые были бы достаточно эффективны, доступны для различных групп населения, а также учитывали специфику протекания данного расстройства. В данной статье проведен обзор основных программ, основанных на осознанности, применяемых в терапии ПТСР, описаны механизмы воздействия таких интервенций на симптомы посттравматического стрессового расстройства, а также приведены результаты зарубежных исследований эффективности данных программ относительно терапии ПТСР среди ветеранов боевых действий.

Практики осознанности и их применение в психротерапии ПТСР

Осознанность, или майндфулнес (англ. —*mindfulness*) — это непредвзятое исследование настоящего опыта, включающее ментальные (мысли, эмоции, чувства) и телесные ощущения (Kabat-

Применение практик осознанности в терапии посттравматического стрессового расстройства (по материалам зарубежных исследований) // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №2(15) С. 67-73. DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_09

Zinn, 2009). Современные представления о практике осознанности были в значительной степени сформированы в конце 1970-х гг. профессором Медицинской школы Массачусетского университета Д. Кабат-Зинном, который взял за основу буддийские техники медитации, удалив из них весь религиозный и эзотерический контекст, адаптировав их, таким образом, для западной аудитории.

Разнообразные психологические подходы, использующие майндфулнес в качестве основы, объединяются в группу «интервенций, основанных на майндфулнес» (*Mindfulness-Based Interventions, MBI*). В контексте работы с ПТСР наиболее применимыми являются три направления: программа снижения стресса на основе осознанности (*Mindfulness-Based Stress Reduction, MBSR*), травма-информированная программа снижения стресса на основе осознанности (*Trauma-Informed Mindfulness-Based Stress Reduction, TI–MBSR*), а также одна из ветвей когнитивно-поведенческой терапии — когнитивная терапия, основанная на осознанности (*Mindfulness-Based Cognitive Therapy, MBCT*), адаптированная для лечения ПТСР.

Программа снижения стресса на основе осознанности (*MBSR*) — это восьминедельная программа, сочетающая изучение паттернов мышления, чувств и поведения, а также изучение светской медитации, телесной осознанности и элементов йоги. Программа включает в себя еженедельные встречи (очно или онлайн) продолжительностью 1,5–2 часа, однодневную практику в середине курса и серию ежедневных домашних заданий, выполнение которых занимает около 30–45 минут. Участник получает стандартизированные материалы по MBSR в виде рабочей тетради с теоретической информацией, бланками для фиксации наблюдений и выполнения домашних заданий.

Программы MBSR и TI–MBSR имеют одни и те же основополагающие принципы и похожи по структуре, но отличаются специфической направленностью и адаптацией. MBSR разработана как общая программа снижения стресса и сосредоточена на развитии осознанности с помощью различных медитативных практик, в то время как TI–MBSR разработана специально для людей, переживших травму, особенно для тех, кто страдает ПТСР и включает в себя психообразование, ориентированное на травму. Программа TI–MBSR разработана как вмешательство на первой фазе лечения травмы, направленное на обеспечение безопасности и регуляцию аффекта. Классическая программа MBSR может не затрагивать специфические проблемы, связанные с травмой и, соответственно, может потенциально спровоцировать негативные переживания. TI–MBSR направлена на создание безопасной среды для людей, переживших травму, и включает модификации для предотвращения повторной травматизации, фокусируясь на сдерживании травмирующих мыслей и эмоций. Также в качестве элемента психообразования в TI–MBSR включены блоки о нейрофизиологии травмы, а также понимание симптомов травмы как адаптации. Важной особенностью TI–MBSR, предотвращающей ретравматизацию, является тот факт, что участников не просят раскрывать или напрямую обрабатывать травматические воспоминания, что обеспечивает безопасную атмосферу в процессе прохождения курса (Kelly, Garland, 2016).

MBCT-подход сочетает в себе элементы медитации на основе осознанности и техники когнитивно-поведенческой терапии (КПТ). Помимо использования практик осознанности, ключевые особенности MBCT состоят в следующем:

– фокус на принятии пациентами своих мыслей и чувств без осуждения;

– профилактика рецидивов: первоначально разработанная для предотвращения рецидивов при рекуррентной депрессии, MBCT помогает людям распознавать ранние признаки депрессивных эпизодов. Данная особенность MBCT является значимой в терапии ПТСР, так как, по данным исследований, депрессия сопутствует ПТСР вплоть до 60% случаев (Adams et al., 2019);

– групповой формат: обычно проводится в течение 8 еженедельных сессий, часто в групповой обстановке.

Таким образом, отличия MBCT от КПТ можно сформулировать следующим образом:

– подход к мыслям: в то время как КПТ фокусируется на формулировании и изменении негативных мыслеобразов, MBCT делает акцент на наблюдении и выработке «третьей позиции» восприятия по отношению к мыслям;

– ориентация на цель: КПТ более ориентирована на достижение цели, направленной на активное изменение мыслей и поведения, а MBCT поощряет режим «бытия», фокусируясь на принятии и разрешении того, что есть;

– развитие навыков: КПТ делает акцент на развитии навыков преодоления, в то время как MBCT фокусируется на развитии осознанности и осознания настоящего момента.

Application of mindfulness practices in the treatment of post-traumatic stress disorder (based on materials from international studies). Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 67-73. DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_09

Психологические механизмы практик осознанности при терапии ПТСР

Проведенный анализ позволяет выделить восемь основных принципов практик осознанности:

1. Непредвзятое (неосуждающее) наблюдение — означает способность наблюдать за неприятными или трудными мыслями и чувствами без отнесения его к хорошему или плохому.
2. Принятие — предполагает признание того факта, что человек не всегда испытывает только приятные переживания и проживание всего переживаемого опыта в его полноте.
3. Терпение — установка на то, что окружающие события должны развиваться своим чередом и торопить их не следует.
4. Ум новичка — свободное от предубеждений и навешивания ярлыков восприятие событий, как будто они происходят впервые.
5. Доверие — прежде всего к своему опыту и процессу его проживания.
6. Отпускание — освобождение от привязанности к мыслям и чувствам.
7. Не-стремление — практика без привязанности к конкретным целям и результатам.
8. Благодарность — осознание ценности момента «здесь и сейчас» и переживаемого опыта.

Корневые компоненты подходов, основанных на осознанности, а именно тренировка фокуса внимания, когнитивное осознавание и неосуждение, позволяют направить терапию на такие проявления ПТСР, как избегание, эмоциональное оцепенение и гипервозбуждение, негативные эмоции (стыд и чувство вины) и диссоциацию, а также некоторые нейрокогнитивные процессы, связанные с посттравматическим стрессом.

Практики осознанности развивают намеренное переключение внимания на настоящий момент, уменьшая смещение внимания на стимулы, связанные с травмой, и поведение избегания. Другим эффектом развития внимания и, в частности, внимательного осознавания текущего опыта является снижение реактивности и импульсивного поведения (Bryant, 2019). Таким образом, прерывание неадаптивных циклов мышления, которые достигаются с помощью практик осознанности, снижают частоту возникновения интрузий.

Избегание опыта, то есть попытки подавить мысли, эмоции или воспоминания, связанные с травмой, является одним из основных факторов поддержания ПТСР. Симптомы избегания также снижаются за счет фокусировки на настоящем моменте, а также при большей открытости опыту и принятии (неосуждении), то есть готовности встречаться с неприятными или травмирующими стимулами. Снижение избегания имеет важный терапевтический эффект, так как позволяет пациенту и терапевту работать с травмирующим материалом. Также отмечено, что восприятие травматического опыта становится менее интенсивным: он воспринимается как неприятные переживания, а не как угроза (Li et al., 2024).

С точки зрения возможной ретравматизации существует значительное различие между MBI-подходами и подходами, ориентированными на травматическую экспозицию. Оно заключается в том, что, в отличие от экспозиционной терапии, MBI-интервенции не вызывают травматические воспоминания намеренно, а позволяют им возникнуть естественным образом во время практик. Пациенты учатся справляться с дискомфортом постепенно, снижая симптомы гипервозбуждения и избегания (Davis et al., 2019).

Способствуя непредвзятому принятию мыслей и эмоций, связанных с травмой, MBI-интервенции также уменьшают стыд, вину и эмоциональное оцепенение, которые являются частыми эмоциональными проявлениями при посттравматическом стрессе. Эти интервенции прерывают привычную реакцию на стресс, отделяя травматические триггеры от эмоциональных реакций, а также снижают интенсивность негативных эмоций. Следующим шагом после такого разделения является когнитивная переоценка и выработка «третьей позиции» восприятия, что уменьшает когнитивные искажения, поддерживающие ПТСР.

Одним из проявлений ПТСР является диссоциация. Практики осознанности включают телесный компонент, например сканирование тела, когда внимание последовательно направляется в разные участки тела, а также упражнения из йоги, что в сочетании с осознаванием настоящего момента способствует интеграции ментального и телесного уровней. Исследования показали, что осознанность как черта характера отрицательно коррелирует с диссоциацией, так как снижает фрагментированное восприятие собственного опыта пациента (Boyd et al., 2018). Также отмечено, что разнообразные практики MBI-подходов, ориентированные на работу с телом и телесное осознавание, улучшают обнаружение телесных сигналов, связанных со стрессом, и позволяют регулировать эмоции на более раннем этапе (Li et al., 2024).

В исследовании J. Bremner и коллег отмечается, что участники программ на основе осознанности отмечают улучшения в области целеполагания ирезильентности, что связывается с постравма-

Применение практик осознанности в терапии посттравматического стрессового расстройства (по материалам зарубежных исследований) // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т.5. №2(15) С. 67-73. DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_09

тическим ростом, в частности развитием самосострадания и укреплением доверия в межличностных отношениях (Bryant et al., 2019).

Некоторые подходы, основанные на осознанности, в частности, MBSR и TI–MBSR, традиционно проводятся в групповом формате, что обеспечивает участникам социальную и эмоциональную поддержку.

Исследование нейробиологического влияния практик осознанности J. Boyd и коллег показало, что такие практики повышают активность медиальной префронтальной коры и снижают реактивность миндалевидного тела, что улучшает эмоциональную регуляцию (Boyd et al., 2018). Также показано, что MBI-практики нормализуют связь между сетью пассивного режима работы мозга (*Default Mode Network, DMN*), сетью выявления значимости (Salience Network, SN), отвечающую за «фильтрацию» внешних и внутренних сигналов, и центральной исполнительной сетью (*Central Executive Network, CEN*), участвующей в том числе в обработке сигналов и концентрации. Связь данных систем при ПТСР нарушается, а ее восстановление решает сразу несколько актуальных для пациентов задач: уменьшает руминацию, повышает гибкость внимания, а также может снижать гипервозбуждение. С точки зрения эндокринной системы практики осознанности снижают уровень кортизола и провоспалительных цитокинов, в частности, интерлейкина-6 (IL-6), что уменьшает общее воспаление (Boyd et al., 2018).

Ограничения применения MBI-подходов в терапии ПТСР обусловлены их недостаточной изученностью, особенно по сравнению с методами психофармакотерапии первой линии, хотя размер эффекта является сопоставимым. Также, рядом исследователей отмечено, что недостаточно изучены механизмы влияния подходов, основанных на осознанности на диссоциативные симптомы ПТСР (Boyd et al., 2018).

В целом, практики осознанности укладываются в трехфазную модель терапии травмы Д. Херман:

1. Фаза безопасности и стабилизации — такие практики как осознанное дыхание, сканирование тела помогают клиентам справляться с острыми симптомами, например, паническими атаками.
2. Фаза конфронтации или работы с травматическим материалом — все навыки осознанности помогают клиенту удерживаться в настоящем моменте, предотвращая ретравматизацию. Это позволяет пациенту обрабатывать травмирующие воспоминания, осознавая присутствие терапевта.
3. Фаза консолидации и реинтеграции — осознанность помогает снизить диссоциацию, то есть сохранить и поддерживать идентичность клиента (Herman, 1997).

Резюмируя, можно описать следующие связи между симптомами ПТСР и механизмами практик осознанности:

– интрузии снижаются через осознавание текущего опыта, восстановление контроля над фокусом внимания и его переключения с травмирующих стимулов на настоящий момент;
– избегание снижается через неосуждающее осознавание текущего опыта;
– симптоматика возбуждения и реактивности сглаживается через фокусировку на моменте «здесь и сейчас», а также за счет снижения фокуса на травмирующем событии;
– изменение настроения и когнитивной сферы регулируются через безоценочное восприятие событий, связанных с травмой;
– симптомы диссоциации уменьшаются через соединение с текущим (в том числе телесным) опытом и преодоление негативных внутренних состояний.

Сравнительный анализ эффективности практик осознанности при терапии ПТСР

В рамках исследования M. Polusny и коллег, проведенного с участием 116 ветеранов боевых действий с диагностированным ПТСР и подпороговым ПТСР, участники были распределены на 2 группы: первая группа проходила MBSR (дополненный психообразованием по травме, то есть фактически — TI–MBSR), вторая группа проходила терапию, ориентированную на настоящее (нетравмоориентированная терапия ПТСР). Результаты показали, что в момент окончания терапии первая и вторая группа продемонстрировали сходные результаты. Однако спустя 2 месяца после окончания терапии в группе MBSR выявлено значительно большее снижение по Шкале самооценки проявлений ПТСР (размер эффекта d=0,40), Клинической шкале оценки ПТСР (размер эффекта d=0,41) и Опроснику качества жизни ВОЗ (размер эффекта d=0,41) по сравнению с исходным уровнем. Это может говорить о большей эффективности программы MBSR для поддержания эффекта терапии. Также были выявлены незначительные различия между группами по шкале депрессии (одинаковые улучшения в группах) (Polusny et al., 2015).

Application of mindfulness practices in the treatment of post-traumatic stress disorder (based on materials from international studies). Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 67-73. DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_09

В исследовании K. Possemato и коллег 62 ветерана боевых действий с ПТСР и подпороговым ПТСР, разделили на 2 группы: первая группа прошла сокращенный 4-недельный курс MBSR и типичную первичную помощь для ветеранов (фармакотерапию), а вторая группа — только типичную первичную помощь (фармакотерапию).

В результате исследователи пришли к следующим выводам:

– не была выявлена существенная разница между группами по Шкале самооценки проявление ПТСР и Клинической шкале оценки ПТСР;произошло значительное улучшение по показателям депрессии в первой группе (размер эффекта d=0,86);

– в первой группе также произошло значительное снижение симптомов по Клинической шкале оценки ПТСР (размер эффекта d=0,72) и Опроснику здоровья пациента (размер эффекта d=0,99) (Possemato et al., 2016).

В исследование King и коллег, проведенном с участием 37 ветеранов боевых действий с диагностированным хроническим ПТСР, оценивалась эффективность 8-недельной программы MBCT, адаптированной для ПТСР по сравнению с группой, получавшей кратковременное терапевтическое вмешательство. В группе MBCT у 73% участников наблюдалось значительное улучшение общих симптомов ПТСР по Клинической шкале оценки ПТСР, особенно заметное и клинически значимое снижение касалось симптомом избегания (размер эффекта d=2,11) и блокировки эмоциональных реакций (размер эффекта d=0,57) (King et al., 2013).

Таким образом, практики осознанности доказывают свою эффективность и могут служить обоснованным дополнением фармакотерапии ПТСР среди ветеранов боевых действий.

Заключение

Современные практики осознанности (майндфулнес), такие как MBSR, TI–MBSR и MBCT, демонстрируют значительный потенциал в терапии посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Их эффективность подтверждается исследованиями, в которых отмечено устойчивое снижение симптомов ПТСР, улучшение эмоциональной регуляции, снижение уровня депрессии и повышение качества жизни у различных групп пациентов, включая ветеранов боевых действий. Механизмы воздействия практик осознанности связаны с развитием навыков саморегуляции, снижением избегания, уменьшением интенсивности негативных эмоций, интеграцией ментального и телесного опыта, а также с нейробиологическими изменениями, способствующими восстановлению баланса между основными мозговыми сетями. Важным преимуществом MBI-подходов является их ориентация на создание безопасной терапевтической среды, предотвращающей ретравматизацию, а также возможность адаптации программ для различных целевых групп. Практики осознанности интегрируются в трехфазную модель терапии травмы, способствуя стабилизации, работе с травматическим материалом и консолидации изменений. Несмотря на недостаточную изученность некоторых аспектов, в частности влияния на диссоциативные симптомы, MBI-интервенции уже сегодня могут рассматриваться в качестве эффективного и доступного дополнения к существующим методам лечения ПТСР, особенно для пациентов, испытывающих трудности с традиционными подходами. Дальнейшие исследования необходимы для более глубокого понимания механизмов воздействия и определения оптимальных форматов внедрения практик осознанности в клиническую практику терапии ПТСР, с учетом индивидуальных особенностей пациентов и специфики травматического опыта.

Литература:

1. *Adams S.W., Bowler R.M., Russell K., et al.* PTSD and comorbid depression: Social support and self-efficacy in World Trade Center tower survivors 14–15 years after 9/11 // Psychological Trauma. 2019. Vol. 11. № 2. P. 156–164. DOI: 10.1037/tra0000404
2. *Boyd J.E., Lanius R.A., McKinnon M.C.* Mindfulness-based treatments for posttraumatic stress disorder: a review of the treatment literature and neurobiological evidence // Journal of Psychiatry & Neuroscience. 2018. Vol. 43. № 1. P. 7–25. DOI: 10.1503/jpn.170021
3. *Bremner J.D., Mishra S., Campanella C., et al.* A Pilot Study of the Effects of Mindfulness-Based Stress Reduction on Post-traumatic Stress Disorder Symptoms and Brain Response to Traumatic Reminders of Combat in Operation Enduring Freedom/Operation Iraqi Freedom Combat Veterans with Post-traumatic Stress Disorder // Frontiers in Psychiatry. 2017. Vol. 8. Art. 157. DOI: 10.3389/fpsyt.2017.00157
4. *Bryant R.A.* Post-traumatic stress disorder: a state-of-the-art review of evidence and challenges // World Psychiatry. 2019. Vol. 18. № 3. P. 259–269. DOI: 10.1002/wps.20656

5. *Davis L.L., Whetsell C., Hamner M.B., et al.* A Multisite Randomized Controlled Trial of Mindfulness-Based Stress Reduction in the Treatment of Posttraumatic Stress Disorder // Psychiatric Research and Clinical Practice. 2019. Vol. 1. № 2. P. 39–48. DOI: 10.1176/appi.prcp.20180002
6. *Herman J.L.* Trauma and Recovery: The Aftermath of Violence — from Domestic Abuse to Political Terror. New York: Basic Books, 1997.
7. *Hoppen T.H., Morina N.* The prevalence of PTSD and major depression in the global population of adult war survivors: a meta-analytically informed estimate in absolute numbers // European Journal of Psychotraumatology. 2019. Vol. 10. № 1. P. 1–12. DOI: 10.1080/20008198.2019.1578637
8. *Kabat-Zinn J.* Full Catastrophe Living: Using the Wisdom of Your Body and Mind to Face Stress, Pain, and Illness. New York: Random House Publishing Group, 2009.
9. *Kelly A., Garland E.L.* Trauma-Informed Mindfulness-Based Stress Reduction for Female Survivors of Interpersonal Violence: Results From a Stage I RCT // Journal of Clinical Psychology. 2016. Vol. 72. № 4. P. 311–328. DOI: 10.1002/jclp.22273
10. *King A.P., Erickson T.M., Giardino N.D., et al.* A Pilot Study Of Group Mindfulness-Based Cognitive Therapy (MBCT) For Combat Veterans With Posttraumatic Stress Disorder (PTSD) // Depression and Anxiety. 2013. Vol. 30. P. 638–645. DOI: 10.1002/da.22104
11. *Li W.W., Nannestad J., Leow T., Heward C.* The effectiveness of mindfulness-based stress reduction (MBSR) on depression, PTSD, and mindfulness among military veterans: A systematic review and meta-analysis // Health Psychology Open. 2024. Vol. 11. P. 1–17. DOI: 10.1177/20551029241302969
12. *Polusny M.A., Erbes C.R., Thuras P., et al.* Mindfulness-based stress reduction for posttraumatic stress disorder among veterans: a randomized clinical trial // JAMA. 2015. Vol. 314. № 5. P. 456–465. DOI: 10.1001/jama.2015.8361
13. *Possemato K., Bergen-Cico D., Treatman S., et al.* A randomized clinical trial of primary care brief mindfulness training for veterans with PTSD // Journal of Clinical Psychology. 2016. Vol. 72. № 3. P. 179–193. DOI: 10.1002/jclp.22241
14. World Health Organization. Post-traumatic stress disorder // WHO. Fact Sheets. 2022. URL: https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/post-traumatic-stress-disorder (дата обращения: 11.06.2025).

APPLICATION OF MINDFULNESS PRACTICES IN THE TREATMENT OF POST-TRAUMATIC STRESS DISORDER (based on materials from international studies)

© Ilya K. Kiyanenko
Postgraduate Student, Research Intern at the Scientific and Educational Laboratory of Salutogenic Environment Psychology, National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation,
kiyanenko.i.k@hse.ru

The article discusses the use of mindfulness practices in the treatment of post-traumatic stress disorder (PTSD). It provides an overview of foreign studies on the effectiveness of mindfulness-based programs, such as MBSR, TI–MBSR, and MBCT, in working with combat veterans. It describes the mechanisms by which mindfulness practices affect key symptoms of PTSD: avoidance, hyperarousal, intrusions, dissociation, and emotional numbness. It is noted that mindfulness practices are integrated into a three-phase model of trauma therapy, promoting stabilization, working with traumatic material, and consolidating changes. Despite the limited research on individual aspects, MBI interventions are considered an effective and accessible addition to existing PTSD treatment methods, especially for patients who have difficulty using traditional approaches.

Keywords: post-traumatic stress disorder, psychotherapy, mindfulness, mindfulness-based interventions (MBI)

Application of mindfulness practices in the treatment of post-traumatic stress disorder (based on materials from international studies). Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2025, Vol.5, No2(15), Pp. 67-73. DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_02_09

REFERENCES

1. *Adams S.W., Bowler R.M., Russell K., et al.* (2019). PTSD and comorbid depression: Social support and self-efficacy in World Trade Center tower survivors 14–15 years after 9/11 // Psychological Trauma. Vol. 11. № 2. P. 156–164. DOI: 10.1037/tra0000404
2. *Boyd J.E., Lanius R.A., McKinnon M.C.* (2018). Mindfulness-based treatments for posttraumatic stress disorder: a review of the treatment literature and neurobiological evidence // Journal of Psychiatry & Neuroscience. Vol. 43. № 1. P. 7–25. DOI: 10.1503/jpn.170021
3. *Bremner J.D., Mishra S., Campanella C., et al.* (2017). A Pilot Study of the Effects of Mindfulness-Based Stress Reduction on Post-traumatic Stress Disorder Symptoms and Brain Response to Traumatic Reminders of Combat in Operation Enduring Freedom/Operation Iraqi Freedom Combat Veterans with Post-traumatic Stress Disorder // Frontiers in Psychiatry. Vol. 8. Art. 157. DOI: 10.3389/fpsyt.2017.00157
4. *Bryant R.A.* (2019). Post-traumatic stress disorder: a state-of-the-art review of evidence and challenges // World Psychiatry. Vol. 18. № 3. P. 259–269. DOI: 10.1002/wps.20656
5. *Davis L.L., Whetsell C., Hamner M.B., et al.* (2019). A Multisite Randomized Controlled Trial of Mindfulness-Based Stress Reduction in the Treatment of Posttraumatic Stress Disorder // Psychiatric Research and Clinical Practice. Vol. 1. № 2. P. 39–48. DOI: 10.1176/appi.prcp.20180002
6. *Herman J.L.* (1997). Trauma and Recovery: The Aftermath of Violence — from Domestic Abuse to Political Terror. New York: Basic Books.
7. *Hoppen T.H., Morina N.* (2019). The prevalence of PTSD and major depression in the global population of adult war survivors: a meta-analytically informed estimate in absolute numbers // European Journal of Psychotraumatology. Vol. 10. № 1. P. 1–12. DOI: 10.1080/20008198.2019.1578637
8. *Kabat-Zinn J.* (2009). Full Catastrophe Living: Using the Wisdom of Your Body and Mind to Face Stress, Pain, and Illness. New York: Random House Publishing Group.
9. *Kelly A., Garland E.L.* (2016). Trauma-Informed Mindfulness-Based Stress Reduction for Female Survivors of Interpersonal Violence: Results From a Stage I RCT // Journal of Clinical Psychology. Vol. 72. № 4. P. 311–328. DOI: 10.1002/jclp.22273
10. *King A.P., Erickson T.M., Giardino N.D., et al.* (2013). A Pilot Study Of Group Mindfulness-Based Cognitive Therapy (MBCT) For Combat Veterans With Posttraumatic Stress Disorder (PTSD) // Depression and Anxiety. Vol. 30. P. 638–645. DOI: 10.1002/da.22104
11. *Li W.W., Nannestad J., Leow T., Heward C.* (2024). The effectiveness of mindfulness-based stress reduction (MBSR) on depression, PTSD, and mindfulness among military veterans: A systematic review and meta-analysis // Health Psychology Open. Vol. 11. P. 1–17. DOI: 10.1177/20551029241302969
12. *Polusny M.A., Erbes C.R., Thuras P., et al.* (2015). Mindfulness-based stress reduction for posttraumatic stress disorder among veterans: a randomized clinical trial // JAMA. Vol. 314. № 5. P. 456–465. DOI: 10.1001/jama.2015.8361
13. *Possemato K., Bergen-Cico D., Treatman S., et al.* (2016). A randomized clinical trial of primary care brief mindfulness training for veterans with PTSD // Journal of Clinical Psychology. Vol. 72. № 3. P. 179–193. DOI: 10.1002/jclp.22241
14. World Health Organization. Post-traumatic stress disorder // WHO. Fact Sheets. 2022. URL: https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/post-traumatic-stress-disorder (дата обращения: 11.06.2025).